

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

РОССИЯ – ТУРЦИЯ – ГРЕЦИЯ

ВОЗМОЖНОСТИ ДИАЛОГА НА БАЛКАНАХ

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2021

УДК 94
ББК 63.3(0)
Р76

Авторы:

*А. С. Айрапетян, А. К. Александрова, К. В. Власова, иер. Иоанн Кудласевич,
А. А. Леонтьева, А. С. Лубоцкая, И. М. Мамедов, Н. Махмутай,
Т. В. Никитина, К. В. Никифоров, К. Озлем, О. Е. Петрунина, И. А. Свистунова,
И. Ю. Смирнова, Ар. А. Улунян, М. М. Фролова*

Редакционная коллегия:

*К. В. Никифоров (отв. ред.), А. К. Александрова,
Э. Г. Задорожнюк, И. М. Мамедов, О. Е. Петрунина*

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов

Рецензенты:

кандидат исторических наук Н. С. Гусев
доктор политических наук Е. Г. Энтина

Р76 Россия — Турция — Греция : возможности диалога на Балканах /
отв. ред. К. В. Никифоров. — М. : Институт славяноведения РАН ;
СПб. : Нестор-История, 2021. — 248 с., ил.

ISBN 978-5-4469-2030-3

DOI 10.31168/4469-2030-3

В книге исследован широкий круг вопросов, связанных с ролью России, Турции и Греции на Балканах, а также с отношениями между этими странами в региональном контексте. Данные вопросы рассматриваются в исторической ретроспективе и на текущем этапе, на уровне глобальных и локальных сюжетов. Проанализированы и такие аспекты, как войны и дипломатия, религия и ее влияние на политику, историческая память и современные представления о ключевых событиях давнего и недавнего прошлого. Представлены зачастую несовместимые позиции России, Турции и Греции по ряду актуальных и острых проблем, касающихся ситуации на Балканах. Отмечается, что, несмотря на существующие противоречия, страны стремятся к урегулированию международных конфликтов путем диалога и сотрудничества.

Книга предназначена для специалистов по истории Балкан, Греции и Турции, студентов высших учебных заведений и всех интересующихся данной проблематикой.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-4469-2030-3

9 785446 920303

© Коллектив авторов, 2021
© Институт славяноведения РАН, 2021
© Дизайн обложки П. К. Донской, 2021
© Издательство «Нестор-История», 2021

Оглавление

Предисловие (<i>К.В. Никифоров</i>).....	7
--	---

РАЗДЕЛ I

РОССИЙСКО-ТУРЕЦКО-ГРЕЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Глава 1. Балканы между Византийской, Османской и Российской империями в исторической памяти и современных внешнеполитических практиках отдельных стран региона (<i>Ар.А. Улунян</i>).....	12
Глава 2. Первые российские консулы в Османской империи во время мира и войны (1776–1787) (<i>О.Е. Петрушина</i>).....	35
Глава 3. В горниле русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: русские, болгары, турки (<i>М.М. Фролова</i>).....	45
Глава 4. Хиландарский монастырь на Афоне и российская дипломатия: к истории русско-сербских отношений (1850–1870-е гг.) (<i>И.Ю. Смирнова</i>).....	64
Глава 5. Архимандрит Леонид (Кавелин) и Свято-Пантелеимонов монастырь: к истории русско-афонских связей во второй половине XIX в. (<i>иер. Иоанн Кудласевич</i>).....	81
Глава 6. Политические отношения СССР, Греции и Турции по кипрскому вопросу в 1950–1970-е гг. (<i>Т.В. Никитина</i>).....	104

РАЗДЕЛ II

РОССИЯ, ТУРЦИЯ, ГРЕЦИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА И ПАРТНЕРСТВА

Глава 7. Сравнительный анализ политики Турции, Российской Федерации и Греции в отношении косовского вопроса (1999–2008 гг.) (<i>К. Озлем</i>)	122
Глава 8. Балканская политика Турции и ее подходы к взаимодействию с Россией и Грецией (<i>И. А. Свистунова</i>)	130
Глава 9. Вечный друг и вечный недруг: образы России и Турции в сознании современных греков (<i>А. С. Лубоцкая</i>)	140
Глава 10. Греко-турецкие разногласия по вопросу делимитации Эгейского моря (<i>И. М. Мамедов</i>)	147
Глава 11. Греция и Турция: сотрудничество или соперничество в миграционной сфере? (<i>К. В. Власова</i>)	159
Глава 12. Турецкий фактор в греко-российских отношениях в 2010-е гг. (<i>А. К. Александрова</i>)	171
Глава 13. Проблемы и перспективы развития сотрудничества на Балканах: роль России (<i>Н. Махмутай</i>)	185
Глава 14. «Возродительный процесс» в памяти современных жителей Болгарии (по материалам экспедиции в с. Славяново) (<i>А. А. Леонтьева</i>)	194
Глава 15. Математические инструменты измерения уровня полиязычия населения на примере Российской Федерации, Турецкой Республики, Греческой Республики и Республики Кипр (<i>А. С. Айрапетян</i>)	209
Резюме глав	222
Сведения об авторах	240
Summary	246

Contents

Preface (*Konstantin V. Nikiforov*)..... 7

SECTION I

RUSSIAN-TURKISH-GREEK RELATIONS IN HISTORICAL RETROSPECT

Chapter 1. Balkans between the Byzantine, Ottoman, and Russian Empires
in the historical memory and current foreign policy practices of several
countries in the region (*Artyom A. Ulunyan*) 12

Chapter 2. First Russian consuls in the Ottoman Empire during peace
and war (1776–1787) (*Olga E. Petrunina*) 35

Chapter 3. Russians, Bulgarians, and Turks in the crucible of the Russian-
Turkish war of 1877–1878 (*Marina M. Frolova*) 45

Chapter 4. Khilandar Monastery on Mount Athos and Russian Diplomacy:
on the History of Russian-Serbian Relations (1850–1870s) (*Irina Y.
Smirnova*)..... 64

Chapter 5. Archimandrite Leonid (Kavelin) and St. Panteleimon Monastery:
on the history of the relations between Russia and Mount Athos
in the second half of the 19th century (*Ioann Kudlasevich*) 81

Chapter 6. Political relations between the USSR, Greece, and Turkey
on the Cyprus issue from 1950 to the 1970s (*Tatiana V. Nikitina*) 104

SECTION II
RUSSIA, TURKEY, GREECE AT THE PRESENT STAGE: OPPORTUNITIES
FOR COOPERATION AND PARTNERSHIP

Chapter 7. A comparative analysis of the policies of Turkey, the Russian Federation, and Greece towards the Kosovo issue (1999–2008) (<i>Kader Özlem</i>).....	122
Chapter 8. Turkey’s policy in the Balkans and Turkish approaches to interaction with Russia and Greece (<i>Irina A. Svistunova</i>)	130
Chapter 9. Friend forever – unfriend forever: Russia and Turkey as seen by modern Greeks (<i>Anna S. Lubotskaya</i>).....	140
Chapter 10. Greek-Turkish disagreement over the delimitation of the Aegean Sea (<i>Ilgar M. Mamedov</i>).....	147
Chapter 11. Greece and Turkey: cooperation or rivalry in the migration sphere? (<i>Ksenia V. Vlasova</i>)	159
Chapter 12. The Turkish factor in Greek-Russian relations in the 2010s (<i>Anna K. Aleksandrova</i>)	171
Chapter 13. Problems and prospects of development of cooperation in the Balkans: Russia’s role (<i>Noela Mahmutaj</i>)	185
Chapter 14. “Revival Process” in the modern Bulgarian Turk’s memory (according to the results of an expedition to Slavjanovo village) (<i>Anna A. Leontyeva</i>)	194
Chapter 15. Mathematical tools for measuring the level of multilingualism of the population in the Russian Federation, the Turkish Republic, the Hellenic Republic, and the Republic of Cyprus (<i>Armen S. Airapetian</i>).....	209
Chapter abstracts	232
About the authors.....	243
Summary.....	246

Предисловие

Книга, которую читатель держит в руках, возникла по результатам конференции, прошедшей в Институте славяноведения РАН. Балканистика для института — тема далеко не случайная, а самая что ни на есть центральная. Недаром институт тридцать лет официально назывался Институтом славяноведения и балканистики.

Конечно, обозначенная в заголовке пара балканских соседей — Турция и Греция — не совсем привычная. Они скорее антагонисты, нежели мирные сожители. Да и Россия вроде бы выбивается из этого балканского ряда, поскольку расположена достаточно далеко от Балкан. Но даже с Грецией и Турцией не все так просто.

Греция — на 80% балканская страна (без островов). Однако исторически греки жили и на западном побережье Малой Азии, и центром греческого мира являлся не Балканский полуостров, а Средиземное море. После приобретения независимости страна участвовала в некоторых общебалканских мероприятиях, например таких как Первая балканская война. Однако ее развитие после Второй мировой войны шло в рамках НАТО, потом и ЕС, и это сильно отличало Грецию от других балканских государств, попавших в зону восточного блока — Варшавского договора и СЭВ. И даже Югославия, несмотря на все различия со странами реального социализма, оставалась социалистической. Только с начала 1990-х гг. это идеологическое различие исчезло.

Еще сложнее с Турцией, которая довольно условно считается балканской страной, учитывая, что только 5% ее территории располагается на европейском континенте, на Балканах. Именно здесь, во Фракии, проходит сухопутная греко-турецкая граница. Отношения Турции с большинством балканских государств исторически были очень сложными, совсем не добровольно они вошли в состав

Османской империи. После османского завоевания потребовались века для освобождения балканских народов и начала их независимого развития. Причем первыми независимости добились именно греки — ровно 200 лет назад. К тому же времени относится и возникновение *Мегали идея* (Великой идеи), доктрины, подразумевавшей реставрацию Византийской империи с центром в Константинополе.

Но и дальше отношения между двумя этими странами, двумя наследницами великих империй, совсем не были безмятежными. Достаточно вспомнить греко-турецкую войну 1919–1922 гг. и Малоазийскую катастрофу греческого населения по ее окончании. Обмен населением затронул тогда почти 2 млн человек (1,5 млн греков и 400 тыс. мусульман). Нужно вспомнить и фактический раздел Кипра в 1970-х гг. между греческим и турецким населением этого острова.

Третья наследница великой империи, о которой идет речь в коллективном труде, — Россия (СССР, Российская Федерация). Россия, конечно, никогда не являлась балканской страной. Но все-таки Россия очень тесно связана с Балканами.

В XIX в. у России был даже официальный статус покровителя христианских народов Балкан, единоличный — до Крымской войны, после нее — совместно с другими великими державами. В состав Российской империи с 1812 г. входила Бессарабия, «предбалканская» территория, этнически близкая к карпато-балканской Румынии. В 1878 г. по Берлинскому трактату в состав Российской империи от Османской империи отошла Добруджа, которая формально тоже считается Балканами, поскольку находится южнее Дуная. Затем, как известно, Россия уступила ее Румынии в обмен на возвращенную России Бессарабию (советскую Молдавскую Республику и нынешнюю Республику Молдову).

И еще одна связь с Балканами — судоходство по Дунаю, который, как упоминалось, является северной границей Балканского полуострова, отделяя Центральную Европу от Юго-Восточной (а в своих низовьях — Юго-Восточную Европу от Восточной). Именно по Дунаю происходила основная торговля России с балканскими странами и Австрийской империей.

Устье Дуная с городом Измаилом входило в состав и Российской империи, и СССР. И до распада Советского Союза в 1991 г. на Дунае плодотворно трудилось известное советское транспортное предприятие — Дунайское пароходство. Теперь низовье Дуная находится в Одесской области Украины. Однако Россия как правопреемница

Советского Союза и сегодня полноправный член Дунайской комиссии, созданной придунайскими государствами в 1948 г. для управления режимом свободного судоходства на этой великой реке.

Назовем еще одно, кроме имперского прошлого, сходство трех государств. Все они были и, кроме Греции, остаются евразийскими. Россия только на 25% — в Европе, а 75% ее территории — в Азии. В определенный момент Российская империя являлась даже евразийско-американским государством и располагалась на трех континентах. Османская империя тоже располагалась на трех континентах и была евразийско-африканским государством. Евразийской страной являлась и Греция. Причем мы говорим не только о византийском прошлом, но и о Новом времени, о греческом населении Малой Азии, которое существовало до начала 1920-х гг.

Конечно, отношения между тремя странами бывали разными и далеко не всегда добрососедскими. Достаточно сказать, что Россия, начиная с эпохи Петра I и до войны 1877–1878 гг., 10 раз воевала с Турцией (по подсчетам профессора В. Н. Виноградова). Ни с кем больше она столько не воевала. Россия стремилась к своим естественным пределам на юге — к Черному морю, а затем и выходу из него через черноморские проливы Босфор и Дарданеллы. Но известно и о финансовой, военной и материальной помощи большевиков Ататюрку, позволившей сохраниться турецкой государственности после поражения Османской империи в Первой мировой войне и ее распада.

С Грецией было совсем наоборот. Мы даже назвали одну из конференций, посвященных Греции, а затем и сборник статей по ее следам — «Тысяча лет вместе». Древняя Русь и христианство получила из Византии. В русском общественном мнении существовало даже эллинофильство, еще, кстати, до славянофильства. Русское эллинофильство особенно ярко обнаружилось во второй половине XVIII в. Знаменательным проявлением его стал, в частности, известный «греческий проект» Екатерины II.

У Греции с Турцией отношения оставались, мягко говоря, очень сложными. За свою независимость от Османской империи грекам пришлось долго воевать. Мы упоминали уже и о Малоазийской катастрофе. Но все же были и другие времена. В 1934 г. возник военно-политический союз Балканская Антанта, в который входили Греция, Турция, Югославия и Румыния. Через двадцать лет совсем в другой обстановке имела место попытка создать что-то схожее. В 1953 г. было подписано

соглашение о сотрудничестве между Грецией, Турцией и социалистической Югославией — Балканский пакт, своего рода мини-НАТО. Этот союз потерял актуальность после смерти Сталина и нормализации отношений между СССР и Югославией. Но и сегодня Греция и Турция входят в один и тот же военно-политический блок — НАТО.

Однако и в этом блоке греко-турецкие противоречия никуда не делись. Достаточно вспомнить войну на Кипре в 1974 г., после которой остров оказался разделен между греческим и турецким населением. В последнее время противоречия обострились из-за проблемы разграничения в Эгейском море, в котором недавно были найдены большие запасы газа.

Сегодня Россию с Турцией и Грецией связывают многие экономические проекты. И прежде всего — «Турецкий поток», газопровод, идущий из Краснодарского края в европейскую часть Турции; и далее возможно его продолжение через Грецию в другие страны Юго-Восточной Европы.

Россию и Турцию при всех понятных различиях также сближает одинаково маргинальное положение по отношению к Евросоюзу, членами которого они, по-видимому, никогда не станут. По крайней мере в обозримом будущем. Более того, на Балканах, в этой геополитически важной зоне европейского континента, Евросоюз пытается предотвратить укрепление позиций как России, так и Турции. Здесь их интересы сталкиваются.

Греция — член Евросоюза еще с 1981 г., но и она до сих пор занимает в нем некое промежуточное положение. Ее нельзя отнести ни к старо-, ни к новоевропейцам. В «Европе двух скоростей» Греция движется со средней скоростью. Также ее не относят ни к «Западным Балканам» (бывшая Югославия минус Словения плюс Албания), ни к условно «Восточным» (Болгария и Румыния). При такой логике Греции вместе с европейской частью Турции остается составить еще один субрегион — «Южные Балканы». Все эти обозначения — бессмысленны, Балканы есть Балканы, и делить их незачем.

В любом случае у трех стран, вынесенных в заголовок книги, все-таки не одни только противоречия. Возможности диалога есть всегда.

К. В. Никифоров
доктор исторических наук,
директор Института славяноведения РАН

РАЗДЕЛ I

**РОССИЙСКО-ТУРЕЦКО-ГРЕЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКТИВЕ**

Глава 1

Балканы между Византийской, Османской и Российской империями в исторической памяти и современных внешнеполитических практиках отдельных стран региона

Имперское наследие в исторической памяти и его актуализация в контексте формулирования, а точнее, реформулирования как в общественно-политическом и академическом дискурсах, так и в виде «руководства к действию» правящими кругами ряда стран во внешнеполитической сфере является в начале XXI в. одним из факторов их внутриполитической жизни и международной *Realpolitik*. Несмотря на явную модернизацию в интерпретации имперских элементов и постоянное осуждение империализма как неприемлемой формы поведения на международной арене, тем не менее попытки придания позитивного вида историческому наследию имперскости, якобы позволившей в периоды существования империй обеспечить гармонизацию взаимоотношений между входившими в их состав народами и географическими пространствами, включая экономическую составляющую, продолжают развиваться в дискурсивных практиках и официальной государственной политической пропаганде. В определенный момент мифологема «имперского наследия» превращается в «скрытую повестку дня» внешнеполитических действий, сопровождаемых пропагандистско-идеологическими кампаниями, рассчитанными как на внутреннюю, так и на внешнюю аудиторию. В данном контексте Балканский регион, как один из наиболее тесно связанных с прошлым сразу нескольких имперских образований на протяжении разных исторических эпох, является характерным «местом приложения» подобных концепций и практик. Одним из примеров «витализации» имперского исторического наследия, актуализированного в прагматических целях, было активное

обсуждение в 1990-х гг. в обществах, политических и экономических кругах ряда стран «дунайского проекта» в рамках так называемого исторического пространства Австро-Венгерской империи. В этой связи определенный интерес представляют примеры актуализации в исторической памяти обществ балканских стран и политических практиках на уровне государственной политики исторического наследия Византийской, Османской и Российской империй.

В складывавшейся на протяжении второй половины XVIII и всего XIX в. традиции восприятия образ Византийской империи в греческой общественно-политической мысли и национальной историографии как продолжательницы и наследницы Римской империи постепенно трансформировался в собственно историческое греческое наследие. В определенной степени эта трансформация проходила под действием общеевропейского, а точнее — западноевропейского влияния. Так называемое греческое воплощение, или греческая интеграция Византии (*η ελληνική ενσωμάτωση του Βυζαντινού*), происходившее впоследствии, лишь усилило в национальном общеполитическом и академическом дискурсе сформировавшийся на предыдущем этапе тезис эллино-византики, т. е. определяющего греческого фактора образования и существования Византийской империи. В то же время это видение прошлого в условиях современных Балкан после окончания холодной войны, демонтажа коммунистических режимов, создания новых государств и изменения внутривосточного ландшафта в странах, не входивших в Восточный блок (Греции и Турции), приобрело новое качество, способствуя появлению и новой интерпретации смысла наследия Византии в общественно-политическом и внешнеполитическом дискурсе в регионе.

Парадокс сложившейся ситуации заключается, однако, в том, что обращение к византийскому прошлому происходит в том или ином виде не столько в самой современной Греции, сколько в других балканских государствах, проходящих общественно-политический транзит. Во многом это обуславливается поиском наиболее приемлемой «объяснительной» идеологемы, позволяющей определить позиционирование конкретной страны в контексте существующей дихотомии Запад — Восток. Для Греции данная тема не является актуальной в силу включения в евро-атлантическое сообщество уже с конца 1940-х гг. Более того, в основе внешнеполитической доктрины Афин, достаточно жестко критикуемой в политических кругах в последнее

время в связи с обострением отношений с Турцией, лежит принцип «Греция не претендует, но и не уступает» («Н Ελλάδα δεν διεκδικεί, αλλά και δεν παραχωρεί»)¹. В то же время в контексте задачи укрепления позиций Греции на международной арене, прежде всего в европейском пространстве, на уровне официальной политики обращается внимание именно на характер общеевропейского исторического наследия, частью которого является и Византия². Акцент на историческом наследии Византии в современной греческой культуре постепенно усиливался во внешней политике Греции на протяжении предыдущих лет, будучи частью так называемой культурной дипломатии³. Последняя занимает особое место в разработках греческих политологов, которые отмечали, что «культурная дипломатия, ее основы и подходы, приобретает все более возрастающее значение, можно сказать, выполняя инструментальную функцию. Чтобы понять ее роль в международном взаимодействии, существует необходимость, прежде всего, уже четкого различия подходов к международным отношениям через противопоставление “жесткой” и “мягкой” силы»⁴. Характерным в данном контексте является резкое неприятие в Греции тезиса С. Хантингтона, высказанного им в широко известном и породившем дискуссию как в академических, так и общественно-политических кругах большинства европейских стран и США труде «Столкновение цивилизаций» относительно того, что «европейская культура заканчивается западным христианством, там, где начинаются православие и ислам». В этой связи с греческой стороны высказывается утверждение, что С. Хантингтон, «не удосужившись представить удовлетворительные аргументы в пользу этой точки зрения, <...> обосновывает удаленность Греции от Запада иной христианской доктриной и произвольно... помещает ее рядом с исламом. [Он] напоминает, что Греция создала аномалии в НАТО и ЕС, проведя разделительную линию между миром технологий и нефти»⁵.

Таким образом, христианско-византийское наследие, воспринимаемое на Западе как особый феномен, при определенных обстоятельствах становилось исключительно дискуссионным фактором, минимизирующим в представлениях определенных политических кругов позиции страны в евро-атлантическом сообществе. Разделение между западно-римской и восточно-византийской традицией в культурно-историческом аспекте превращалось в политический фактор, формирующий образ современной Греции. В тесной связи

и во многом благодаря существованию подобных взглядов в греческом национальном дискурсе, включая его научно-академический спектр, особое внимание уделяется роли и месту византийского наследия в становлении современной Европы как исторически целостного, но культурно гетерогенного, хотя и с множеством общих черт, геопространства. Это нашло свое отражение в формулировании тезиса, суть которого сводится к стремлению «как можно яснее описать основные черты взаимного сближения Византийской империи, с одной стороны, и того, что составляло римское наследие в Западной Европе, с другой»⁶. В рамках общего концепта позиционирования Греции в системе международных отношений принципиальное значение приобретает утверждение, что она является «страной с многовековой историей и важными культурными традициями, в которых сочетаются европейские, балканские и восточные элементы»⁷. В контексте этой схемы образа Греции принципиальное значение в целом приобретал вопрос о так называемом византийском наследии Европы в конкретном политическом и инструментальном виде применительно к процессам общеевропейской институализации в рамках создаваемой и развивающейся Единой Европы.

Суть имеющей культурно-историческую форму, но глубоко политизированной по своему содержанию проблемы достаточно рельефно была обозначена в интервью с директором греческой службы радиостанции «Немецкая волна» (ФРГ) Сп. Москову. Обращаясь к швейцарскому видению европейской интеграции, он отметил, что в соответствии с ним «европейская интеграция больше не позволяет проводить старые разделительные линии, сама европейская интеграция преодолевает и меняет их каждый день». Греческий журналист обозначил как ошибочную в данном контексте вышеупомянутую мысль С. Хантингтона и привел в качестве примеров интеграции в Единую Европу членство в ней Греции, вступление в это объединение Болгарии, Румынии, Кипра, а также стремление попасть туда Черногории, Сербии и Республики Северная Македония, т. е. стран с традиционно православным в конфессионально-культурном отношении прошлым. В данном контексте, приводя аргументацию «швейцарского взгляда», Москову отмечал, что она строится на утверждении о том, что «политическое сближение этих стран с ЕС сделало многих православных религиозных лидеров более прагматичными, даже несмотря на то что они иногда описывают в весьма мрачных

выражениях опасности западной секуляризации и необузданного пространства свободы. Однако для более глубокого, более существенного религиозного обновления Православия необходимым условием является отделение церкви от государства. Только тогда эти страны действительно обратятся к модели политической нации, состоящей из граждан с правами и обязанностями»⁸.

Конфессионально-политическая составляющая византийского наследия в контексте современной системы международных отношений со всей отчетливостью проявилась в восприятии в греческом общественно-политическом дискурсе изменения самого статуса символа Византийской империи — собора Святой Софии в Стамбуле, когда по инициативе президента Турецкой Республики Р.Т. Эрдогана в 2020 г., после многих десятилетий существования в виде музея (с 1935 г.), он вновь был превращен в мечеть. В этой связи в греческой печати отмечалось: «Константинопольский собор Св. Софии, как ведущее архитектурное сооружение, украшенное уникальной мозаикой, содержит важные технические и художественные ценности. Одновременно путешествие во времени и неразрывная связь с важнейшими центрами власти Средневековья, византийским императором и вселенским патриархом, сделали его носителем обширной исторической информации. Однако его судьба определяется не столько материальными и нематериальными ценностями, сколько огромным символическим бременем»⁹.

Тесная взаимосвязь культурно-исторического и внешнеполитического аспектов имеющего как непосредственное региональное, так и более широкое общемировое значение византийского наследия проявилась, как уже говорилось выше, в академическом и общественно-политическом дискурсе в государствах, соседствующих с Грецией на Балканском полуострове. В наиболее дискуссионной форме эта тема актуализировалась при обсуждении причинно-следственных связей и особенностей этнонациональных, культурно-исторических и общественно-политических процессов в современной Албании в 1990-е гг. в условиях острой фазы политико-экономического транзита. В концентрированном виде суть проблемы была изложена в книге известного албанского интеллектуала А. Плясари «Вновь возникла линия Феодосия: какую сторону займут албанцы?», изданной в 1992 г.¹⁰, и во многих публикациях албанских историков, культурологов, а также политиков в последующие годы. Основной тезис

Плясари и ряда его сторонников заключался в утверждении о том, что после смерти последнего императора единой Римской империи Феодосия I и разделения государства на две части, Западную и Восточную, иллирийские провинции, населенные албанцами, оказались разделены так называемой линией Феодосия (*Vija e Teodosit*), что негативно сказалось на процессе формирования албанского этноса, часть которого оказалась на условном Западе, а часть — на условном Востоке¹¹. Именно это, в соответствии с подобными взглядами, затруднило укрепление «западного вектора» в общественно-политическом и экономическом развитии Албании, а византийское наследие оказалось решающим с точки зрения последующего развития албанцев. В достаточно резкой форме «линию Феодосия» продолжали критиковать албанские интеллектуалы, в том числе и не из самой Албании. Так, в частности, уже в 2017 г. косовский специалист по международным отношениям Н. Халили в специально посвященной этой теме публикации в албанской прессе, называвшейся «Линия Феодосия дорого обошлась этнокультурной целостности албанцев!», отмечал: «Это разделение, которое уже осталось в истории как “линия Феодосия”, в будущем стоило албанцам этнокультурной целостности. Таким образом, из Иллирии только провинция Паннония с центром в Шкодре осталась в составе Западной Римской империи, а две другие иллирийские провинции, Дакия и Македония, остались в составе Восточной Римской империи»¹².

Картина мира в соответствии с этим подходом включала изменения, произошедшие после «массового притока славян на Балканы» и их расселения «в основном в части Восточной Римской империи, то есть в Византийской империи с центром в Константинополе»¹³. Это стало причиной изменения всей этнокультурной карты Балканского полуострова, и «когда Византийская империя предприняла ответные меры, чтобы взять под свой контроль этот регион, изменить ситуацию было практически невозможно»¹⁴. В этих условиях, в XI в., «после соприкосновения с этническим хаосом Балкан, находившихся в политической тени Византии, выделился и начал свою историю очень интересный народ [албанцы]»¹⁵. Одновременно произошло «официальное разделение между Католической церковью и Восточной православной церковью: их сферы влияния начали расходиться и получать все более четкие очертания», а «линия Феодосия» фактически соответствовала границе этих сфер влияния, что на долгое

время определило и судьбу албанцев¹⁶. Столь однозначно конфронтационная модель, интерпретирующая византийское наследие как ставшее серьезным препятствием для «европейского продвижения» албанцев, носит дискуссионный характер для ее противников из числа албанских ученых, ссылающихся на специалистов из других стран и приходящих к заключению, что «посткоммунистический национальный нарратив по большей части вращается вокруг “политического мифа о возвращении в Европу”», или, как они его определяют, «европеизма», «в котором албанская идентичность была представлена в качестве типично европейской и христианской, тогда как интеграция Албании в Европейский союз обосновывалась осуществлением национальной цели»¹⁷. Исключение ислама из концепции фатальной роли «линии Феодосия» породило в албанском академическом и общественно-политическом дискурсе серьезную проблему, связанную с ролью и местом исламского фактора в истории албанцев. Она нашла свое выражение в достаточно резкой критике со стороны тех, кто увидел в этом исламофобский характер самой постановки вопроса позиционирования Албании между Западом и Востоком в контексте внутрехристианской дихотомии. Таким образом, «византизм» как интерпретационный конструкт, призванный объяснить современность, оказался в конфликте и с конфессионально-политической реальностью албанского этноса. Тем не менее сама идея разделения Балкан на две культурно-исторические части, одна из которых была близка к Западу, а другая к Востоку, что и повлияло в дальнейшем на развитие общественно-политической традиции соответствующих этносов и государственных образований, связана не только с появлением концепта «линии Феодосия», а имеет более долгую историю и относится к началу XX в.

Одной из первых и признанных в международном академическом дискурсе была теория существования двух культурно-исторических зон в балканском регионе, выдвинутая чешским историком-славистом К. Иречеком, занимавшим в 1881–1883 гг. пост министра образования Болгарского княжества, автором многочисленных исследований по древней истории южных славян. В опубликованной в 1911 г. на немецком языке «Истории сербов»¹⁸ он выдвинул концепцию преимущественного романо-латинского влияния, оказанного на славян в северной части Балкан, а на юге полуострова — греческого. Впоследствии, в 1920–1930-х гг., конструкт был доработан известным

румынским лингвистом А. Филиппиде и хорватским лингвистом П. Скоком, благодаря чему получил в окончательной редакции название «линии Иречека — Филиппиде — Скока». В определенной степени эта концепция соотнобразуется с «линией Феодосия», несмотря на то что больше относится к объяснению этногенеза народов региона. Наследие Византийской империи в данном контексте приобретало особое значение, поскольку существовало традиционное подчеркивание как в академическом, так и общественно-политическом дискурсе, например, Румынии доминирующего положения латино-романской составляющей. Разделение Римской империи на Западную (условно латинскую) и Восточную (условно греческую) и роль этого процесса для румын и их государственности получили важную и во многом актуальную интерпретацию. В соответствии с ней, «упадок и крах Западной Римской империи привлекли необычайный приток ресурсов к другой части империи, на Востоке, которая “захватила” более тысячи лет существования. Часть света также называют Византийской империей», которая рассматривается как особая цивилизация и культура¹⁹. В то же время, как отмечалось, румынские земли, не являясь частью этой империи, но, тем не менее, будучи расположены за Карпатской грядой, а также Трансильвания «извлекали выгоду из влияния этого наследия, даже символическую, до прихода к власти правителя Александру Иоана Кузы в новом государстве Румынии»²⁰. В этой связи, обращаясь к румынской реальности, в рамках общего обсуждения наследия Византии как культурно-исторического фактора в общественно-политическом аспекте румынских реалий делался вывод о том, что румынам остался «от византийцев: латинский элемент — сохраняющий блеск древнего Рима, греческий элемент — сохраняющий эллинскую традицию, восточный элемент и православная церковь»²¹. Одновременно в историческом контексте формирования системы государственного управления Румынии на ее начальном этапе «институт царствования использует византийскую политическую модель, ассимилировав некоторые черты византийской монархии, напоминающие римскую политическую организацию». Само византийское влияние сохранялось в стране и после падения Константинополя, в период 1711–1821 гг., когда правителями в румынских землях были представители византийской знати — греки-фанариоты²². Таким образом, наследие Византийской империи в современной интерпретации как академического

и общественно-политического дискурса собственно Греции и ряда балканских стран разнится по своему содержанию. В «греческом случае» византийское наследие определяется с позиций преобладающего влияния в нем эллинизма и как составная часть европейского, а также в более широком смысле — мирового культурно-исторического и цивилизационного наследия и вклада в него греков. В других государствах оно рассматривается через призму его роли и места во взаимоотношениях с Европой, с позиций исторического прошлого, повлиявшего на характер вхождения или «возвращения» в европейское пространство уже в современных условиях.

Вполне естественным в данном контексте является обращение к наследию Османской империи на Балканах как сменившей Византию. В конструировании исторической памяти и политических практиках генерирующим и иницирующим «центром» концепции османского наследия (*Osmanlı mirası*) в условиях XXI в. выступил «politicum» Турецкой Республики. Это стало особенно очевидно после усиления позиций Партии справедливости и развития во главе с нынешним главой государства Р. Т. Эрдоганом. Так называемый кемалистский период национального академического и общественно-политического дискурса, проходивший несколько этапов уже и после смерти К. Ататюрка, продолжаясь в XXI в., концентрировался в первую очередь на этнокультурных проблемах формирования современного турецкого этноса и интерпретации геостратегических интересов Турции в контексте историко-географических факторов²³. Ни в коей мере не отказываясь от признания османского прошлого, эта конструкция нашла свое выражение в книге бывшего президента страны Т. Озала «Турция в Европе», изданной впервые в Париже в 1988 г. на французском языке, а затем переведенной на английский под названием «Турция в Европе, Европа в Турции», а также на другие европейские языки²⁴. Суть выдвинутой им концепции заключалась в тесной исторической взаимосвязи современной Турции с Европой, что было во многом обусловлено стремлением самого Озала, активно выступавшего за европейский вектор во внешней политике страны, не отказываясь от налаживания отношений с бывшими республиками СССР из числа новых тюркоязычных государств, добиться для Турции вступления в Европейский союз. Примечательной в данном контексте была положительная оценка его книги за рубежом, сочетавшаяся в то же время с определенной, хотя и выраженной

в исключительно осторожной форме, критикой ряда положений. Так, в частности, один из рецензентов, отмечая заслуги Озала в создании масштабной картины взаимодействия Турции и Европы, подчеркивал, что, «однако, некоторые исторические элементы, описанные автором, должны быть проверены, например, его сомнение в центральной роли Афин и греков в генезисе древней цивилизации или его описание поведения Османской империи на Балканах»²⁵.

Параллельно с этим, ориентированным на Европу по своей тематике направлением дискурса, в котором историческая память и политические практики «встраивали» Османскую империю в общеевропейское поле, в общественно-политических и академических кругах развивалось и другое, ориентированное на актуализацию именно османского наследия. Изначально оно получило в зарубежных общественно-политических и академических кругах достаточно упрощенное название неоосманизма (*Yeni Osmanlılık*). В действительности, как стало ясно уже позже, этот феномен оказался более комплексным и имел инструментальный характер как для внутренней политики, так и во внешнеполитической сфере страны²⁶. В отношении Балкан он был рассчитан на «витализацию» памяти об Османской империи как объединившей регион в рамках одной государственности, но с учетом существовавших различий. Внешнеполитический концепт «стратегической глубины» (этот термин был взят из военного лексикона), сформулированный А. Давутоглу, являвшимся сначала советником Р. Т. Эрдогана, а затем последовательно главой МИД Турции и премьер-министром, в его книге «Стратегическая глубина. Международное положение Турции», опубликованной в 2001 г.²⁷, в определенной степени имел целью реализацию данного курса. На проведенной 16 октября 2009 г. в г. Сараево конференции «Османское наследие и мусульманские общины Балкан сегодня» Давутоглу заявил: «Мы хотим новый Балканский регион, основанный на политических ценностях, экономической взаимозависимости и сотрудничестве, а также на культурной гармонии. Это были османские Балканы. Мы восстановим эти Балканы»²⁸.

Той же осенью 2009 г. в одном из интервью А. Давутоглу, занимавший тогда пост министра иностранных дел, резко отверг свою приверженность неоосманизму, в чем его начали упрекать в ряде балканских стран²⁹. Отвечая на вопрос о том, какое место этот регион занимает во внешней политике Турции, он заявил, что это государство

«по своему географическому, историческому и культурному наследию является балканской страной. Таким образом, Балканы — это не мост с ЕС и не турецкий “задний двор”. У нас очень прочные исторические, социальные, культурные и человеческие связи со всеми странами региона. Миллионы турецких граждан имеют балканское происхождение. Турция стремится к прочному миру и стабильности на Балканах. Мы разделяем и активно поддерживаем евро-атлантическое видение балканских стран. Мы считаем, что в недалеком будущем все балканские страны должны быть защищены под эгидой ЕС и НАТО»³⁰. Однако с усилением в первое десятилетие XXI в. позиций Партии справедливости и развития, ставшей правящей, и лично Р. Т. Эрдогана, который постепенно фактически начал проводить курс на внутривосточные изменения, концепт «османского наследия» во внешней политике Турецкой Республики перестал носить полуофициальный характер, превращаясь в часть внешнеполитического инструментария. Одной из демонстраций подобных перемен было, как уже говорилось, возвращение статуса мечети в 2020 г. памятнику византийской культуры собору Святой Софии, превращенному в 1935 г. в музей.

Для балканского региона обращение к теме османского наследия имело и продолжает сохранять особое значение, так как большая часть региона находилась в составе Османской империи, и возникновение на полуострове новых национальных государств в XIX — начале XX в. было связано с освободительной борьбой народов против Оттоманской Порты. Поэтому задача «примирения» негативной исторической памяти балканских народов с политически мотивированным стремлением укрепить позиции Турции в регионе начала решаться на официальном уровне правящими кругами этой страны с помощью актуализации в национальном, а также региональном общественном и научном дискурсе идеи «особой роли» Османской империи на Балканах в политическом и культурно-историческом смысле. В достаточно отчетливой форме эта концепция нашла свое отражение в состоявшейся 19 апреля 2019 г. в Университете Кыркларели конференции «Османское наследие в турецкой внешней политике». Ее участниками были представители не только турецкого академического сообщества, но и официальных властей. Один из озвученных на ней тезисов был сформулирован в следующем виде: «Османская империя начала трансформироваться из империи

в национальное государство с начала девятнадцатого века. Как страна, существующая в определенных границах; обладающая суверенитетом, основанным на внутреннем и внешнем признании; сохраняющая монополию центральной власти, сосредоточившей в своих руках основные правительственные и административные функции и полномочия Высокой Порты; и, наконец, имеющая своего рода национальность, которая включала в себя общее гражданство, Османская империя стала более или менее национальным государством в конце XIX в. Турецкая Республика продолжала придерживаться той политической структуры, которая существовала в поздний период Османской империи. Самый яркий пример, который можно привести по этому поводу, — это то, что определение гражданства в Канун-и Эсаси 1876 г. и определение гражданства в Конституции 1924 г. совершенно одинаковы»³¹. Таким образом, османское историческое и политическое наследие приобрело большое и существенное значение в данной связи. Продвижение Турции на Балканы после окончания холодной войны проходило в условиях военно-политического и этнонационального конфликта в бывшей Югославии, становления новой государственности ее бывших республик и общественно-политического транзита других стран полуострова. Основное внимание, уделявшееся Анкарой еще в 1990-е гг. на идеологическом уровне мусульманскому фактору при проведении внешнеполитического курса на Балканах, было дополнено практической политикой экономического участия в развитии государств региона. В полном соответствии с принципами использования этих двух инструментов акцент делался на исторически сложившиеся этноконфессиональные общности в государствах с учетом роли и места ислама в их общественно-политической жизни. Активность турецкой стороны проявлялась на албанском, боснийском, северо-македонском и болгарском направлениях. Одновременно в отношении стран и народов, где такое было возможно, шло обращение к общему османскому наследию в неантагонистичной форме. В научном плане феномен этого наследия получил свое системное освещение с точки зрения институционального и политического развития балканских государств в работе известного турецкого историка К. Карпата «Османское наследие на Балканах и национализм»³². Примечательным в данной связи являлось заключение ряда турецких ученых, касавшееся места и роли османского наследия в период создания и становления независимых государств

в регионе. Так, в частности, отмечалось, что «Османская империя не имела важного наследия в политической институционализации балканских государств после обретения ими независимости от нее и даже после достижения статуса широкой автономии, поскольку создание независимых балканских государств означало не только политический разрыв с Османской империей, но и политическое неприятие ее. Это очевидно в замене западноевропейскими политическими институтами старых османских институтов. Данный процесс в некоторых государствах после обретения независимости происходил очень быстро (Греция, Сербия, Румыния) и в некоторых — медленно (Болгария, Албания, Черногория)»³³. Данное наблюдение позволило сделать вывод о том, что османское политическое наследие на Балканах с точки зрения новосоздаваемых политических институтов было чрезвычайно слабым, но проявлялось в определении границ между государствами, сохранении сильных позиций православных церквей и имплементации самого факта «традиции государства», т.е. государственного управления³⁴. В то же время на уровне официальной политики и при активном участии представителей академического сообщества предпринимаются усилия использовать культурно-историческую аргументацию при интерпретировании османского наследия, примером чего может стать тезис, изложенный профессором Н. Гюрдоганом в статье, опубликованной еще в 2007 г. в газете «Ени Шафак» («*Yeni Şafak*») под названием «Османское наследие на Балканах». Его суть заключалась в том, что «турки в своей тысячелетней истории оставили культурное и художественное наследие на двух морях и трех континентах, которое доживет до Судного дня. Несмотря на попытки разрушений, начавшиеся с уходом турок с Балкан, османское наследие во всех балканских городах все еще существует»³⁵. В свою очередь, действия турецкой стороны, направленные как на усиление пропаганды «общего османского наследия», так и на укрепление связей с мусульманскими и турецкими меньшинствами в балканских государствах, рассматриваются в них на официальном и общественном уровне крайне негативно в силу существующих подозрений в использовании концепции «стратегических меньшинств» во внешнеполитических целях Турции.

В сложившихся к 2020-м гг. на Балканах условиях вопрос о соотношении византийского и османского наследий в исторической судьбе, общественно-политическом и социально-экономическом,

а также культурно-историческом развитии из академического дискурса постоянно переходит в общественно-политический, отражая в большей степени внутривосточную конъюнктуру и внешнеполитические ориентиры, вокруг которых и идут постоянно дискуссии. Обе империи — Византийская и Османская — в исторической памяти и политических практиках обществ и государств региона представляются как непосредственно распространявшие свое господство на полуостров, являясь государственными образованиями, напрямую включившими Балканы в состав своих административно-государственных владений. Намного сложнее в данном контексте оказывается положение Российской империи как в исторической памяти, так и в региональных политических практиках. В отличие от византийского и османского наследий, которые при определенных обстоятельствах и нередко в политико-конъюнктурных целях могут использоваться как исторический аргумент в пользу «прямого действия» двух империй, российское наследие выступает в форме объяснения общественно-политических процессов как «влияния» или «участия». Эта особенность нашла свое проявление в академическом и общественно-политическом дискурсе практически всех стран после окончания холодной войны, распада Восточного блока, этнополитического конфликта в бывшей Югославии и общественно-политического транзита на большей части Балкан, а также по мере их продвижения на разных этапах развития после начала 1990-х гг. по пути интеграции в евро-атлантическое сообщество. В сложившихся к началу 2020-х гг. условиях обращение к проблеме наследия Российской империи на Балканах в региональной исторической памяти и политических практиках происходит в контексте нескольких тем, главными из которых являются ее влияние или непосредственное участие в принятии решений, связанных с национально-освободительными войнами, становлением государственности, формированием военно-политических коалиций, а также обсуждение интересов Российской империи на Балканах с точки зрения определения «онтологических» корней современной российской политики в регионе и в отношении конкретных балканских стран. Поэтому сам термин «российское наследие» нередко носит достаточно дискуссионный характер, и более применимым является другой — «историческое влияние России». Его восприятие в общественном дискурсе зависит от особенностей интерпретации места и роли Российской империи в национальной

памяти конкретной страны, что, в свою очередь, влияет на аргументацию на официальном и общественном уровне в пользу выбора политических практик как во внутренней, так и внешней политике. В наиболее оформленном виде это находит свое отражение в публикациях СМИ и учебной литературе, где представляется доступный для широких общественных кругов конструкт.

Так, в частности, общественно-политическая версия исторической памяти в Албании во многом соотносит традиционные позиции Российской империи в балканском регионе и в отношении албанцев, а также их государственности, с современной ситуацией. В наиболее репрезентативном виде это было сформулировано З. Мази — албанским дипломатом, бывшим послом Республики Албания в Международном агентстве по атомной энергии, бывшим специальным помощником по стратегии Генерального директора этого агентства и главным посредником в переговорах Албании с Европейским союзом. Он, в частности, констатировал: «Балканы всегда были полуостровом, на котором происходили столкновения цивилизаций. Согласно Хантингтону, “цивилизация — это культурное образование”. Он выделил восемь таких цивилизаций, одна из которых — славяно-православная. Цивилизации отличаются друг от друга историей, языком, культурой, традициями и, прежде всего, религией. Хантингтон утверждал, что “каждая цивилизация имела и до сих пор имеет центр, центральное государство в качестве своего защитника”. Россия исторически была и остается защитницей славяно-православной цивилизации. Балканский полуостров и регион Юго-Восточной Европы исторически являлись центром российской внешней политики, зоной культурных влияний и их ответвлений, направленных на распространение православной и славянской солидарности. Это было постоянной константой российской общественной жизни и остается таковой сегодня»³⁶.

Действия Российской империи, в соответствии с этим подходом, в исторической ретроспективе определялись в контексте ее усилий по сплочению «патронируемых» на основе этноконфессионального единства народов: «Царская Россия на всем протяжении истории стремилась примирить враждующие славянские народы, особенно православные, во имя панславянских идеалов солидарности, взаимности и братства. Сербско-болгарский конфликт (1912–1915 гг.) из-за македонских дел может служить ярким примером влияния

русского панславизма»³⁷. В то же время роль Российской империи в формировании новой этнополитической реальности Балкан оценивалась в рамках академического дискурса в самой Албании с точки зрения российского участия в политогенезе албанцев. Знаковым в данном контексте можно считать признание позитивной роли российского фактора, когда отмечалось, что «формирование албанской нации, как и других балканских народов, происходило во время распада Османской империи, которая была внутренне разрушена национальными движениями и потерей территорий под ударами России и Австро-Венгрии. В течение девятнадцатого века в европейской части Османской империи образовались четыре национальных государства, сначала автономные, затем независимые: Греция, Сербия, Черногория и Болгария»³⁸. В более критичной и подчеркивающей негативные черты роли и места Российской империи в «албанском вопросе» форме (что, судя по всему, обусловлено современной ситуацией в косовско-северо-македонских делах) албанский национальный дискурс в контексте исторической памяти формулируется следующим образом.

Во-первых, при обращении к исторической ретроспективе, как это было изложено выпускающим редактором издания ранее Центра, а ныне Института исследований безопасности и развития (*Institute for Security Studies and Development*) Республики Северная Македония С. Ибраими, дается характеристика «текущего момента». В соответствии с ней «Балканы занимают особое место во внешней политике России. Помимо их культурной и исторической близости, российскому руководству все еще не дают покоя бомбардировки Сербии НАТО. В результате смешения стратегических интересов и этнокультурных связей Россия видит себя и воспринимается как естественный защитник балканских государств, образовавшихся после падения Османской империи и затем краха коммунизма, особенно с приходом к власти президента России Владимира Путина»³⁹.

Во-вторых, выказывалась оценка всей политики Российской империи, в связи с чем определялись как цели ее внешней политики в регионе, так и методы: «На протяжении XIX века великие державы преследовали разные геополитические цели в отношении “Восточного вопроса” и Османской империи. Россия в то время хотела войти в “теплые воды” Средиземного моря и намеревалась сделать это, используя свой естественный выход к Черному морю. Русские

проводили панславянскую внешнюю политику и поэтому решительно поддерживали Болгарию, Сербию, Черногорию и Грецию»⁴⁰. В аналогичной тональности интерпретируется наследие Российской империи в исторической памяти косовскими албанскими политологами. Они приходили к заключению о том, что «отношения некоторых славяно-православных государств Балкан с Россией, а также военно-политические и духовные союзы разных периодов все еще являются частью национальных нарративов этих государств, которые время от времени обновляются посредством соглашений — экономических, политических, военных, культурных или других»⁴¹. Одновременно ими отмечается, что «в рамках этой стратегии Россия поддерживала и поощряла местные восстания против османского владычества, особенно среди славяно-православных народов, и создавала славяно-православный союз, а дипломатическими усилиями проложила путь для продвижения своих интересов в этом регионе. Связывая нити стратегических интересов с этнокультурными, она не только видела себя, но и воспринималась другими как естественная защитница независимых славянских государств, образовавшихся после ухода Османской империи в середине XIX века»⁴².

Наличие нюансов в интерпретации отдельных сегментов исторической памяти о Российской империи на Балканах является общей чертой национальных дискурсов в странах региона. Так, в частности, в болгарском обществе и академических кругах после окончания холодной войны и особенно в условиях внутривосточной турбулентности, на фоне которой проходило вступление страны в Европейский союз и НАТО, выявилось два диаметрально противоположных подхода.

Первый из них, во многом традиционный и господствовавший в общенациональном дискурсе с момента установления коммунистического режима и вплоть до его падения, содержал базовые тезисы о в целом положительной роли Российской империи в болгарской истории и подчеркивал исключительную роль России в создании болгарской государственности. Второй, активно развивавшийся и получивший окончательную форму в период общественно-политического транзита страны, заключается в критической оценке роли и места Российской империи в «болгарских делах» начиная с момента развития национально-освободительного движения и во время существования независимого болгарского государства⁴³.

Примечательным в данной связи является появление, хотя и среди узкого круга представителей академического сообщества, а также общественных фигур, резких критиков российского имперского фактора, крайне радикально и негативно оценивающих роль и место Российской империи в судьбе болгар и болгарской государственности в контексте проводившейся ею политики в отношении других народов региона и прежде всего греков. Так, в частности, «греческий проект» Екатерины II рассматривается сторонниками этих взглядов как стремление России воссоздать Византийскую империю за счет болгарских земель и в целях недопущения возрождения болгарской государственности⁴⁴.

В то же время в рамках все еще не завершенного с начала 1990-х гг. этапа формирования конструкта исторической памяти о роли и месте Российской империи в болгарской национальной истории и формулирования политических практик в отношении современных двусторонних отношений выявляется более рационалистический тренд. Его выразителями становятся профессиональные историки, рассматривающие систему международных отношений в регионе в тесной связи с объективными условиями конкретной эпохи. Так, в частности, одна из представителей болгарского академического сообщества И. Баева, обращаясь к особенностям исторической памяти о российском присутствии на полуострове в рамках как национального, так и общерегионального дискурса, отмечала, что «образ России как освободительницы народов относится только к одному региону — Балканскому полуострову, который был завоеван Османской империей. Стремление России добиться свободного выхода к теплому морю неизбежно сталкивает ее с Османской империей, с которой она вела больше всего войн — по разным оценкам, мы можем насчитать их от 10 до 14. В ходе этих войн вырисовывается образ России как защитника и освободителя поработанного православия. Благодаря своей военной мощи, она получила право защищать его и использовать любую проблему православных как возможность для новой войны или для достижения своих целей»⁴⁵. Онтологические корни конкретного аспекта исторической памяти о наследии Российской империи на полуострове прослеживались в данной связи с учетом того, что «Россия как фактор влияния появилась на Балканах относительно поздно — только в восемнадцатом веке, как альтернатива Османской империи, которая завоевала Балканский полуостров

тремя или четырьмя веками ранее и пыталась расширить свои владения на север и запад, вплоть до Вены... Российское оружие медленно, но верно прокладывает путь России на юг, и, поскольку Османская империя являлась препятствием на пути к захвату Проливов, она стала главным противником России на этом направлении. Такой ход событий сформировал образ России как освободительницы в глазах балканских народов, стремящихся к возрождению своих старых государств»⁴⁶. Последнее в национальных дискурсах ряда этих стран приобрело в 1990-е гг., в период их транзита, особое значение, так как было созвучно развернувшимся в данных обществах дискуссиям относительно их места в системе взаимоотношений России и Европы, а также их вхождения в евро-атлантические структуры. Одним из наиболее ярких примеров тесной связи исторической памяти и политических практик современности стали обсуждения этого вопроса в румынском национальном дискурсе.

Особенности процесса в оформленном виде представил румынский ученый Ф. Поэнару, специалист по теории социологии и антропологии из Бухарестского университета. Этой теме посвящена его статья «Исторические истоки румынской антироссийскости»⁴⁷, опубликованная на интернет-платформе *LeftEast*, принадлежащей организации *CriticAtac*, объединяющей группу интеллектуалов, целью которой, как заявляется в ее программе, было «предложить информативный и критический взгляд на текущие события и занять свое место в процессе обеспечения развития теоретических, политических и радикальных формулировок прогрессивной мысли в Румынии». В соответствии с авторской интерпретацией роли и места Российской империи в исторической памяти румынского общества, причиной резко негативной оценки присутствия «российского фактора» на Балканах было то, что «румынская антироссийскость как популярная и государственная идеология не только появляется вместе с румынским национальным государством в середине XIX века, но и составляет его основу. Прежде всего, румынское национальное государство выглядит по существу как антироссийская конструкция, потому что формирование румынского национального государства в результате союза в 1859 г. между Молдовой и Валахией происходит в результате вполне конкретной (гео)политической конъюнктуры, обусловленной имперским конфликтом между Англией, Россией и Османской империей в Черноморском регионе»⁴⁸. При этом автор особо отмечал не только

фактор военной силы Российской империи и ее стратегических интересов, но и идеологическую основу ее политики — панславизм и панправославие, которые и играли, по его мнению, большую роль при формировании образа российского имперского наследия. В данном контексте, как отмечал Поэнару, «румыны, которые уже интуитивно понимали, что только через единое государство могут материализовать свои классовые интересы в новом политическом и экономическом контексте, в дополнение к непосредственным выгодам от создания национального рынка, также были поддержаны культурным и идеологическим аргументом: латинскостью румын — идеей, которая уже полвека назад была распространена в Трансильвании»⁴⁹.

Таким образом, концептуализация исторической памяти и определяемых ею политических практик в рамках общенациональных дискурсов балканских стран относительно исторического наследия трех империй — Византийской, Османской и Российской — в своей основе содержит в современных условиях один из главных элементов: фактор влияния, предопределивший дальнейший политогенез конкретного народа, его связей с европейским культурно-историческим пространством. Столь упрощенная однозначность и «линейность» в восприятии этого наследия в начале XXI в. являются причиной обращения к нему как аргументу, способному объяснить исторические судьбы балканских этносов в условиях формирования Единой Европы, где ее так называемая старая, т.е. западная, часть традиционно рассматривалась на протяжении большей части XIX и всего XX в. как классическая, а Балканы — как окраина и пространство постоянной турбулентности, угрожающей ей.

Примечания

¹ См., например, характерную по своему содержанию публикацию по данной теме: *Χριστοδουλίδης Μ.* Το ιττοπαθές δόγμα της ελληνικής διπλωματίας // *The Analyst*. 2020. 12.06. URL: <https://analyst.gr/2020/06/12/to-ittopathes-dogma-tis-ellinikis-diplomatias/> (дата обращения 12.06.2020).

² EU Presidency Conference. Towards a Common Approach for a Sustainable Europe. 06–08.03.2014. Byzantine & Christian Museum | Βυζαντινό & Χριστιανικό Μουσείο Acropolis Museum | Μουσείο Ακρόπολης. Η Πολιτιστική Κληρονομιά στο προσκήνιο! Προς μια Κοινή Προσέγγιση για μια Βιώσιμη Ευρώπη. URL: https://www.icomos.org/images/europe_info/heritage_first_programme.pdf (дата обращения 02.06.2020).

³ Подробнее об этом: *Γιανναράς Χ.* Πολιτιστική Διπλωματία, Προθεωρία ελληνικού σχεδιασμού. Αθήνα: Ίκαρος, 2001.

⁴ Βασιλειάδης Ν., Μπουτσιούκη Σ. «Πολιτιστική διπλωματία» — Ελληνικές και διεθνείς διαστάσεις. Αθήνα: Αθήνα Σύνδεσμος Ελληνικών Ακαδημαϊκών Βιβλιοθηκών, 2015. Σ. 16.

⁵ Ibid. Σ. 23.

⁶ Λουγγής Τ. Πρόλογος // Το Βυζάντιο και οι απαρχές της Ευρώπης. Επιμέλεια έκδοσης: Ελένη Γραμματικοπούλου. Αθήνα: Εθνικό Ίδρυμα Ερευνών, 2004. Σ. 7.

⁷ Λαμπροπούλου Δ. Η διεθνής προβολή του ελληνικού πολιτισμού / Εθνική Σχολή Δημοσίας Διοίκησης. Αθήνα, 2006. Σ. 2. URL: https://www.ekdd.gr/ekdda/files/ergasies_esdd/17/2/842.pdf (дата обращения 12.06.2020).

⁸ Μοσκόβου Σπ. Η βυζαντινή κληρονομιά της Ευρώπης // Deutsche Welle. 2009. 26.07. URL: <https://www.dw.com/el/η-βυζαντινή-κληρονομιά-της-ευρώπης/a-4515752> (дата обращения 20.08.2020).

⁹ Αθανασούλης Δ. Αποψη: Αγία Σοφία — Η άβολη κληρονομιά και η διαχείριση ενός συμβόλου // Η Καθημερινή. 2020. 14.07.

¹⁰ Plasari A. Vija e Teodosit Rishfaqet: nga do t'ia mbajnë shqiptarët? S. I., s. e., 1992. В 1995 г. она была переиздана в Тиране.

¹¹ Подробнее о полемике по данному вопросу см.: Улунян Ар. А. «Линия Феодосия I»: Историческая география в современной албанской общественно-политической публицистике // Историческая география / Отв. ред. И. Г. Коновалова. М.: Аквилон, 2016. Т. 3. С. 385–404.

¹² Halili N. Vija e Teodosit i kushtoi shtrenjtë integritetit etnokulturor të shqiptarëve! // Bota Sota. 2020. 06.11.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Beka R. Islamophobia in the contemporary Albanian public discourse // Islamophobia in Muslim Mjority Society / Ed. by E. Bayrakli, F. Hafez. Oxon; New York: Routledge, 2019. P. 47.

¹⁸ Jireček K. Geschichte der Serben. Gotha: F. A. Perthes, 1911.

¹⁹ Moștenirea bizantină în Țările Române. Invitați: prof. univ. dr. Ștefan Andreescu — Institutul de Istorie “Nicolae Iorga”, București dr. Ernest Oberlander — Târnoveanu, dir. al Muzeului Național de Istorie a României // Radio România Actualități. 2013. 19.03. URL: http://www.romania-actualitati.ro/mostenirea_bizantina_in_tarile_romane-48733 (дата обращения 20.08.2020).

²⁰ Ibid.

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Улунян Ар. А. Общациональный турецкий дискурс «геоисторического конструирования» во внешнеполитической мысли современной Турции // Историческая география / Отв. ред. И. Г. Коновалова. М.: Кругъ, 2014. Т. 2. С. 389–435.

²⁴ Özal T. La Turquie en Europe. Paris: Plon, 1988; Özal T. Turkey in Europe and Europe in Turkey. Nicosia: K. Rustem & Brother, 1991.

²⁵ Abou Diab Khattar. Turgut Ozal. La Turquie en Europe // Politique étrangère. 1989. No. 1. P. 155.

²⁶ Wastmidge E. Imperial Grandeur and Selective Memory: Re-assessing Neo-Ottomanism in Turkish Foreign and Domestic Politics // Middle East Critique. 2019. Vol. 28. Iss. 1. P. 7–28.

²⁷ *Davutoğlu A.* Stratejik derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. О книге и дискуссиях вокруг поднятых в ней проблем см.: *Маерина Ю.В.* Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. 2014. Т. 14. Вып. 1. С. 69–73; *Улуян Ар.А.* Общациональный турецкий дискурс...

²⁸ *Turski ministar u Sarajevu: Obnovit čemo otomanski imperij na Balkanu // Slobodna Dalmacija.* 2009. 27.11.

²⁹ I am not a neo-Ottoman, Davutoğlu says // Today's Zaman. 2009. 25.11.

³⁰ Davutoglu: "I'm Not a Neo-Ottoman" / Compiled by Altin Raxhimi. Q&A with Turkish Foreign Minister Ahmet Davutoglu // Balkan Fellowship for Journalistic Excellence Alumni Initiative. 2011. 21.04. URL: <http://fellowship.birn.eu.com/en/alumni-initiative/alumni-initiative-articles-davutoglu-i-m-not-a-neo-ottoman> (дата обращения 20.08.2020).

³¹ Türk dış politikasında Osmanlı Mirası. Konulu konferans düzenlendi // T. C. Kırklareli Üniversitesi. 2019. 22.04. URL: <http://byhi.klu.edu.tr/Sayfalar/13580-turk-dis-politikasinda-osmanli-mirasi-konulu-konferans-duzenlendi.klu> (дата обращения 20.08.2020).

³² *Karpat K. H.* Balkanlar'da Osmanlı Mirası ve Milliyetçilik. İstanbul: Timaş Yayınları, 2012.

³³ *Sancaktar Ca.* Balkanlar'da Osmanlı Hakimiyeti ve Siyasal Mirası // Ege Stratejik Araştırmalar Dergisi. 2011. Cilt 2. Sayı 2. S. 43.

³⁴ Ibid. S. 47.

³⁵ *Gürdoğan N.* Balkanlar'daki Osmanlı mirası // Yeni Şafak. 2007. 09.05.

³⁶ *Mazi Z.* Politika ruse dhe Ballkani, historia që tregon më mirë realitetin // Epoka e Re. 2020. 14.01.

³⁷ Ibid.

³⁸ *Doja A.* Etniciteti, ndërtimi kombëtar dhe nacionalizmi në territorin etnik shqiptar: qasje antropologjike e konfliktit të marrëdhënive ndëretnike // Polis. 2009. No. 8. F. 151. Данная статья была впервые опубликована на французском языке в 1999 г.: *Doja A.* Ethnicité, construction nationale et nationalisme dans l'aire albanaise: Approche anthropologique du conflit et des relations interethniques // Ethnological Balcanica. The Journal for Southeast European Anthropology. 1999. Vol. 3. P. 155–179.

³⁹ *Ibraimi S.* Roli shkatërrues i Moskës në Ballkan // Center for Security Studies and Development. 2018. 20.11. URL: <https://cssd-ngo.org/roli-shkaterrues-i-moskes-ne-ballkan/> (дата обращения 20.08.2020).

⁴⁰ Ibid.

⁴¹ *Arifi F.Z.* Ekspansioni rus në Ballkan // 2LONLINE gazeta. 2018. 02.12. URL: <https://2lonline.com/ekspansioni-rus-ne-ballkan/> (дата обращения 20.08.2020).

⁴² Ibid.

⁴³ Подробнее компендиум мнений и оценок представителей болгарского академического сообщества см.: *Цеков Н.* Когато Русия «освободи» България // Deutsche Welle. 2016. 03.03. URL: <https://www.dw.com/bg/когато-русия-освободи-българия/a-19089020> (дата обращения 20.08.2020); *Цеков Н.* Турското робство, руските освободители и други легенди // Deutsche Welle. 2019. 29.05. URL: <https://www.dw.com/bg/турското-робство-руските-освободители-и-други-легенди/a-48962900> (дата обращения 20.08.2020); *Здравков П.* Историкът Янко Гочев: Смъртта на Васил Левски е тържество за руската дипломация // Факти. 2020. 20.02.

⁴⁴ *Гочев Я.* Защо Русия не освободи България през 1833? // Сити българи заедно. URL: http://www.sitebulgarizaedno.com/index.php?option=com_content&view=article&id=711:ag&catid=29:2010-04-24-09-14-13&Itemid=61 (дата обращения 20.08.2020).

⁴⁵ *Баева И.* Руската империя – освободителка или завоевателка // 24 часа. 2014. 03.05.

⁴⁶ *Баева И.* Русия на Балканите – сложно минало, трудно настояще // Клуб 24 май. 2018. 07.03. URL: <http://24may.bg/2018/03/07/русия-на-балканите-сложно-минало-тр/> (дата обращения 20.08.2020).

⁴⁷ *Поенари F.* Originile istorice ale anti-rusismului românesc // CriticAtac. 2014. 18.03. URL: <https://www.criticatac.ro/originile-istorice-ale-anti-rusismului-romanesc/> (дата обращения 20.08.2020).

⁴⁸ Ibid.

⁴⁹ Ibid.

Глава 2

Первые российские консулы в Османской империи во время мира и войны (1776–1787)*

Кючук-Кайнарджийский мирный договор (1774 г.) и торговый договор между Российской и Османской империями (1783 г.) заложили основы не только российской торговли во владениях султанов, но и поддерживающей эту торговлю сети российских консульских учреждений. Вскоре по окончании русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Екатерина II назначила первых консулов в Османскую империю. Было открыто генеральное консульство в Архипелаге (1776 г.). Предполагалось, что оно станет российским дипломатическим и торговым центром на островах Эгейского моря, которые и назывались тогда Архипелагом¹. Генеральным консулом был назначен уже посещавший эти места во время войны подполковник российской службы сербский дворянин из Боки Которской граф Иван Васильевич Войнович.

Условия для развития российской торговли в регионе, прежде всего обеспечение ее безопасности, сложились после присоединения к России Крыма и подписания российско-турецкого торгового договора. Поэтому и большая часть консульств открылась после 1783 г.: генеральные консульства, консульские и вице-консульские посты были основаны в Александрии, Смирне, Сайде, Негропонте (Халкиде), на Кандии (Крите), Кипре, Морее (Пелопоннесе, с резиденцией в Патрах), Родосе, Салониках, Варне, Самосе, Санторине, Хиосе, Синопе, Трапезунде, Бейруте и Дамаске.

* Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

В Архиве внешней политики Российской империи сохранились разнообразные документы, которые позволяют судить о функционировании российских консульских учреждений в Османской империи до начала новой русско-турецкой войны 1787–1791 гг., о взаимоотношениях российских консулов с местными османскими властями и христианским населением. Эти отношения иногда складывались совершенно неожиданным образом. Наконец, в донесениях российских консулы описывают свое положение после начала войны в 1787 г. и отъезд, точнее, бегство из владений султана.

Собственно служба консулов начиналась с их прибытия к месту назначения и официального приема местными властями, которые таким образом признавали их полномочия. Перед этим консулы посещали Константинополь, где получали от Высокой Порты фирман о признании, а также берат, разрешавший им отправиться к месту службы, и встречались с российским посланником. От него они получали дополнительные инструкции о том, как себя вести с местными властями. Консулам предписывалось держать посланника в курсе происходящего в их округе и обращаться к нему за помощью. В то же время никакого устава или регламента российской консульской службы еще не существовало, и консулам в своей деятельности приходилось опираться на иностранный, прежде всего французский опыт. В 1807 г. вышла книга Ф. Бореля, позднее назначенного главой Экспедиции консульских дел МИД (1809 г.), в которой была сделана попытка собрать и упорядочить этот опыт². К 1820 г. в России появился первый консульский устав, однако он регулировал деятельность консульств только в Европе и Америке³. Тогда же (1818 г.) посланник в Константинополе Григорий Александрович Строганов разработал Проект положения для российских консулов и драгоманов в Турецкой империи, который так и не был принят⁴.

Первые российские консулы столкнулись с целым рядом трудностей, которые начинались с момента прибытия к месту службы. Местные власти часто относились к ним с подозрением, а иногда не скрывали враждебности. Важную роль в разжигании антирусских настроений играли французские консулы и торговые агенты⁵: Франция боялась торговой конкуренции со стороны России и усиления ее политического влияния⁶. Опасаясь шпионажа со стороны конкурентов, посланник Яков Иванович Булгаков вел переписку с консулами, «предпочитая французскому российский язык, который меньше

первого в здешней земле знаком и, следовательно, содержание моих писем меньше будет подвержено любопытству, ежели б кто знать оное захотел»⁷. Донесения же консулов в Коллегию иностранных дел писались по-итальянски и по-французски.

В Кючук-Кайнарджийском договоре сказано, что российские консулы и вице-консулы «будут почитаемы и уважаемы в равенстве с прочими дружеских держав консулами» (артикул 11)⁸, в полученных ими инструкциях также подчеркивался этот пункт с пояснением, что равняться следует на почести, воздаваемые французским и английским консулам⁹. Но на практике уже при вступлении в должность российским консулам приходилось вести утомительные переговоры с местными властями по вопросам церемониала. Как сообщал, к примеру, генеральный консул в Морее Христофор Комнино (Комнено), в этом он столкнулся со многими трудностями, но в конце концов его воля была исполнена¹⁰.

Иногда ситуация складывалась еще хуже. Так, назначенный консулом на Крит Карл Отто Шпалкгабер не смог даже высадиться на остров, поскольку к его прибытию местные турки по наущению администрации устроили восстание и не позволили российскому представителю сойти на берег. Лишь через несколько месяцев, после энергичного вмешательства посланника в Константинополе Я. И. Булгакова, консул смог наконец приступить к исполнению своих обязанностей на Крите¹¹.

Враждебное отношение к представителям России зачастую проявляла не только османская администрация, но и местная христианская элита. Так, устроивший резиденцию на острове Миконос И. Войнович сообщал о том, что, помимо местного кади, исполнявшего судебные и административные функции, его главным противником был драгоман капудан-паши Димитрий Мавроени. Недоброжелатели И. Войновича писали в Константинополь доносы, будто бы российский генеральный консул построил на острове крепость с арсеналом и боевым кораблем, а его присутствие делает местных жителей неблагонадежными. Такие серьезные обвинения послужили поводом для отправки на остров инспектора из столицы, однако его приезд не улучшил положения Войновича, поскольку инспектора подкупили. Люди Мавроени, «четыре злых райя» (*quattro malevoli Rajà*), всячески препятствовали утверждению И. Войновича на Миконосе и даже организовали покушение на его жизнь. Как

и Шпалкгабер, Войнович был вынужден обратиться за помощью к Я.И. Булгакову, после чего на остров отправился сам капуданпаша. Однако он оказался враждебно настроен в отношении России и ее представителя, поэтому его прибытие не привело к урегулированию конфликта. Контакты российского дипломата с местными элитами налаживались долго и трудно¹². Устоявшаяся система связей между различными этноконфессиональными группами, мусульманами и христианами здесь формировалась без участия России. Попытки российских представителей вписаться в нее местные элиты рассматривали как покушение на свои традиционные prerogatives.

Подобные трудности поджидали и Х. Комнино. Прибыв к месту службы в Патры, он встретил неприязненное отношение со стороны местного воеводы¹³ Исуф-аги, а также «двух приматов Родия и Бензеллы», т.е. патрских старейшин Родиса Канакариса и Бензелоса Руфоса. Они представляли две наиболее влиятельные в городе семьи, имевшие земельные владения и преуспевавшие в торговле. К тому времени эти семьи действовали сообща, поскольку имели тесные родственные связи¹⁴. Воевода пытался при помощи христианских старейшин выгнать Х. Комнино из города, ссылаясь на то, что Патры являлись султанским вакфом, поэтому там не должно было быть иностранных представителей, а для уже находившихся там консулов якобы делалось исключение¹⁵.

И здесь потребовалось вмешательство Я.И. Булгакова. Российскому консулу пришлось проявить терпение, поскольку в Константинополе «ничто скоро не делается»¹⁶. Однако оно оказалось вознаграждено: своенравный воевода был смещен, а Канакарис и Руфос на некоторое время высланы из города. Получив вскоре прощение, они стали заискивать перед оказавшимся столь влиятельным российским генеральным консулом¹⁷.

Более благоприятным образом отношения с местной элитой складывались у консула на Кипре Ивана Ацали. От него не поступало жалоб ни на турок, ни на греков. Напротив, османская администрация не чинила ему препятствий¹⁸, а местная греческая элита была весьма довольна открытием российского консульства. Глава Кипрской церкви архиепископ Хрисанф, а также его свойственник драгоман Хаджигеоргакис Корнесиос, бывший вторым человеком на острове после губернатора¹⁹, обратились к российскому консулу с письмами, в которых выражали свою радость по случаю открытия консульства

и предлагали свою дружбу²⁰. Впоследствии Ацали пытался использовать дружеские отношения с Корнесиосом для облегчения налогового бремени, возложенного на христианское население²¹. Кроме того, он помогал архиепископу Хрисанфу расплатиться с долгами²². Таким образом, уже первые российские консулы в Османской империи выполняли не только коммерческие, но и политические функции, стремились наладить связи с местными элитами и старались выступать как друзья и покровители христианского населения.

Важную роль в отношениях между представителями иностранных государств и местными османскими властями играли подарки. Культура подарка (бакшиша), который мог быть знаком внимания, выражением признательности, почтения или формой взятки, традиционно процветала в Османской империи. Как писал столетием позже российский генеральный консул и дипломатический агент в Каире Иван Михайлович Лекс, на Востоке «без бакшишей ничего не сделаешь»²³. Поэтому российским консулам выделялись деньги на подарки, а также и сами подарки. Так, Х. Комнино было отпущено подарков на сумму 1769,25 руб. Они включали драгоценные перстни, ткани (сукно и атлас), а также зеленый чай и ревень²⁴. Кроме того, отдельно были приобретены меха, шубы и лионская ткань (шелк)²⁵.

Наличие в этом списке традиционных даров — драгоценностей, мехов и тканей — вполне понятно, но как объяснить ревень и чай? Различные виды ревеня сейчас разводятся как садовые и огородные культуры и широко используются в кулинарии. Однако длительному хранению используемые в пищу черешки этих растений не подлежат, и потому они не могли быть предметом заграничной торговли в XVIII в. Очевидно, речь идет только о корнях ревеня лекарственного (*Rheum officinale*), которые хранились в высушенном виде и использовались исключительно в медицинских целях. Лечебные свойства ревеня были известны уже Диоскориду²⁶, он включен в знаменитый Атлас лекарственных растений Кёлера, отмечающий его главное лечебное действие — слабительное и противовоспалительное при заболеваниях кишечника²⁷. В России с середины XVII в. и до 1782 г. действовала государственная монополия на торговлю ревенем, который традиционно собирали в Сибири. Однако самым ценным считался китайский ревень, и после начала активной торговли с Китаем Россия на 200 лет стала монопольным поставщиком этого очень дорогого продукта в Европу²⁸. Из Китая же привозили

и зеленый чай, долгое время также воспринимавшийся исключительно как лекарственное растение, помогающее при тех же недугах, что и ревень²⁹. По всей видимости, спрос на эти подарки среди османских сановников был вызван той же причиной, что и проблемы российских архиереев, столь живо описанные Н. С. Лесковым в «Мелочах архиерейской жизни»³⁰, — вынужденным малоподвижным образом жизни.

Ценность и количество подарков соответствовали степени важности персоны, которой они предназначались. На официальном приеме в Наполи-ди-Романья (совр. Навплио) 31 июля 1785 г. российский консул поднес паше (губернатору Мореи) подарков на сумму в 1200 пиастров, в том числе на 800 пиастров собольих мехов, на 399 пиастров лионского шелка, фунт зеленого чая и два фунта ревеня. Подарки значительно меньшей ценности получили его подчиненные: кехая — на 250 пиастров, диван-эфенди — на 200 пиастров, драгоман — на 100 пиастров, муфтию достался перстень стоимостью 260 руб. Одаривание ревенем и чаем также соответствовало субординации, а низшие чиновники их не получили вовсе³¹. Подарки преподносились не только по случаю приезда, но также по разным официальным поводам. Были даже ежегодные («годовые») подарки. На последние европейские консулы тратили до тысячи пиастров³².

Снабжая консулов вещами и деньгами для подарков, Я. И. Булгаков, уже хорошо знакомый с османской политической культурой, все же предостерегал их: «Поберегите свой кошелек. Я знаю, что турки лакомы, но вся польза, донныне от торговли (особливо с Мореей) получаемая и столь много уже содержанием консулов стоящая, стоит ли того, чтоб мы золотом уважение к себе доставали? Надобно стараться сии цели доходить благоразумным и беспристрастным поведением, пристойною по времени и обстоятельствам твердостью и снисходительным обхождением с жителями»³³.

Едва только первые российские консулы обосновались в нескольких османских портах и ценой больших усилий, собственных и посланника в Константинополе, сумели несколько наладить отношения с местными властями, как их ждало новое испытание: 13/24 августа 1787 г. началась новая русско-турецкая война. Я. И. Булгакова заключили в Семибашенный замок, консулам было предписано покинуть пределы Османской империи в шестимесячный срок. Однако,

не дожидаясь истечения этого срока, местные власти, получив инструкции от Высокой Порты, сразу перестали обращаться с российскими представителями как с иностранными дипломатами.

На Миконос была снаряжена экспедиция для ареста Войновича — «живого или мертвого». Известие о ней вызвало его немалое удивление. Вот теперь он действительно вооружил находившийся на острове российский корабль «Граф Безбородко», на котором и покинул свою резиденцию вместе с двумя сотрудниками генерального консульства³⁴.

Консул на Кипре Иван Ацали также получил предписание местного губернатора покинуть остров. Ожидая приказа своего начальства, он начал улаживать дела. Однако от местных греков он узнал о тайном приказе Порты задержать всех российских подданных. Тогда Ацали стал искать возможность спешно уехать. Это удалось не сразу: на шедшем из Сирии французском судне заломили явно неподъемную цену в тысячу пиастров. В конце концов Ацали вывезло на принадлежавший Венеции остров Закинф греческое судно с острова Идра³⁵. Так симпатизировавшие российскому консулу греки спасли его свободу, а может быть, и жизнь.

С началом войны жизнь генерального консула в Морее Комнино стала похожа на авантюрный роман. 20 августа он частным образом узнал об объявлении Портой войны России, аресте российского посла и всех российских купеческих судов в Константинополе. Собрав самые ценные документы, Комнино срочно отправил их на российском судне на Закинф, а сам остался ждать распоряжений начальства и турецких властей. «Весь город удивлялся, что и я с места не трогаюсь и что не старался взять мер о спасении своем, тем паче как известно было, что турки мой дом ночью караулили». 24 августа воевода, узнав о намерении российского генерального консула покинуть город, прислал охрану и просил ждать официального фирмана. На следующий день Комнино отправил своих сотрудников на Закинф. Патрский воевода говорил ему, что не имеет на его счет никаких распоряжений, но на самом деле уже получил предписание об аресте. Об этом Комнино узнал от голландского и одновременно австрийского («цесарского») консула, который и спрятал его в своем доме. Имущество российского генерального консульства было арестовано. Ситуация становилась все более опасной, и Комнино решил бежать. Переодевшись матросом, он ушел на рагузинское судно, с капитаном

которого заранее договорился. С борта этого корабля он видел, что происходило дальше. В его доме турки устроили погром и осквернили российский флаг. Затем толпа направилась к дому голландского консула и потребовала выдать вещи российского генерального консула и российский герб. Сам Комнино уже был в безопасности и вскоре прибыл на Закинф³⁶.

Успешная для России война с Османской империей и выход к Черному морю открывали перспективы развития российской черноморской и средиземноморской торговли. С этой целью, а также для расширения контактов с христианскими подданными султана и укрепления положения России в регионе разворачивалась сеть российских консульских учреждений в портовых городах Османской империи. Но, хотя их деятельность осуществлялась в мирное время и основывалась на двусторонних договоренностях, российские дипломатические и торговые представители часто сталкивались с враждебным отношением местных властей и элит, в том числе и христианской.

И все же, несмотря на разнообразие трудности, вставшие на пути первых российских консулов в Османской империи, положенное Екатериной II начало создания сети консульских учреждений в этой стране стало новым этапом в истории двусторонних отношений, содействовало развитию торговли, повышению престижа России. Деятельность российских консульств показала, что российско-турецкие отношения могут быть не только конфликтными, но и мирными, созидательными. Однако реализацию этого масштабного проекта прервала война, после объявления которой российские консулы фактически оказались вне закона. Консульства были закрыты, по окончании войны возобновили свою работу лишь некоторые из них.

Примечания

¹ Инструкция генеральному консулу в Архипелаге Ивану Войновичу // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 985. Л. 8.

² *Borel F. De l'origine et des fonctions des consuls. S.-Petersbourg, 1807.*

³ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. XXXVII. 1820–1821. № 28.444. С. 467–479.

⁴ Текст Проекта опубли. в: *Петрушина О.Е. Российские консульства в Леванте накануне Греческой революции 1821 г.: новые документы // Православный палестинский сборник. Вып. 118. М.: Индик, 2020. С. 225–258.*

⁵ *Ари Г.Л.* Греция после Кючук-Кайнарджийского мира // История Балкан. Век восемнадцатый. М.: Наука, 2004. С. 450; Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в КИД от 24 января 1786 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1363. Л. 3.

⁶ О коммерческих интересах Франции см.: *Farganel J.-P.* Les échelles du Levant dans la tourmente des conflits méditerranéens au XVIIIe siècle: la défense des intérêts français au fil du temps // Cahiers de la Méditerranée [En ligne], 70 | 2005, mis en ligne le 12 mai 2006, consulté le 02 mai 2019. URL: <http://journals.openedition.org/cdlm/854> (дата обращения 04.05.2021).

⁷ Письмо посланника Я. И. Булгакова генеральному консулу в Морее Х. Комнино от 23 октября / 3 ноября 1785 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1361. Л. 1.

⁸ Полный текст договора см.: *Дружинина Е.И.* Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 349–360.

⁹ Инструкции консулам давались типовые. См., напр.: Инструкция консулу в Кипре Ивану Ацали // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1131. Л. 3 об.; Инструкция генеральному консулу в Морее Христофору Комнино // Там же. Д. 1357. Л. 3 об.

¹⁰ Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино от 1 августа 1785 г. // Там же. Д. 1359. Л. 23.

¹¹ *Защина В.А.* Деятельность русской дипломатии на Крите в 1784–1866 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2019. С. 38–41, 49–50.

¹² Копия письма И. В. Войновича вице-канцлеру И. А. Остерману от 15/26 апреля 1785 г., копия письма И. В. Войновича посланнику в Константинополе Я. И. Булгакову от 31 января 1785 г., письмо И. В. Войновича вице-канцлеру И. А. Остерману от 15/26 ноября 1785 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1010. Л. 1 – 2 об., 14–18, 60–61.

¹³ Воевода — в некоторых европейских провинциях Османской империи должностное лицо, назначавшееся губернатором для сбора налогов и административного управления в отдельном уезде или городе.

¹⁴ Родис Канакарис, последний мужской представитель семьи Канакари, усыновил племянника Афанасиоса, сына своей сестры Анжелики и Бенизелоса (Венизелоса) Руфоса, и завещал ему состояние.

¹⁵ Письмо посланника в Константинополе Я. И. Булгакова генеральному консулу в Морее Х. Комнино от 8/19 декабря 1785 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1361. Л. 3 – 3 об.

¹⁶ Письмо посланника в Константинополе Я. И. Булгакова генеральному консулу в Морее Х. Комнино от 12/23 декабря 1785 г. // Там же. Л. 5.

¹⁷ Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в КИД № 5 от 10 марта 1786 г. // Там же. Д. 1363. Л. 24 – 24 об.; Письмо посланника в Константинополе Я. И. Булгакова генеральному консулу в Морее Х. Комнино от 28 января / 8 февраля 1786 г. № 5 // Там же. Д. 1365. Л. 1.

¹⁸ Донесение консула в Кипре И. Ацали в КИД от 30 июля 1785 г. // Там же. Д. 1133. Л. 5 – 9 об.

¹⁹ Архиепископ Хрисанф (1767–1810 гг.) считается одним из наиболее значимых глав Кипрской церкви периода османского владычества. Он и его племянница Марудья Павлиди, на которой был женат Хаджигеоргакис (Георгий) Корнесиос, принадлежали к влиятельному на острове семейству. См.: *Κοκκινόφτας Κ.* Ο αρχιεπίσκοπος Κύπρου Χρυσάνθος (1767–1810) // Εκκλησία της Κύπρου. URL: <https://www.churchofcyprus.org.cy/documents/chrysanthos.ptf.pdf> (дата обращения 10.09.2020). Ныне в доме Корнесиоса

в Левкосии, расположенном рядом с резиденцией архиепископа, находится Кипрский этнографический музей.

²⁰ Письмо архиепископа Кипрского Хрисанфа российскому консулу И. Ацали от 15 июля 1785 г.; письмо драгомана Георгия российскому консулу И. Ацали // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1133. Л. 27, 30.

²¹ Письмо драгомана Георгия российскому консулу И. Ацали // Там же. Л. 58.

²² Письма архиепископа Кипрского Хрисанфа российскому консулу И. Ацали от 3 апреля и 4 мая 1786 г. // Там же. Д. 1135. Л. 31, 35.

²³ Письмо И. М. Лекса послу в Константинополе Н. П. Игнатьеву от 3/15 мая 1870 г. // Румыния и Египет в 1860–1870-е гг. Письма российского дипломата И. М. Лекса к Н. П. Игнатьеву / Подготовка текста, вступ. статья и комментарии О. Е. Петруниной. М.: Индрик, 2016. С. 110.

²⁴ Реестр вещей, отпущенных генеральному консулу в Морее Комнину на подарки тамошним чиновникам // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1359. Л. 21.

²⁵ С XVI в. Лион был крупнейшим европейским центром производства и торговли шелком. Лионские ткани отличались прекрасным качеством и относительно небольшой себестоимостью, что обеспечило им высокий спрос.

²⁶ *Διοσκόριδος*. Περὶ ἕλης ἰατρικῆς. III-2. (Лат.: *Dioscorides*. De materia medica. 3-2).

²⁷ Köhler's Medizinal-Pflanzen in naturgetreuen Abbildungen mit kurz erläuterndem Texte. Atlas zur Pharmacopoea germanica, austriaca, belgica, danica, helvetica, hungarica, rossica, suecica, Neerlandica, British pharmacopoeia, zum Codex medicamentarius, sowie zur Pharmacopoeia of the United States of America. Gera-Untermhaus: Fr. Köhler, 1887. Band II. 163.

²⁸ *Дёмкин А. В.* Британское купечество в России XVIII века. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. С. 139–140; *Костомаров Н.* Очерк торговли Московского государства в XVI и XVII столетиях. СПб.: Н. Тиблен, 1862. С. 240–241.

²⁹ *Костомаров Н.* Очерк торговли... С. 240; *Houssaye J.-G.* Monographie du thé. Description botanique, torréfaction, composition chimique, propriétés hygiéniques de cette feuille. Paris: J.-G. Houssaye, 1843. P. 14–16; Köhler's Medizinal-Pflanzen... В. II. 136.

³⁰ *Лесков Н. С.* Собр. соч.: в 12 т. М.: Правда, 1989. Т. 6. С. 228–237.

³¹ Приложение к донесению консула в Морее Х. Комнино от 10 сентября 1785 г. // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1359. Л. 39.

³² *Петрунина О. Е.* «Общие о Левантских консульствах известия» Ивана Войновича (1782) // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2019. № 2. С. 148.

³³ Письмо посланника в Константинополе Я. И. Булгакова генеральному консулу в Морее Х. Комнино от 22 марта / 2 апреля 1786 г. № 7 // АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Т. 2. Д. 1365. Л. 6.

³⁴ Деша генерального консула в Архипелаге Войновича в ГКИД от 13/24 ноября 1787 г. // Там же. Д. 1015. Л. 1 – 2 об.

³⁵ Донесение консула в Кипре И. Ацали в КИД от 30 октября 1787 г. // Там же. Д. 1138. Л. 19–20.

³⁶ Донесение генерального консула в Морее Х. Комнино в КИД от 1 сентября 1787 г. // Там же. Д. 1366. Л. 33–34.

Глава 3

В горниле русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: русские, болгары, турки

Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. посвящена столь огромная литература, что она сама может стать «объектом отдельного исследования»¹, считают современные болгарские историки А. Пантев и Хр. Глушков. В дореволюционной историографии основное внимание уделялось освещению военной стороны, в марксистской (как в России, так и в Болгарии) приоритетным направлением являлось русско-болгарское боевое содружество (В. Д. Конобе-ев, П. К. Фортунатов, Ак. А. Улунян, В. И. Виноградов, Г. Георгиев, В. Топалов, Ст. Дойнов, К. Косев и др.). Участие болгар в войне рассматривалось и до сих пор рассматривается как продолжение их национально-освободительной борьбы против турецкого владычества, и существует устоявшееся представление, что они оказывали всемерное содействие русским войскам (в том числе бескорыстно и безвозмездно снабжали армию продовольствием и фуражом, предоставляли транспорт и тягловую силу, строили и ремонтировали дороги, мосты и т. д.)². Изучение комплекса опубликованных воспоминаний русских офицеров, участников русско-турецкой войны, их писем, дневников, а также официальных документов, прежде всего из известного издания «Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Балканском полуострове» в 97 выпусках (112 книгах), убеждает, что взаимоотношения русских и болгар не были столь однозначно позитивными, как утверждалось в марксистской историографии, и позволяет раскрыть сложную палитру их взаимодействия. Картина будет неполной, если исключить из нее отношения русских и болгар с турками. Указанная тема

чрезвычайно обширна, и в настоящей главе мы остановимся лишь на некоторых сюжетах.

Общим местом в научных исследованиях стала констатация восторга и щедрости в угощении болгар при встрече русских войск в городах и селениях. Движение Передового отряда генерал-лейтенанта И. В. Гурко к Тырново, а за Балканами — к Казанлыку и Эски-Загре (ныне Стара-Загора) вылилось в триумфальное шествие, сопровождаемое ликованием местного христианского населения. Передовой отряд в полной мере пользовался широким содействием, которое ему оказывало болгарское население: имели место потчевание при торжественных встречах, заготовка печеного хлеба, продажа продуктов питания войскам и фуража для конницы. Созданные городские советы под руководством русских комендантов брали на себя решение не только вышеперечисленных вопросов, но также организацию госпиталей для раненых и милиции для охраны порядка в городах, создание вооруженных отрядов для защиты городов и окрестных сел от черкесов и башибузуков. В Передовом отряде прибегали к услугам местных проводников. Командование нередко посылало надежных болгар (жаль, что в документах не приводились их имена) с ответственными и опасными поручениями через местности, занятые неприятелем, — передать письмо или выведать сведения о противнике. Болгары сами охотно доставляли информацию о турецких войсках, однако в штабе отряда считали рискованным полагаться только на эти данные, поэтому постоянно высылались разъезды для подтверждения имевшихся уже сведений и получения новых.

Менее известно, что гвардию и гренадеров, перешедших Дунай в сентябре и октябре 1877 г., ожидал в Придунайской Болгарии очень сдержанный, даже негостеприимный прием. При этом нерадушие местного населения превратилось в весьма серьезную проблему для офицеров и солдат в связи с постоянными затруднениями в обеспечении войск продовольствием. Интендантская служба работала очень плохо, а обозы, в которых находились все вещи офицеров, включая палатки и продукты, отставали, надолго застревали в пути из-за бездорожья и осенней распутицы, не приходили к вечеру на бивуак, поэтому положение офицеров на стоянках подчас оказывалось совершенно плачевным. Подпоручик лейб-гвардии Саперного батальона М. Н. Соколович вспоминал: «Куры, яйца, масло, молоко и даже хлеб — все это было для нас недоступно, болгары не хотели ни за что

продавать. Станешь уговаривать, упрашивать, — они отделяются либо непониманием русского языка, либо обычным ответом: “Нима ништо, нима кон, нима буйвол, нима краве, нима каруца³. Турка сичко пореза̀л, побира̀л и на Плевен побег̀ал”. Случалось слышать и такие ответы: “Нима ништо, турка сичко побрал, гайда на Плевен, тамо и земешь!”⁴.

Разумеется, позиция жителей Придунайской Болгарии на тот момент вполне объяснима. После радостной встречи авангарда армии в июне мимо их поселений по направлению к Плевне прошла не одна тысяча русских войск*. Чувство самосохранения, забота о семье и обеспокоенность за будущий урожай заставляли болгар скрывать свой достаток, чтобы не остаться на зиму без продовольствия. Начальник штаба 3-й гвардейской пехотной дивизии полковник Генерального штаба К. Г. Энкель, впоследствии генерал от инфантерии, также считал, что болгары боялись обнаружить перед русскими свое имущество. Часто случалось, писал он, что после традиционного ответа «нема, братушка» можно было неожиданно натолкнуться «на разные запасы масла, яиц, стада баранов или запертых в какой-нибудь сарай ослов и т. п., очевидно запрятанных на случай нашего прихода»⁵.

Кроме того, первые неудачи русского оружия усилили неуверенность болгар в его будущей победе, а также обострили память, поскольку независимо от результатов предыдущих русско-турецких войн турки всегда возвращались. И эти обстоятельства заметно отражались на отношении болгар к русским. Так, до падения Плевны (28 ноября / 10 декабря 1877 г.) очень многие из них из-за опасений неминуемой мести турок были скупы даже на оказание помощи раненым офицерам и солдатам. По воспоминаниям С. П. Полушкина, офицера лейб-гвардии Казачьего полка, болгарин, хозяин дома, где лежали раненые, не только не давал дров для обогрева помещения, отказывался принести воды из колодца, но и нарочито причинял боль раненым, грубо толкая носилки при своем движении по комнате. Весть о сдаче Османа-паши моментально переменяла обстановку

* Около Плевны было сконцентрировано 84,1 тыс. человек союзных войск: из них русских — 52,1 тыс. человек при 316 орудиях. Однако не все части русских войск шли от Систово до Плевны, например, IX армейский корпус двигался к Плевне от Никополя. Румыны — 32 тыс. при 108 орудиях — переправлялись через Дунай в другом месте, и маршрут их следования к Плевне был иной.

в доме. Сразу нашлись дрова, а сам хозяин с женой и двумя дочерьми стал ухаживать за ранеными⁶. Однако столь разительную перемену в настроениях жителей Придунайской Болгарии гвардии уже не пришлось увидеть, поскольку в эти края она больше не вернулась.

Но в Забалканской Болгарии каждый полк гвардейского корпуса смог ощутить удивительное чувство освободителя, когда первым входил в оставленные турками деревни и города, болгарское население которых устраивало русским воинам торжественные встречи с крестным ходом, иконами, хоругвями, хлебом-солью. Например, 3-я гвардейская дивизия вступила в г. Отлукиой (ныне Панагюриште) 31 декабря* 1877 г. Болгары с восторгом приняли русских и «угощали всех с радушием, какое трудно описать». Город поразил гвардейцев своим «цветущим благосостоянием», а его жители — «народ все видный, красивый, бодрый и довольный» — не имели такого забитого и приниженного вида, какой был у их соплеменников в Придунайской Болгарии⁷, замечал офицер лейб-гвардии Волынского полка А. И. Луганин.

Русские восторгались красотами природы, плодородием почв, зажиточностью болгар. Не один русский воин испытал психологический шок при виде явного довольства болгарского крестьянина, поскольку средства массовой информации России рисовали накануне войны совершенно иной образ угнетенного турками болгарина, прозябавшего в убожестве, нищете и вечном страхе. Многие молодые люди искренне шли добывать единоплеменному и единоверному народу-страдальцу свободу и отдать даже жизнь за такое святое дело. Так, вольноопределяющийся Михневич признавался: «Читая о разных ужасах, я наэлектризовался до того, что не мог усидеть дома. Ничто не могло удержать меня в семье, ни слезы матери и сестры, ни советы добрых знакомых... Я поехал в Бессарабию, чтобы поступить охотником в ряды солдат... Я не жаждал чужой крови... Я хотел пролить свою». И Михневич ее пролил, — вскоре он был убит на Шипке⁸, — рассказывал штабс-капитан 14-го стрелкового батальона И. С. Иванов.

Однако оказалось, что в материальном отношении болгары жили несравненно лучше, чем самый богатый крестьянин в России. «Какой урожай!» — восклицал унтер-офицер 138-го пехотного Болховского

* Даты даны по юлианскому календарю, принятому в Российской империи.

полка В. М. Гаршин, впоследствии известный писатель. «Если такой бывает каждый год, то наша Малороссия, как “житница”, Болгарии и в подметки не годится»⁹. Генерал-майор Д. Г. Анучин, помощник заведующего гражданскими делами князя В. А. Черкасского, проезжая от Систово в Тырново в конце июня 1877 г. и восхищаясь страной, писал: «Всюду богатство и роскошь природы и наряду с этим, правда, сытые, но забитые и запуганные “братушки”. По всему видно, что не они здесь господа и хозяева. Недавнее бегство через эти места турок еще более принизило болгар. Турки грабили, что можно, и резали направо и налево, без всякой нужды»¹⁰.

Увиденные в первый раз на Шипке зверства турок способствовали осознанию сложности положения христианского населения в такой благодатной стране и «примирали» с материальным благополучием болгар. 7 июля 1877 г., поднявшись на оставленный турками Шипкинский перевал, русские воины испытали потрясение от вида убитых. «Многие из этих трупов до истязания их турками были еще живы, и мороз пробежал по всему телу при мысли о тех ужасных мучениях, которые эти несчастные перенесли перед своей смертью»¹¹. Пирамида голов солдат (до 30), возвышавшаяся посредине позиции, приводила всех в ужас. Почти наверху пирамиды лежала голова командира пластунского полубатальона есаула А. А. Баштанникова (Баштанника), убитого 6 июля. «Повязка с красным крестом не спасла санитаря, лежавшего среди других»¹², — констатировал капитан Санкт-Петербургского гренадерского короля Фридриха-Вильгельма III полка Н. Н. Мацкевич. И эти изуверства производились не башибузуками, а регулярными турецкими войсками. У большинства русских солдат и офицеров невольно вырывались восклицания: «Отныне нет пощады туркам, отныне не будет больше пленных»¹³. Но жестокость не была присуща русскому человеку. «Как бы живым доказательством нашего превосходства и врожденной в русском сердце доброты, в полуверсте от этого ужасного места, в какой-то корчме приютился наш перевязочный пункт, где наши врачи перевязывали турецких раненых, поднятых нашими же санитарями кое-где по оврагам!»¹⁴ — свидетельствовал Мацкевич.

Между болгарями и русскими войсками, а также властями, отнесшимися к местному населению дружелюбно и внимательно, установились вскоре весьма выгодные товарно-денежные отношения. Правда, болгары быстро взвинтили цены на необходимые для

русских товары: продовольствие, фураж, одежду, обувь, ткани, кожи и т. д., а также услуги — постоя, перевоз и транспортные средства, отчего отношение русских к болгарам заметно переменялось. Они продолжали жалеть болгар, многим из которых, прежде всего беженцам, война принесла разорение, но чересчур завышенные цены на продукты питания или отказ болгар продавать их солдатам и офицерам, шедшим сражаться и умирать за их свободу, действовали весьма отрицательно. Не следует думать, что такое положение вещей было только в тех местностях, где русские стояли долго и из-за дефицита продуктов наблюдалась страшная дороговизна. Например, в г. Эски-Джумае, который 43-й пехотный Охотский полк взял без боя 18 января 1878 г., русское командование договорилось с болгарами, что за ока* выпеченного для солдат хлеба оно будет платить два галагана (1 галаган равен 2,5 копейкам), т. е. цену, существовавшую при турках. Но уже 28 января пекари увеличили стоимость хлеба на три галагана. Так точно и остальные товары, пользовавшиеся спросом, резко подскочили в цене. Генерал-лейтенант П. Д. Зотов, в то время начальник Тырновского отряда, заметил на это: «Натура болгар начинает высказываться»¹⁵. Еще прежде, 13 декабря 1877 г., он записал в свой дневник: «Ближайшее знакомство с болгарами располагает к ним все менее и менее. Я в этой нации не нахожу никаких симпатических черт: они весьма сходны с евреями, отличительная черта — это страсть к наживе денег, и эксплуатируют они нас же, своих спасителей»¹⁶.

Хорошо известны в историографии слова Гурко по поводу пребывания Передового отряда в Тырново после освобождения города 25 июня 1877 г.: «Три дня кормили даром»¹⁷. Болгарские историки К. Косев и Ст. Дойнов утверждали, что это один из ярких примеров материальной помощи, которую болгарский народ безвозмездно оказывал русским войскам как в Тырново, так и в Забалканской Болгарии. Однако в своих «Записках о кампании 1877–1878 гг.» Гурко, подводя итоги этому походу, откровенно признал: «Мы исключительно жили не реквизициями, а грабежом, и на счет благодетельных турок и щедротами тырновских, казанлыкских и ески-загрских жителей, которые, в свою очередь, этой щедростью не разорились, ибо нам давали то, что они собирали с турецких полей»¹⁸.

* Ока = 3 фунта; 1 фунт = 0,45359237 кг.

Начальник Ловче-Сельвинского отряда генерал-лейтенант П. П. Карцов, готовя г. Ловчу (ныне Ловеч) к возможной осаде, в начале сентября 1877 г. приступил к организации склада зернового хлеба. Окружной начальник подполковник Спокойский-Францевич считал, что «нет надобности прибегать к реквизиции, потому что жители округа подлежат десятинному сбору в пользу казны, и потому не только десятая часть урожаев может служить для образования запаса на случай осады, но и вместо денежной подати можно потребовать взноса зерна и фуража». Но, как констатировал Карцов, к 5 октября свозимая болгарами десятина не составила и десятой части того, что было обещано¹⁹. Данные сведения расходятся с утверждениями болгарских историков о полной готовности болгарского населения помочь своим освободителям в деле сбора и десятинного налога, и реквизиций²⁰. Причем с трудом собранные зерно и сено (при этом в недостаточном количестве) П. Ст. Горанов представлял читателю как выражение отзывчивости населения...²¹ А за Балканами турки спешно смогли собрать весь десятинный сбор с болгарского населения²².

Ежедневное обеспечение Ловче-Сельвинского отряда продовольствием, согласно разрешению главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, производилось в счет отпущенной для этого суммы 8 тыс. руб. Болгары охотно продавали зерно за деньги. «В течение трех недель было закуплено и свезено столько, что продовольствие 5-тысячного отряда могло уже быть обеспечено по 1 февраля»²³, — писал Карцов. Проблема фуража для лошадей на зиму решилась со взятием Тетевена (20 октября 1877 г.), когда от противника очистилась территория между р. Видом, Ловчей и Сельвинским шоссе, где оказалось громадное количество собранного отличного турецкого сена. Генерал-лейтенант Карцов подчеркивал, что «богатство Болгарии между Дунаем и Балканами было таково, что до октября месяца и плевнинская армия, и отряды, занимавшие Ловчу, Сельви (ныне Севлиево), Габрово, Шипку, не получившие ни одного фунта мяса из-за Дуная, ни одного пуда сена от интендантства, находили все на месте»²⁴. Таким образом, бесплатное продовольствие и фураж для русских отрядов обеспечивались исключительно за счет огромных материальных ресурсов, брошенных турецким населением, — зерна, скота, сена. Правда, некоторые болгарские историки относили использование русскими войсками этого турецкого достояния к значимой «болгарской продовольственной помощи»²⁵.

В историографии сообщается о нередко бесплатном содействии болгар в строительных работах. Воспоминание генерал-лейтенанта инженерных войск В. Д. Кренке раскрывает историю сооружения дороги от Габрово через Шипкинский перевал в июле 1877 г. В его распоряжение поступили только три офицера 7-го саперного батальона и 20 саперов, поэтому по его просьбе габровский окружной начальник капитан Туркестанского стрелкового батальона М. Н. Маслов собрал из Габрово и окрестных селений до 500 болгар. Дорога прокладывалась в четыре сажени* ширины, и только в некоторых местах «во избежание чрезвычайной ломки камня» она суживалась на несколько футов. Кренке признавал, что «работа была действительно чрезвычайно тяжелая», и за нее болгары получали только хлеб, бесплатная заготовка которого возлагалась на жителей Габрово и окрестных селений. Кренке поэтому не удивлялся, что болгары, хотя и выходили на работу, но трудились очень неохотно; за ними «требовался бдительный надзор, и все-таки они и днем, и ночью убегали с работы целыми партиями, иногда в 100 и более человек»²⁶. Начиная с 18 июля, когда дошли вести о втором неудачном штурме Плевны и затем об отступлении Передового отряда Гурко, побегу их усилились²⁷. Впоследствии князь Черкасский и «приближенные к нему лица по гражданскому управлению в Болгарии» укоряли Кренке за скупость: он мог бы назначить болгарам за их работу по одному франку в день «да на хлеб и приварок еще по франку, всего по два франка в день на человека, что составило бы всего от 7 тыс. до 9 тыс. рублей». Но генерал-лейтенант на эти упреки возражал, что при его командировании на постройку дороги не было и речи о найме рабочих, что ему не дали ни одной копейки на примерный расход, значит, делал вывод Кренке, командование не желало дополнительных трат. Сам Кренке «и по закону, и по убеждению не мог отважиться на расход казенных денег, не получив предварительного на то разрешения». Кроме того, он не знал, «на каких основаниях брали болгар на работу в других пунктах театра войны». Впрочем, Кренке, не отрицая трудности работы, тем не менее полагал, что «болгары могли и должны были потрудиться для своего спасения, если русские жертвовали для них и трудом, и людьми, и деньгами своими»²⁸. 30–31 июля и 1 августа все болгарские рабочие куда-то исчезли. С утра 2 августа генерал Кренке

* 1 сажень = 7 английских футов = 2,1336 метра.

стал вновь их собирать²⁹. Агент Московского славянского комитета А. А. Нарышкин сообщил, что Кренке, строя «великолепную каменную дорогу» через Шипкинский проход посредством натуральной повинности, тем не менее тяготился ею. Он упросил Нарышкина выделить ему 600 руб. для скорейшего окончания строительства дороги, чтобы нанять рабочих из числа беженцев, которых пригласили трудиться с условием выдачи хлеба и 2 пиастров (40 сант.) в день. 6 августа желающих явилось только 5 человек³⁰. На следующий день с горы св. Николая русский отряд увидел приближение Сулеймана-паши, а 9 августа начался штурм Шипки. Итак, за 18 дней на Шипкинском перевале было построено 11 верст шоссе. В среднем в день трудились 650 человек, в редкие дни их число достигало 1 тыс. человек. Болгар собирали из 17 населенных пунктов³¹, писал в воспоминаниях Кренке.

Таким образом, на те строительные работы, которые практически не оплачивались, болгары шли неохотно и постоянно с них убегали: над ними уже не довлел страх, а понятие о гражданском долге в своем отечестве им еще было чуждо. Совсем иная картина наблюдалась за Балканами. Дороги к высотам, которые занимали турецкие войска, противостоявшие защитникам Шипки, укрепления на них, ложементы, землянки, блиндажи были построены болгарами отменно и качественно.

Шоком для русских явились действия болгар при вступлении войск в населенные пункты, не исключая даже такой «интеллигентный» город, как Тырново: болгары устремлялись на дикий грабеж турецких кварталов (причем в то время, когда еще шло сражение). Страшные погромы и местами пожары застали офицеры лейб-гвардии Семеновского полка при вступлении 2 января 1878 г. в Татар-Базарджик: «Братушки били турок и шныряли из одного угла в другой с целью грабежа»³².

Мародерство русских солдат, спровоцированное голодом из-за нерегулярных поставок продовольствия, трудными маршами, сражениями, не носило столь массовый характер и не сопровождалось безжалостным уничтожением турецкой недвижимости. Кроме того, командование жестко боролось с этим явлением.

В историографии XX–XXI вв. русскому командованию ставят в упрек то, что оно не вооружило болгарское население, испугавшись якобы размаха революционного движения. Однако причина была

иная. Получив оружие, болгары обращали его сразу против мирных турок — стариков, женщин и детей, не успевших уйти и сдавших свое оружие.

Так, 1 июля генерал-майор М. И. Драгомиров, начальник 14-й пехотной дивизии, приказал полковнику В. К. Мольскому, командиру 54-го пехотного Минского полка, срочно посланного с бивака в с. Боруш за р. Янтру, обойти район в 30 верст и изъять оружие по пути в турецких деревнях. Такое решение было принято в связи с заявлением болгар, что за р. Янтрой башибузуки и черкесы режут, жгут болгар, что при проверке оказалось ложью. При этом М. И. Драгомиров добавил: «Отобранное оружие перевезти в Боруш и жителям не раздавать, ибо признаю это опасным в виду того, что болгары показали готовность стать при первой возможности такими же притеснителями турок, какими последние были относительно их»³³.

Из-за стремительного продвижения Передового отряда Гурко значительное число турок не сумело вовремя уйти, поэтому они старались держаться тихо, выказывая полную покорность русским властям, которые запрещали болгарам «самоуправство и приглашали обе стороны к спокойному сожительству». Генерал-майор Анучин констатировал, что «водворилась относительная тишина, правда, подневольная», и что для ее обеспечения приходилось ставить в турецкие селения охрану, состоящую из двух-трех, а порой даже из одного русского солдата³⁴.

Начальник штаба Передового отряда И. В. Гурко полковник Д. С. Нагловский констатировал, что за Балканами во время движения кавалерийских полков к линиям дороги большие толпы болгар следовали за ними, резали и грабили в тылу мусульманское население и предавали огню его имущество. «Вообще взаимное уничтожение было всеобщим и грустным явлением в течение всей кампании, начиная с переправы через Дунай в окрестностях Систово. Всюду при приближении русских войск мусульманское население поспешно бежало и ознаменовывало свое бегство резней и грабежами. Зато и болгары, почуяв силу на своей стороне, не оставались в долгу и подвергали оставшихся турок кровавым репрессиям. Во всех этих кровавых драках первый пример подавался турками. Но в общем итоге болгары были в проигрыше, во-первых, потому что наши власти всюду сдерживали болгар, тогда как турецкие власти возбуждали мусульман. Во-вторых же, потому что большинство турок уходили

до прихода русских войск. Зато временное возвращение турок в местности, занимаемые русскими войсками, ознаменовывалось невообразимыми истязаниями и ужасной резней. Только быстрое и неожиданное занятие городов, как, например, Систово, Тырново, Софии, Филиппополя и др., спасало их от неизбежных зверств и разорения. Сладить с диким необузданным фанатизмом мусульман и с весьма понятными вспышками мести болгар не было никакой возможности»³⁵, — признавался Нагловский.

Русских офицеров потрясала слепая месть болгар по отношению к туркам, не щадившая ни детей, ни женщин, ни стариков. В «Истории 8-го гусарского Лубенского полка» содержится рассказ ротмистра С. Н. Гижицкого, в котором ярко выявляются непростые отношения русских, турок и болгар. Разъезд гусар, посланный к с. Карахасанкиою, нашел семью мирных турок, состоящую из матери, девочки и мальчика. Корнеты К. К. Саргани и Л. Н. Зарин выпросили у командира 2-го эскадрона ротмистра А. Н. Петрова фургон для перевозки несчастных в расположение Лубенского полка, чтобы избавить их «от жестоких случайностей войны». Все трое были сильно изнурены. В особенности поражала своим ужасным видом девочка, раненная штыком в грудь. «И те же солдаты, которые, быть может, накануне были виновниками несчастья этой семьи турок, теперь принялись ухаживать за ней, полные сострадания и доброты». Через день эскадрону следовало оставить с. Чаиркиой. Перед уходом Саргани и Зарин сдали своих «пациентов» старосте этого селения, предварительно поместив их в одном из пустых домов. Спустя несколько дней Саргани случилось проезжать через Чаиркиой. Он разыскал дом, где находилась турецкая семья, но обнаружил там лишь три разлагавшихся трупа. «Привыкший к картинам смерти офицер не мог сдержать невольной слезы при виде этих несчастных, беззащитных, неповинных ни в чем жертв кровавой войны». Ротмистр Гижицкий подчеркивал, что лубенцы, «грозные в бою», много раз и после этого случая помогали раненым и пленным, в особенности мирным жителям, делясь с ними, чем могли. Турки это знали. Как-то раз, производя разведку, 2-й эскадрон был остановлен толпой турецких женщин (более 100 человек), умолявших лубенцев взять их к себе, так как они «боятся изуверства над ними болгар»³⁶.

Подобное отношение болгар к туркам шло вразрез с христианским мировоззрением русского солдата и офицера, которые

проявляли милосердие не только к мирному населению, но и к поверженному, раненному врагу.

Так, обер-офицер, прикомандированный к штабу XI армейского корпуса и подписавшийся инициалами Л. Б., рассказывал, что 24 ноября, когда шестичасовое сражение у с. Златарицы «начало видимо клониться в нашу пользу, откуда ни возьмись, высыпали братушки, все с ружьями, и пошли бродить по турецкой позиции, раздевая убитых, доканчивая раненых. Само собой разумеется, что начальники и солдаты наши всячески препятствовали этим занятиям братушек». Командир 101-го пехотного Пермского полка полковник В. Б. Прокпе, «увидав, что к лежавшему на земле раненому турку подошли несколько болгар, из которых один уже замахнулся на него штыком, бросился к раненому, уже закрывшему глаза в ожидании смерти, и, отпарировав саблей занесенный на него удар, разогнал болгар. Заметив двух раненых наших солдат, шедших, поддерживая один другого, на перевязочный пункт, полковник приказал им остаться около раненого турка и сторожить его до тех пор, пока их всех троих подберут санитары». Л. Б. признавал: «Но понятно, что физически невозможно было везде усмотреть за братушками. Нам пришлось видеть несколько еще теплых тел раздетыми догола, и навстречу нам попадались болгары, тащившие домой снятую ими с турок одежду. А один даже обратился ко мне с предложением купить турецкий мундир. Конечно, мне не оставалось ничего более, как с отвращением отворачиваться от этих гиен поля брани, и предложившего мне покупку я, грешный человек, не выдержав, вытянул плетью»³⁷.

Болгары, стряхнув с себя страх и покорность, становились беспощадными при расправе с турками. Когда несчастья обрушились на бежавшее из родных мест мирное турецкое население, они равнодушно взирали на голодающих и замерзающих женщин, детей, стариков. В воспоминаниях офицеров приводится огромное количество примеров жестокости обоих народов по отношению друг к другу. Город Хаской при вступлении в него 3-й пехотной дивизии 9 января 1878 г. «представлял полнейший хаос со всеми следами только что кончившейся междоусобицы. Турецкие трупы еще валялись на улице, а болгарские сносились к церкви для отпевания»³⁸. «Религиозный фанатизм и война со всеми ее ужасами и действиями возбуждали в сильнейшей степени озлобление турецких войск и всего турецкого населения... Зверь проснулся в человеке, и ничто не могло

обуздать проявлений дикой и бесчеловечной расправы»³⁹, — писал офицер лейб-гвардии Семеновского полка Д. В. Баланин. В свою очередь, болгары «с восторгом объявляли, что идут на охоту за турками, разбежавшимися в горы». «Невольно понимаешь их восторг при возможности хотя чем-нибудь отомстить своему вековому врагу и излить всю накопившуюся долголетнюю злобу!»⁴⁰ — оправдывал болгар обер-офицер лейб-гвардии 1-го Его Величества стрелкового батальона А. Н. Рагозин.

Русская армия несла болгарам освобождение от власти турецкой администрации, от унижительного состояния «райи». Россия даровала болгарскому народу «священные права» полноценного гражданина в своем отечестве. Большинство болгар восприняло изменение своего правового статуса не в смысле обретения равного с мусульманами положения, а как социальную рокировку, в результате которой теперь они становились титульным народом со всеми вытекавшими отсюда последствиями, а турки опускались в прежде занимаемую ими нишу. Болгары не уступали туркам в беспощадности. Иначе поступать болгары и не могли, и причина подобного поведения заключалась не только в желании отомстить туркам за все их жестокости и притеснения, а еще и в том, что болгары не знали другой модели взаимоотношений.

В научной литературе распространено мнение о том, что болгары всячески содействовали русским войскам в добывании разведанных о противнике. Однако это не совсем верно. Полковник И. Ф. Тутолмин, командир 1-й Кавказской казачьей бригады, в конце июня 1877 г. отмечал острый недостаток надежных лазутчиков из-за неимения достаточных средств для оплаты их услуг⁴¹. Особенно это ощущалось в период временных неудач на Балканском фронте, когда остались лишь единицы верных людей, хотя за сведения платили золотом. Генерал-майор М. Д. Скобелев, получив приказ немедленно послать лазутчиков в Ловчу, а также в горы, в частном письме от 16 августа 1877 г. полковнику Генерального штаба М. А. Газенкампу делился своими размышлениями на этот счет. По словам Скобелева, чтобы иметь возможность посылать разведчиков, начальник всякого летучего отряда должен был располагать деньгами. При этом он подчеркивал, что «верные лазутчики создаются иногда дешево при успехах наших, ибо им предоставляется возможность влиять на свою среду и наживаться. Так бывало у нас в Средней

Азии. При неудачах же или даже в период не выяснившихся обстоятельств верные лазутчики приобретаются на вес золота, весьма редко, случайно, и во всяком случае, когда таковых при отряде в запасе нет, то нужно время для того, чтобы прийти к убеждению, что он верный лазутчик». Скобелев отмечал, что война «без целой системы лазутчиков немыслима»: «Лазутчиками покорен Кавказ, Алжирия, Индия, наши среднеазиатские ханства, и еще недавно в Европе они подготовили гибель императорской Франции». Когда в июне 1877 г. русские войска вступили в Болгарию («это знают в отрядах), в нашей власти было располагать массой лазутчиков, готовых служить нам даже по убеждению, как прусские офицеры Генерального штаба делали это во Франции», — писал Скобелев и далее продолжал: «Но теперь обстоятельства не те. Создать лазутчиков необходимо и затрат на это — жалеть нечего. Что до меня касается, то верных лазутчиков послать не могу; но, исполняя приказание, пошлю на удачу»⁴². Скобелев вскоре получил 100 полуимпериалов «для экстраординарных расходов по посылке лазутчиков и других надобностей»⁴³. Данные, получаемые от разведчиков и особенно от болгар, вышедших с территории, занимаемой турками, всегда тщательно проверялись. Многие болгары выполняли задание турок по дезинформации русского командования.

Проводник-болгарин упоминается практически во всех записках и мемуарах офицеров как обязательная фигура при передвижениях русских отрядов по Балканскому полуострову из-за неточности имевшихся карт. Однако помощь болгар зачастую и здесь не являлась добровольной, а уж тем более бескорыстной. Так, капитану лейб-гвардии Московского полка А. П. Паскину в с. Врачеш необходимо было раздобыть проводника. Но болгары, не желая служить проводниками на позицию турок, или отказывались понимать русского офицера, или отговаривались незнанием окружающей местности. Паскин, не особо доверяя этому, приказал «одному из них, как более смышленому на вид, вести» русских «как он знает, обещая заплатить за указание верного направления, в противном же случае отдуть нагайкой». Русский офицер не знал, которое «из двух обещаний подействовало», но «братушка понял сразу и быстро зашагал с головным патрулем»⁴⁴. Естественно, что болгары не хотели покидать свои жилища, идти в непогоду и стужу навстречу турецким войскам, опасностям и, возможно, смерти и прибегали к разным уловкам. Болгары

часто скрывались, особенно если неожиданно раздавались выстрелы или завязывался бой. Генерал-лейтенант П. П. Карцов рассказал о курьезном случае, когда Александр II в окружении своей свиты повстречал на дороге в Чауш-Махалу солдата верхом и с ним болгарина на осле: это оказался «конный вестовой ротного командира, и был приставлен к проводнику, взятому из болгарской деревни, собственно для того, чтобы последний не сбежал»⁴⁵.

Бывали случаи, когда болгарин-проводник направлял отряд прямо под дула турецких ружей. 5 июля 1877 г. на Шипке две роты 36-го пехотного Орловского полка понесли серьезные потери (около 200 чел. убитыми и ранеными, из шести офицеров вернулся только один), поскольку проводник завел их на высокий гребень, где их встретили ружейным и артиллерийским огнем с двух сторон. Впоследствии проводника, чья вина в измене была доказана, поймали и повесили⁴⁶. 7 июля два болгарина из с. Чииковцы вызвались провести кратчайшей дорогой к Плевне полки 1-й бригады 5-й пехотной дивизии под командованием генерал-лейтенанта Ю. И. Шильдер-Шульднера — и через глубокое дефиле, откуда повернуть назад повозки и артиллерию не имелось никакой возможности, привели прямо на позиции турок, встретивших русских гранатами⁴⁷. Военный историк П. А. Гейсман, участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., считал, что в связи с тем, что к Плевне направлялась лишь меньшая часть IX корпуса и его командир генерал-лейтенант барон Н. П. Криденер остался в Никополе, а также из-за отсутствия надлежащих сведений об обстановке отряд Шильдер-Шульднера совершал марш «как бы в условиях мирного времени», игнорируя «боевые требования»⁴⁸. Может, войска продолжали находиться в эйфории от недавней победы — взятия Никополя? Или было такое безоговорочное доверие к болгарским проводникам как представителям православного и одноплеменного народа, которому русская армия несла свободу от турецкого владычества?

Русские офицеры приводили немало фактов предательства со стороны болгар. Болгары предупреждали турок о приходе русских войск в тот или иной населенный пункт, подавая условный сигнал. Офицеры много раз замечали, что «с первым нашим появлением где-либо на местности, до тех пор незанятой русскими, сейчас же подымались клубы дыма или от пожара, или от огромного костра, как будто случайно зажженного пастухами»⁴⁹. А генерал-лейтенант Зотов,

начальник штаба Плевненского отряда, с горечью записал в своем дневнике 11 сентября 1877 г., что «болгары служат усерднее туркам, нежели нам»⁵⁰.

Известные в историографии четы Придунайской Болгарии в большинстве своем не появились самостоятельно, их формировало русское командование, завозя из Сербии и Румынии оплачиваемых воевод и некоторый контингент четников, преимущественно из македонцев. Местное население и беженцы (на которых рассчитывали русские офицеры) не вступали массово в четы⁵¹. Опубликованные документы, вкупе с откровенными воспоминаниями генерал-лейтенанта Карцова, начальника Ловче-Сельвинского, а затем Троянского отряда, показывают, что в четы болгары шли в первую очередь за добычей⁵², исключения были редки. Партизанского движения не возникло. В отличие от мусульманского населения, выставившего сотни воинов для охранения своей религии и домов, защитники болгарских очагов исчислялись лишь десятками.

У русских офицеров не установились широкие контакты с болгарами, чему препятствовала, прежде всего, напряженность службы (постоянное пребывание на аванпостах и позициях). Имело значение различие социального положения и культур, а вскоре выявился и языковой барьер. Болгары в большинстве своем не понимали ни русский, ни церковнославянский язык, на котором проходили богослужения. Оказалось, что единоплеменники и единоверцы Придунайской Болгарии разговаривали преимущественно по-турецки. Но русский солдат умел объясняться не только с болгарами, но и с турками, чему весьма удивлялись офицеры⁵³.

Несмотря на многие негативные моменты во взаимоотношениях между русскими и болгарами, немало авторов мемуаров, например, офицер Генерального штаба М. М. Чичагов, начальник штаба Болгарского ополчения подполковник Е. Е. Рынкевич и полковник Ф. М. Депрерадович, командир 1-й бригады Болгарского ополчения, с симпатией относились к болгарам, отмечая их трудолюбие, хозяйственность, трезвость и семейственность. Впрочем, они не могли не заметить, что болгар «уродовали в течение пяти столетий», что «рабство всосалось в их кровь». «И надо сперва освободить народ, а затем, указав ему на лучшее будущее, дать время для сглаживания всего наносного, чужого». «Болгары, насколько нам удалось познакомиться с ними, а мы имели к тому возможность, — писал

Рынкевич, — народ чрезвычайно способный, трудолюбивый, добрый, народ с характером серьезным и замечательно стремящийся к самообразованию, порядку и благоустройству»⁵⁴. «Эти задатки и качества достаточно гарантируют способность к самостоятельности и к завидной будущности»⁵⁵, — считал Чичагов.

Представленные в настоящей работе некоторые наблюдения далеко не исчерпывают тему взаимоотношений русских, болгар и турок во время русско-турско войни 1877–1878 гг., однако позволяют составить представление о них, отличающееся от принятого в историографии и дополняющее его; тем не менее необходимы дальнейшие исследования данного многогранного вопроса.

Примечания

¹ *Пантев А., Глушков Хр.* Европейски измерения на Освободителната война 1877–1878. Велико Тырново: Абагар, 2008. С. 7.

² См.: *Улуян А. А.* Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994; *Косев К., Дойнов Ст.* От Шипка и Плевен до Сан-Стефано и Берлин. София: Проф. Марин Дринов, 2007.

³ Каруца — телега (*рум.*).

⁴ *Соколович М. Н.* Рассказ сапера (в походе и Горный Дубняк) // Сборник военных рассказов [составленных офицерами — участниками войны 1877–1878 гг.] (далее — СВР). СПб., 1879. Т. 3. С. 242.

⁵ *Энкель К. Г.* Третья гвардейская дивизия в войну 1877–1878 гг. // Военный сборник (далее — ВС). 1880. Т. 136. № 11. С. 147.

⁶ *Полушкин С. П.* Записки лейб-гвардии казачьего офицера // СВР. СПб., 1879. Т. 6. С. 43.

⁷ *Луганин А. И.* Балканский и Забалканский поход лейб-гвардии Вольнского полка в 1877–1878 гг. // СВР. СПб., 1879. Т. 4. С. 155.

⁸ *Иванов И. С.* 14-й стрелковый батальон «Железной бригады» в Передовом отряде генерала Гурко. (Эпизод из истории освободительной войны 1877–1878 гг.). СПб.: тип. В. Безобразов и К°, 1910. С. 27.

⁹ *Гаршин В. М.* Письма из Болгарии к матери. Екатерине Степановне Гаршиной // Полное собрание сочинений В. М. Гаршина. СПб.: изд. Т-ва А. Ф. Маркс, 1910. С. 499.

¹⁰ *Анучин Д. Г.* Тырново и Шипка в июле и августе 1877 г. Из походных воспоминаний // Вестник Европы (далее — ВЕ). 1893. Кн. 10. С. 611.

¹¹ *Мацкевич Н.* Гвардейский отряд почетного конвоя Его Величества в турецкую войну 1877–1878 гг. Варшава: тип. Варш. учеб. окр., 1880. С. 134.

¹² Там же.

¹³ *Нагловский Д. С.* Действия Передового отряда генерала Гурко в 1877 г. // ВС. 1900. Т. 254. № 8. С. 267; *Чичагов М.* Передовой отряд. (Воспоминания о походе) // ВС. 1878. Т. 122. № 9. С. 186–187.

¹⁴ *Мацкевич Н.* Гвардейский отряд... С. 134.

¹⁵ Зотов Павел Дмитриевич. Дневник // Русский орел на Балканах: Русско-турецкая война 1877–1878 г. глазами ее участников. Записки и воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001. С. 135.

¹⁶ Там же. С. 115.

¹⁷ Генерал-лейтенант Гурко главнокомандующему (письмо), 29 июня, 4 час. утра. г. Тырново // Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877–1878 г. на Балканском полуострове (далее — СМ). СПб.: тип. «Бережливость», 1900. Вып. 24. С. 30.

¹⁸ Гурко И. В. Записки о кампании 1877–1878 г. // Русский орел на Балканах. С. 175.

¹⁹ Карцов П. П. Воспоминания участника минувшей войны // СВР. СПб., 1879. Т. 5. С. 333–334.

²⁰ Хаджишиколов В. Икономическата помощ, оказана от българското население на руските войски през руско-турската война от 1877–1878 г. // Освобождение на България от турско иго. 1878–1958. София: изд-во Българската комунистическа партия, 1958. С. 285; Горанов П. Ст. За материалната помощ, оказана от българското население на руските войски през освободителната война // Исторически преглед. 1977. Кн. 5–6. С. 134.

²¹ Горанов П. Ст. За материалната помощ... С. 133.

²² Там же. С. 128.

²³ Карцов П. П. Воспоминания участника... С. 356; СМ. СПб.: Военная типография, 1898. Вып. 6. С. 34.

²⁴ Карцов П. П. Воспоминания участника... С. 358.

²⁵ Горанов П. Ст. За материалната помощ... С. 133.

²⁶ Кренке В. Д. Шипка в 1877 г. (Отрывок из воспоминаний генерал-лейтенанта В. Д. Кренке) // Исторический вестник (далее — ИВ). 1883. Т. XI. № 1. С. 113.

²⁷ Там же. С. 114.

²⁸ Там же. С. 118.

²⁹ Там же. С. 117.

³⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига (далее — ОБ). М.: Наука, 1964. Т. 2. С. 260–261.

³¹ Кренке В. Д. Шипка в 1877 г. С. 117.

³² Михневич Н. П. Из похода л.-гв. Семеновского полка в 1877–1878 г. // СВР. Т. 4. С. 445.

³³ Генерал-лейтенант Ф. Ф. Радецкий, командир VIII армейского корпуса, подтвердил этот приказ Драгомирова: не раздавать оружия болгарам. Он также приказал собранное оружие направить в Тырново, для чего братья у болгар подводы (СМ. СПб.: Тип. «Бережливость», 1902. Вып. 34. С. 11).

³⁴ Ануцин Д. Г. Тырново и Шипка в июле и августе 1877 г. Из походных воспоминаний // ВЕ. 1893. Кн. 10. С. 643.

³⁵ Нагловский Д. С. Действия Передового отряда // ВС. 1900. Т. 255. № 9. С. 46–47.

³⁶ Бурский И. Д. История 8-го гусарского Лубенского полка. Одесса: тип. Акционерного Южно-русского о-ва печатного дела, 1912. С. 299–300.

³⁷ Л. Б. Дела у Елены и Златарицы (Из воспоминаний о походе 1877 г.) // ВС. 1878. № 5–6. С. 296.

³⁸ Карцов П. П. Воспоминания участника... С. 386.

³⁹ Баланин Д. В. Турецкий поход 1877–1878 годов. (Из воспоминаний офицера) // ВС. 1897. Т. 237. № 10. С. 248.

⁴⁰ А. Р. (Рагозин А. Н.) Поход лейб-гвардии 1-го стрелкового Его Величества батальона. 1877–1878 // СВР. Т. 6. С. 141–142.

⁴¹ Тутолмин И. Кавказская Казачья бригада в Болгарии 1877–1878. Походный дневник. СПб.: тип. и хромолит. А. Траншеля, 1879. С. 73.

⁴² См. СПб.: Столичная скоропечатня, 1902. Вып. 35. С. 255; Куропаткин А. Н. Действия отрядов генерала Скобелева в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. СПб.: Военная типография, 1885. С. 125–126.

⁴³ Куропаткин А. Н. Действия отрядов... С. 17.

⁴⁴ Паскин А. П. Из походных записок строевого офицера // СВР. Т. 6. С. 464.

⁴⁵ Карцов П. П. Воспоминания участника... С. 304.

⁴⁶ Сварковский. Боевая хроника 36-го пехотного Орловского полка за 1877–1878 г. // См. СПб.: Военная типография, 1902. Вып. 10. С. 48.

⁴⁷ См. СПб.: тип. «Бережливость», 1899. Вып. 25. С. 209–210; Маслов Г. М. Действия полков 5-й пехотной дивизии в минувшую русско-турецкую войну 1877–1878 гг. (Из воспоминаний участника) // Чтения для солдат. 1889. Кн. 3. Вып. 5. С. 22.

⁴⁸ Гейсман П. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в Европейской Турции. СПб.: типо-литография А. Г. Розена, 1906. Вып. 2. Русско-турецкая война... С. 142.

⁴⁹ Ореус В. Ф. Воспоминания о походе 1877–1878 гг. // Русская старина (далее – РС). 1884. Т. 43. № 8. С. 423.

⁵⁰ Зотов П. Д. Война за независимость славян в 1877–1878 гг. Посмертные записки // РС. 1907. Т. 130. № 5. С. 272.

⁵¹ См.: Донесение дипломатического чиновника при главнокомандующем Дунайской армией М. А. Хитрово начальнику штаба действующей армии Непокойчицкому от 15 апреля 1878 г. // Овсяный Н. Р. Болгарское ополчение и земское войско. СПб.: Воен.-ист. комис. Гл. штаба, 1904. С. 157–158; Анучин Д. Г. Князь В. А. Черкасский и гражданское управление в Болгарии. 1877–1878 гг. // РС. 1895. Т. 84. № 12. С. 34, 37–38.

⁵² См. СПб.: Государственная типография, 1905. Вып. 40. С. 202, 246; П. К. [Карцов П. П.]. Исследование и взятие с боя Троянского перевала на Балканах // ВС. 1879. Т. 125. № 1. С. 21–22.

⁵³ Соболев Л. Н. Выручка Шипкинского перевала. Из воспоминаний очевидца // СВР. Т. 1. С. 212.

⁵⁴ Рынкевич Е. Е. Записки о болгарском ополчении (За период с конца апреля по 9 августа 1877 г.) // ВС. 1902. № 4. С. 67, 69.

⁵⁵ М. Ч. [Чичагов М.] Дневник офицера // СВР. СПб., 1878. Т. 1. С. 89.

Глава 4

Хиландарский монастырь на Афоне и российская дипломатия: к истории русско- сербских отношений (1850–1870-е гг.)*

Проблематика международных отношений, гуманитарного и культурно-исторического взаимодействия России и государств «поствизантийского пространства» всегда находилась в фокусе внимания историков. Вместе с тем в последнее время наблюдается устойчивый интерес отечественных и зарубежных исследователей к такому аспекту межгосударственных связей на Христианском Востоке, как церковно-дипломатические отношения великих держав, в сферу внимания которых с середины XIX в. неизменно входила и Святая Гора Афон.

При широком спектре исследований, посвященных истории Афона, недостаточно изученным остается вопрос о развитии греко-русских отношений в XIX в., приведшем к известному кризису середины 1870-х гг., который поставил под угрозу существование русского иночества на Святой Горе. Важным источником для понимания причин и предпосылок возникновения во второй половине XIX в. греко-русского конфликта на Афоне являются материалы переписки российских дипломатов из Архива внешней политики Российской империи, позволяющие объективно оценить участие российской дипломатии в разрешении злободневных проблем Восточных патриархатов.

Одним из направлений многолетней работы Азиатского департамента МИД, российской дипломатической миссии (с 1867 г. посольства) в Константинополе и консульства в Салониках было оказание

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта № 20-09-41016.

помощи сербскому Хиландарскому монастырю на Афоне в разрешении спорных имущественно-земельных вопросов между ним и болгарским монастырем Зографом. Из документов Хиландарской обители известно, что в XVI в. Иван Грозный «принял ее на свое пропитание»; в Москве существовало подворье, которое Петр I обратил в Патриаршую певческую, назначив в компенсацию монастырю милостинную дачу из расчета 35 руб. в год. Позже обители было даровано право каждые 7 лет присылать в Россию монахов для сбора пожертвований.

С 1840 г. по ходатайству старцев Хиландара и Константинопольского патриарха Григория VI Россия каждые 5 лет, а после Крымской войны — каждые 7 лет (с 1857 г.) выплачивала Хиландару милостинную дачу из расчета 35 руб. в год, не считая перечисления процентов с капитала в 3 тыс. руб., положенного еще в 1817 г. в Московский опекунский совет¹.

В 1859 г., принимая во внимание «весьма недостаточные средства Хиландарской обители», монастырю было высочайше дозволено прислать в Россию иноков для сбора пожертвований «на восстановление больницы и части монастырского здания, построенной царем Иоанном Васильевичем Грозным, пришедших ныне в совершенную ветхость»². В 1862 г. Св. Синод продлил разрешение еще на один год, но при условии, что в будущем «сбор может быть разрешен не иначе, как только в том случае, что в монастыре будет введен общежительный устав»³.

Но сначала, как видно из записки российского консула в Салониках А.Е. Лаговского, Св. Синод отказал хиландарцам в продлении сбора, хотя, как справедливо отметил консул, «в подобном разрешении никогда не было отказываемо ни одному из православных монастырей на Востоке; греческие монастыри производят сборы по несколько лет сряду, а Патриархи Александрийский и Антиохийский пользуются этим правом постоянно»⁴. И только уступая настояниям Министерства иностранных дел и принимая во внимание, что «Сербская Хиландарская обитель на Афонской Горе, имеющая важное значение для поддержания православия в Македонии и Румелии, по недостаточности средств действительно нуждается в оказании ей пособия со стороны Императорского правительства», Св. Синод дал согласие на продление срока сбора. В итоге сборы добротных подаваний вместо одного года продолжались более трех

лет — до кончины о. Софрония от оспы в Екатеринбурге 7 февраля 1863 г.⁵ В общей сложности за все время (1859–1862) было собрано около 10 тыс. руб. (9786 руб.). (В одной только Пермской епархии, согласно записи в сборной книге, было собрано 4751 руб. 50 коп.)⁶

Вся переписка — по вопросам выплат милостинной дачи, сборов в России, а в 1860-е гг. и позже — по делам монастырских имений в Бессарабии — велась через российских представителей при Порте, которые придавали славянским монастырям, Хиландару и Зографу, большое значение. Еще в 1850 г. в своей записке о состоянии Православной Церкви на Востоке⁷ писатель и путешественник А. Н. Муравьев, в августе 1849 г. посетивший Святую Гору, отмечал, что нравственное влияние Хиландара и Зографа «особенно спасительно для пробуждающейся Болгарии, потому что большая часть поклонников, посещающих Св[ятую] Гору, не греки, а соседние жители Румелии и Македонии». Особенно подчеркивал Муравьев устройство общежительного уклада в болгарской обители Зограф, которая, по его словам, «восстала из запустения с тех пор, как возвратили ей имущество из Бессарабии», и в планах которой было основание болгарского училища и введение церковного пения по русскому образцу — «все это, по мнению Муравьева, может принести большую пользу для Болгарии»⁸.

В начале 1860-х гг. Лаговский отмечал, что Хиландар, братья которого состоит из сербов и болгар, «снабжает богослужебными книгами приходские церкви в славянских областях и много содействует к поддержанию православия»⁹. Указывал на большое значение Хиландарской обители «для поддержания православия в Македонии и Румелии» и Св. Синод¹⁰. В 1868 г., в разгар западной миссионерской пропаганды на Балканах, посол в Константинополе Н. П. Игнатъев писал о Руссике, Зографе и Хиландаре как о знаменитых обителях, «где сосредоточено церковное просвещение славянское», что в его глазах было крайне важным «в условиях бедственного положения Болгарской Церкви»¹¹.

В связи с распространением на Балканах западной пропаганды и греко-католической унии российским дипломатам предписывалось всемерное противодействие инославным миссионерам. В консульских донесениях 1860-х гг. содержались сведения о православных, «жестoko соблазняемых теперь от чужих проповедников и нравственного невежества иноплеменных»¹². И славянские обители на Афоне,

по мнению российских представителей, служили оплотом православного просвещения.

Но если в 1850 г. Муравьев причислял Хиландар к пяти «богачейшим и древнейшим обителям», то десять лет спустя консул Лаговской сообщал о Хиландаре, что «средства его весьма ограничены, так что встречаются затруднения не только к поддержанию устроенного иноками училища, но даже к необходимым поправкам приходящих в совершенную ветхость монастырских строений»¹³.

Предпосылки к развитию греко-славянского конфликта

В середине 1860-х гг. в центре внимания российской дипмиссии, а с 1867 г. посольства в Константинополе оказалась тяжба между Хиландаром и Зографом о пограничных земельных владениях, ставшая, по словам Игнатьева, «последним ударом для обители»¹⁴. Надо отметить, что подобные споры между афонскими монастырями случались нередко. Еще в 1850 г. Муравьев писал: «Но вот что грустно видеть в обителях и что возбуждает всеобщий соблазн — это частные между ними тяжбы за участки земли, иногда незначительной, на основании старых хрисовулов царских, отчего некоторые пришли в разорение; турки пользуются такими тяжбами, чтобы обирать монастыри, которым дорого стоит их взаимное прение и в предварительном суде Патриаршем»¹⁵.

Такой спор возник в середине 1860-х гг. между сербским Хиландаром и болгарским Зографом (в дипломатической корреспонденции Зограф, как правило, называют «греческим»).

Тяжбу по поводу прав поземельного владения вызвала антицерковная политика молдо-влахийского князя Александру Кузы, первого правителя соединенных княжеств Молдавии и Валахии, одним из главных деяний которого стал закон о секуляризации монастырских имений Восточных патриархатов, принятый 13 декабря 1863 г. И хотя в феврале 1866 г. князь вынужден был отречься от престола, последствия его церковной политики не могли не отразиться самым печальным образом на положении православных монастырей в Османской империи, для которых вопрос о недвижимости и земельных владениях вышел на первый план.

Вынесенная Зографом в турецкий суд сербо-болгарская тяжба, по мнению Игнатьева, представляла «самое прискорбное

и соблазнительное явление в православном мире»¹⁶. Вопиющая несправедливость состояла в том, что тяжба эта, как частным путем выяснил Игнатъев в Константинополе, велась на русские деньги. Так, из полученных монастырем 8 тыс. червонцев из России 5 тыс. было употреблено «на раздачу взяток турецким начальствам и судьям». Это обстоятельство Игнатъев считал необходимым принять во внимание «при высылке пособий в Афонские монастыри»¹⁷. В результате турецкий суд разрешил тяжбу в пользу Зографа. Но Игнатъев не собирался отступать и старался привести дело к справедливому решению и примирению монастырей. В этом ему помогал сербский поверенный в Константинополе Ристич. По поручению сербского правительства Ристич принял горячее участие в судьбе Хиландарской обители, рассчитывая на содействие российского посланника «как к водворению в оной общежития, так и к примирению ее, не в ущерб ее материальных интересов, с Зографским монастырем»¹⁸.

К разрешению спорного вопроса был привлечен и Константинопольский патриарх Григорий VI, который, «по настояниям Императорской Миссии, не оставлял обе обители своими советами». Много забот выпало и на долю российского консула в Салониках, который «неоднократно переносился на место спора и старался примирить враждующие стороны». Однако, как вынужден был признать Игнатъев, «все усилия оказывались бесполезными и все средства казались истощенными»¹⁹.

В декабре 1865 г. зографцев предупредили, что «если даже с помощью денег... им удастся выиграть это ничтожное дело, они потеряют гораздо более, лишившись доходов из России»²⁰. После этого зографские отцы согласились «вступить в полюбовное примирение с Хиландарской обителью»²¹.

Для Хиландара спор с Зографом «по поводу прав поземельного владения» стал, по выражению Игнатъева, «последним ударом»: обитель находилась в «прискорбном упадке», о чем неоднократно писали в МИД российские дипломаты. Причины разорения монастыря виделись в «злоупотреблениях некоторых влиятельных лиц из среды братии и беспорядках всякого рода», поставивших Хиландар «на краю гибели»²². Главная же проблема, по мнению не только российских, но и сербских представителей при Порте, заключалась в отсутствии общежития.

Посещение Афона Н. П. Игнатьевым летом 1866 г.

Летом 1866 г. без предварительного уведомления Игнатьев в сопровождении архимандрита посольской церкви Леонида (Кавелина) прибыл на Афон, где провел три дня, с 27 по 29 июля²³.

Несмотря на краткость, афонский визит Игнатьева оказался запоминающимся и даже знаменательным. Прежде всего, нельзя переоценить его значение для русского монашества на Афоне. Посланник «самым наглядным образом убедился в дурном отношении к русским греков и сделался с этих пор мощным защитником русских интересов на Святой Горе»²⁴, а у русских монахов появилась надежда, что «время печальных недоумений кончилось»²⁵, и это, несомненно, имело для них большую важность. Кроме того, при поддержке Игнатьева по инициативе русских афонских старцев было возобновлено дело по устройению в России часовни для поддержания монастыря²⁶. В целом, согласно свидетельству консула в Салониках, поездка российского посла на Афон «имела последствием возвышение значения на Св. Горе наших русских обителей»²⁷.

Вместе с тем Игнатьев уделил большое внимание сербо-болгарскому вопросу. Более того, из отношения посланника к директору Азиатского департамента П. Н. Стремоухову от 13 сентября 1866 г. можно видеть, что прекращение тяжбы между двумя славянскими монастырями и примирение их братии стало одной из главных целей поездки. В представленном в Азиатский департамент отчете Игнатьев называет «единственными средствами к устранению прискорбного порядка вещей» добровольное примирение между Зографом и Хиландаром и «введение в Хиландарской обители строгого монашеского общежития вместо прежней безурядицы»²⁸ (в Зографе общежитие ввели в 1849 г.²⁹).

В соборном храме в присутствии российского посланника было объявлено о восстановлении общежития в Хиландарской обители со строгим подчинением игумену, которым избрали архимандрита Герасима. Далее состоялось подписание акта о введении общежития и провозглашение игумена, который в соответствии с принятыми обычаями принимал в полном облачении поклоны от всех членов хиландарского братства.

Официальный акт о восстановлении общежития в Хиландаре с просьбой монахов «о доведении о случившемся до сведения

Св. Синода и об испрошении благословения» был прислан Лаговским в посольство 13 сентября 1866 г. Консул также уведомил посла, что тяжбу между Хиландарским и Зографским монастырями можно считать оконченной, так как обе общины дали согласие на примирение, избрав в качестве посредников авторитетных русских афонитов: «настоятелей русских афонских скитов Св. Андрея Первозванного и Св. Илии Пророка и второго духовника русского монастыря Св. Пантелеймона»³⁰.

Игнатьев ожидал со временем позитивных перемен в устройении общежития и в других афонских монастырях. По-видимому, речь идет о тех обителях, о которых Муравьев писал, что все они, «начиная с Великой Лавры и кончая Хиландаром, за исключением одной Эсфигменской, управляются епитропами, ежегодно избираемыми по два; они называются самочинными идиоритми, и действительно в них нет желанного порядка как в общинах, хотя они и богаты по своим имуществам в княжествах, особенно Ивер и Ватопед»³¹.

Отметим, что за несколько месяцев до Игнатьева Афон посетил британский экс-посол Г. Бульвер-Литтон, чей приезд был вызван ситуацией, связанной с монастырскими именами в Бессарабии и Молдо-Влахии. Не имея под рукой корреспонденции британского посла по афонскому вопросу и его отчета о визите на Святую Гору, трудно делать какие-либо заключения, но с большой долей вероятности можно предполагать, что Бульвер-Литтон, придерживаясь антироссийского курса британской внешней политики, настраивал афонитов против русских на Святой Горе. В том не оставляет сомнений, в частности, донесение российского консула в Тырново В. Ф. Кожевникова от 30 июля 1865 г. с обзором действий британских агентов в Болгарии, в то время подчиненных Бульвер-Литтону.

Из-за дипломатических интриг и внешнего давления на греческие и болгарские круги российская дипломатия оказалась между Сциллой и Харибдой. Если греческое духовенство подозревало российских представителей в тайном руководстве болгарскими общинами, восставшими против патриарха, видя в них зачинщиков смуты, то болгары, со своей стороны, были склонны обвинять правительство России в поддержке греков. Подобное мнение повсеместно распространяли среди болгар и сербов британские агенты, призывавшие болгарские власти «следить за действиями русских консулов и не

допускать их поддерживать интригами волнение в умах христиан по делам церковного вопроса»³².

Вместе с тем в конфиденциальных беседах с представителями болгарских общин они пытались внушить им, что «решение церковного вопроса замедляется влиянием Русского Кабинета, поддерживающего, из своекорыстных видов, греческое духовенство, над которым Англия давно уже произнесла свой приговор». Как было установлено Кожевниковым, подобные внушения исходили от британского генерального консула в Белграде, проездом посетившего целый ряд болгарских городов (Рушук, Шумлу, Тырново и Систов). Не вызывало у Кожевникова сомнений и то, что в целях подрыва российского влияния подобные настроения распространяют на Балканах агенты и других держав³³.

В связи с этим неудивительно, что посещение Афона российским посланником встретило горячий отклик начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина), писавшего к Игнатьеву: «Давно следовало нам изгладить там следы диктаторского посещения г. Бульвера. Надеюсь, что Вас там долго будут помнить — свои и чужие»³⁴.

Очевидный успех визита на Святую Гору побудил Игнатьева просить через МИД для Хиландара разрешение Синода на сбор пожертвований в России «для поправления его крайне пострадавшего материального состояния»³⁵. Однако Синод ответил отказом, ссылаясь на то, что с 1864 г. число таких сборов в России было ограничено «не более как четырьмя одновременно», и на тот момент данным правом пользовались другие монастыри. Отказал Синод и полтора года спустя по тем же причинам. Таким образом, практически обещанный Игнатьевым (да и Св. Синодом) сбор в России в пользу Хиландарского монастыря при условии учреждения им общежития так и не состоялся... Между тем Зограф продолжал преуспевать, поскольку после данного им согласия на «полюбовное размежевание» не возникло необходимости в приостановлении выплат доходов с бессарабских имений³⁶.

Казалось бы, неприятное тяжёлое дело к середине 1867 г. прошло к завершению, однако спустя два года оно снова возобновилось.

Пользуясь безденежьем Хиландара, в 1869 г. Зограф продолжил судебный процесс в Константинополе «с целью купить фирман на всю спорную землю»³⁷. Консул в Салониках подверг действия Зографа

строгой критике, отмечая, что монахи этой обители «с самого начала были далеко недобросовестны». Когда же после кончины игумена Анфима, согласившегося на мировую и обещавшего прекратить тяжбу, консул в переговорах с новым игуменом Иларионом, вполне доброжелательно настроенным к его внушениям, склонял последнего «к принятию второй мировой сделки», братия Зографа не допустила того, «предпочитая кончить дело турецким судом», а значит, рассчитывая использовать прежние приемы взяток. «Зограф, все богатства которого находятся в России, — писал консул в донесении, — мало обращал внимания на наши увещания и действовал вопреки стараниям покойного их игумена Анфима, в ущерб обители, расточая полученные им из России деньги на подкуп турецких чиновников»³⁸. Не помогли и усилия архимандрита Леониды (Кавелина) «склонить славянские обители к миру».

Но, пожалуй, еще более неожиданным (и возмутительным) стало начавшееся в Зографе гонение на русскую братию. «Несмотря на все милости императорского правительства», партия зографских монахов (по словам консула, это были болгары, по мнению Св. Синода и Игнатьева, — греки), отвергнув все увещания консула, изгнала из монастыря русского иеромонаха Варлаама, одного из лучших из числа русской братии, «для примера и в угрозу остальным 20-ти русским монахам», заподозрив его в «миролюбивых наклонностях»³⁹.

Непримиримая позиция зографской антирусской и антисербской партии, действовавшей вопреки мнению не только русской братии, но и собственного игумена, привела к тому, что русские монахи Зографа высказали намерение «просить разрешения Императорского правительства переселиться в Киприановскую обитель в Бессарабии для избежания дальнейших гонений болгарской братии Зографа». Видя подобную несправедливость (и неблагодарность), консул считал полезным временно приостановить поступление доходов в монастырь из России, чтобы, несмотря на выдачу фирмана, привести тяжбу к мировой сделке. По убеждению консула, эта мера «может послужить только в пользу обители, расточающей доходы на покупку турецкого правосудия»⁴⁰. МИД согласился с рекомендациями консула⁴¹.

Св. Синод, одобряя решение МИД, определил: «Впредь до особого распоряжения не допускать сбора подаяний в Империи в пользу Зографской обители». Не возникло с его стороны и возражений

«к приостановлению на время выдачи Зографскому монастырю доходов с принадлежащих ему в России недвижимых имений». В определении Св. Синода упоминалось также, что «сказанная распря тяжело влияет на противящихся оной русских монахов Зографа, которые терпят притеснения от греческой братии»⁴².

Продолжение тяжёбного дела по переписке А. Н. Муравьева в 1870-е гг.

К разрешению хиландаро-зографской тяжбы по просьбе Игнатьева и митрополита Сербского Михаила подключился и Муравьев, который неоднократно обращался в письмах к игумену Зографа с увещаниями прекратить спор. Игнатьеву же Муравьев писал о возможной реакции обер-прокурора графа Д. А. Толстого, который «очень будет рад случаю — к чему-нибудь придаться, чтобы скушать Зограф; в этом случае угроза может быть спасительна, и слава Богу, если восстановится мир!»⁴³ Но прошло полтора года, а земельный спор продолжался, и митрополит Сербский снова просил Муравьева «вступить за Хиландар, который разоряют по вражде болгар к сербам». Не в силах удержаться от упрека в адрес болгар в неуступчивости и непокорности, Муравьев писал Игнатьеву: «Надобно бы так устроить, чтобы их сама Порта смирила, потому что и ей самой от них житья не будет, если станет им поблажать»⁴⁴.

И все же наиболее действенной мерой Муравьев считал удержание доходов с монастырских имений Зографа в Бессарабии, предлагая официально объявить зографским депутатам в Константинополе, что если они «не прекратят немедленно соблазнительные свои процессы, разоряющие их самих и окрестные монастыри, то будет немедленно написано от посольства Св. Синоду об удержании бессарабских доходов, дабы отнять у них средства к таким соблазнам». Не вызывало сомнений, что зографцы «конечно смирятся, если услышат такой решительный приговор»⁴⁵. (Как можно видеть из приведенного письма, решение, предложенное консулом Лаговским еще летом 1869 г. и одобренное Св. Синодом в январе 1870 г., за два года так и не было приведено в исполнение.)

Константинопольский собор 1872 г. и объявление болгарской схизмы внесли свои коррективы в греко-славянские отношения на Святой Горе. Муравьев, посетивший Афон в 1874 г., поразился

произошедшей там нравственной перемене, заметив, что болгарский вопрос восстановил греков «против всего племени славянского, не исключая и русских»⁴⁶. «Можно сказать, — писал он Игнатьеву, — это уже не болгарская, а прямо русская схизма, потому что болгары остались в тени при той явной ненависти, какую питают разъяренные, обезумевшие греки к русским»⁴⁷. Происходящее на Афоне Муравьев назвал «общим тайным заговором всех греков против русских, несмотря на все благодеяния России»⁴⁸.

Мнение Муравьева полностью разделял российский посол при Порте, отмечавший, что «на фоне болгарского дела и вследствие разбуженных им страстей встал весьма деликатный вопрос об афонских монастырях». Посол напрямую указывал на британский след как в постановлениях Константинопольского собора, так и в националистических настроениях греков в отношении славян, отводя первенствующую роль архиепископу Сиросу Ликургосу, который, «выполнив свою достойную сожаления миссию в Константинополе, направился на Гору Афон, чтобы посеять рознь в тамошних религиозных общинах, призывая к крестовому походу против славян» якобы «для защиты греческих интересов»⁴⁹.

В сложившейся ситуации российские дипломаты не могли не поддержать болгар, и Муравьев считал нужным прислать на Афон в качестве «противоядия» от действий прибывшей туда комиссии из архиереев и чиновников во главе с Ликургосом «какого-нибудь дельного человека из болгар, чтобы вразумить своих». В случае, если «греки будут бунтовать против болгар и русских на Афоне», в качестве ответных мер Муравьевым был предложен не только секвестр на бессарабские имения греческих монастырей, но и отторжение у Ивера Никольского монастыря в Москве с последующей передачей его Русику, «если Иверский, которому он теперь принадлежит, на нас восстанет»⁵⁰.

Как убедился Муравьев, ознакомившись с ситуацией на Афоне, русофобские настроения генерировал антипросоп Кутлумуша — «первый нарушитель покоя», распространявший «вредные толки о России»⁵¹. Его поддерживали антипросопы Лавры, Пантократора, Ватопеда и Ивера — тех самых «древнейших и богатейших монастырей», о которых с большим почтением писал Муравьев в 1850 г.⁵²

Действительно, националистические идеи, насаждаемые про-британски настроенными «морантами, воспитанниками эллинских

школ, возмущавшими весь Афон» и желавшими «постепенно ввести эллинизм, чрез старейших игуменов во все обители»⁵³, давно подпитывались постепенно назревавшим раздражением греков из-за проводимой Россией политики в отношении бессарабских и прочих имений афонских монастырей.

Из дипломатической корреспонденции 1860-х гг. можно видеть, что секвестры на монастырские доходы с имений являлись единственной и вполне справедливой мерой, к которой обращалось правительство для прекращения беспорядков в монастырях. В 1865 г. была введена реформа, предполагавшая отчетность о доходах с бессарабских имений афонских монастырей и в первую очередь Ватопеда и Эсфигмена. В 1866 и 1869 гг. правительство прибегло к секвестру в отношении бессарабских владений Зографа, в 1868 г. — предполагало наложить (но затем отказалось от этой меры) секвестр на доходы с бессарабских имений Ивера; 9 марта 1873 г. в ответ на решения Константинопольского собора 1872 г. и низложение патриарха Иерусалимского Кирилла II был издан Высочайший указ о передаче имений восточных монастырей в Бессарабии в казенное управление.⁵⁴

После объявления болгарской схизмы отношение российских дипломатов и к Зографу, и к Хиландару заметно изменилось, но осталось при этом весьма критическим. Для оказания поддержки болгарам Игнатьев телеграфировал о высылке Зографу из России 20 тыс. руб., накопившихся за время секвестра с процентов от доходов с бессарабских имений монастыря. Но, как подчеркнул Муравьев в разговоре с антипросопами, посол, «разумеется, не даст им оружие в руки, если увидит, что его употребят против русских». Вместе с тем Муравьев писал, что «болгары, как Панургово стадо, глупо дремлют в своих обителях, не поддерживая русских и не разумея своей опасности». Вполне состоятельный Зограф, как считал Муравьев, «мог бы выступить с успехом в защиту русских, но старшая братия думает только о своей независимости в обители и посылает самых ничтожных представителей в Протат»⁵⁵.

Но еще более критически отозвался Муравьев о Хиландаре, назвав его «сербским только по имени»⁵⁶. Надо полагать, такое отношение возникло после длительных, но безуспешных переговоров относительно покупки Андреевским скитом хиландарской кельи, когда из-за неприязни к русским одного из хиландарцев Протат отказал скиту из тех соображений, что русские получат возможность

«расширяться и укрепляться». На решение антипросопов не повлияли даже обращения к ним сербского князя и митрополита Михаила.

История с хиландарским участком убедила Муравьева в том, что Хиландар лишь «на словах благоприятствует русским», а на деле, не считаясь с мнением сербского князя и митрополита, следует воле Протата. Кроме того, введенное в обители при посредничестве российского посла общежитие продержалось, по-видимому, недолго. В связи с этим Муравьев считал необходимым для пользы сербской обители «внушить князю и митрополиту Сербскому, чтобы они взяли ее совершенно в свои руки и прислали бы от себя дельного игумена, который восстановил бы благосостояние и общежитие в обители, имеющей до 40 [тысяч] десятин лесов и земли на одном Афоне, кроме своих метохов, коими не умеют пользоваться»⁵⁷.

Таким образом, к середине 1870-х гг. Хиландар был предоставлен сам себе, а также светским и духовным правителям Сербии, что объясняется не только безуспешными усилиями дипломатов добиться какой-либо помощи для обители от Петербурга или неудачей в деле приобретения Андреевским скитом хиландарской кельи. Причина заключалась в том, что в приоритете у российских дипломатов оказались проблемы русских афонитов, пребыванию на Святой Горе и самой жизни которых угрожала серьезная опасность.

Тайные интриги греков и русофобские настроения в целом со всей остротой обозначили первостепенные направления «афонской политики» России. Перед российской дипломатией встала задача преобразования греко-русского Свято-Пантелеимонова монастыря в «собственно русский монастырь со своим, русским, антипросопом в Протате, по примеру сербского и болгарского монастырей»⁵⁸; кроме того, давно ожидал решения вопрос о покровительстве российским подданным на Афоне.

* * *

Рассмотренный выше сюжет, посвященный усилиям российских дипломатов по урегулированию имущественных споров между Зографом и Хиландаром, стал следствием не одних только хозяйственных проблем. «Афонская» переписка российских дипломатов свидетельствует о том, что на возникновение греко-славянских конфликтов во второй половине XIX в. повлияли и этнонациональный, и внешнеполитический, и экономический факторы. В имущественном споре

афонских обитателей Зографа и Хиландара отразилась общая картина противостояния великих держав в средиземноморском регионе, и прежде всего российско-британская конкуренция. Играли свою роль и русофобские настроения, усердно насаждаемые в афонской среде⁵⁹. Результатом последовательного антироссийского курса британских дипломатов и их приверженцев среди греческих иерархов в Константинополе и на Балканах стало нагнетание националистических настроений на Святой Горе, планомерно переросших из болгаро-греческого конфликта в греко-российский кризис 1873–1874 гг.

Важным показателем эффективности дипломатической работы на Христианском Востоке было достижение великими державами права покровительства своим подданным. Однако в отношении Русского Афона можно наблюдать непонимание и бездействие со стороны МИДа и Св. Синода («Петербург совершенно бессилён, — писал Муравьев в 1874 г., — и даже благоприятствует грекам, хотя и представляет вид беспристрастия»⁶⁰).

Отказ императорского правительства, несмотря на неоднократные ходатайства, от официального покровительства многочисленным российским подданным, подвизавшимся на Святой Горе, оставлял их без дипломатической поддержки, подвергая риску и угрозам со стороны недоброжелателей. Не могли служить гарантией от националистических конфликтов и беспорядков и эпизодические визиты посланников при Порте, в одиночку выступавших против европейской дипломатии и Фанара в защиту русских монахов.

Все вышеперечисленное, наряду с частыми и вполне обоснованными секвестрами доходов от земельных владений афонских монастырей в Бессарабии, отнюдь не способствовало дружескому расположению к России и русским инокам со стороны греческой братии, что и привело к обострению межправославных отношений на Святой Горе.

Таким образом, можно видеть, что усилия российских дипломатов по урегулированию тяжбы между Зографом и Хиландаром служили звеньями в единой цепи событий, касающихся развития греко-славянских отношений на Афоне во второй половине XIX в. И потому этот второстепенный, казалось бы, эпизод можно рассматривать в качестве одного из элементов в общей картине истории «афонского вопроса», который, в свою очередь, являлся неотъемлемой частью вопроса восточного.

Примечания

¹ Отношение посланника в Константинополе А. П. Бутенева к Л. Г. Сенявину. Буюкдере, 24 октября 1839 г. // Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. 161. П-9. Оп. 46. 1839. Д. 18. Л. 1 — 1 об.

² Отношение А. П. Бутенева к и. д. обер-прокурору Св. Синода И. М. Толстому. Буюкдере, 9 сентября 1858 г. // Там же. Л. 79 об.

³ Выписка из определения Св. Синода от 24 апреля / 4 мая 1862 г. // Там же. Л. 97 — 99 об.

⁴ Там же.

⁵ Список с донесения Св. Синоду преосвященного Пермского. Б. д. [февраль 1863 г.] // Там же. Л. 109 — 109 об.

⁶ Там же.

⁷ *Муравьев А. Н.* Записка о состоянии Православной Церкви на Востоке // Андрей Николаевич Муравьев и российская дипломатия на Православном Востоке. Дипломатические записки и переписка / Сост. И. Ю. Смирнова. М.: Индрик, 2019. С. 99–130.

⁸ Там же. С. 115–116.

⁹ Записка о Хиландарском монастыре консула в Салониках А. Е. Лаговского. Б. д. [февраль 1860 г.] // АВПРИ. Ф. 161. П-9. Оп. 46. 1839. Д. 18. Л. 141.

¹⁰ Выписка из определения Св. Синода от 24 апреля / 4 мая 1862 г. // Там же. Л. 97.

¹¹ Записка Н. П. Игнатьева при отношении на имя князя А. М. Горчакова. Константинополь, 2 марта 1868 г. // Там же. Л. 132.

¹² Письмо настоятеля Хиландарской лавры архимандрита Никифора к посланнику в Константинополе Н. П. Игнатьеву. Афон, 6 августа 1862 г. // Там же. Л. 103 об.

¹³ Записка о Хиландарском монастыре консула в Салониках А. Е. Лаговского. Б. д. [февраль 1860 г.] // Там же. Л. 141.

¹⁴ Отношение Н. П. Игнатьева к П. Н. Стремоухову. Константинополь, 13 сентября 1866 г. // Там же. Л. 123 — 123 об.

¹⁵ *Муравьев А. Н.* Записка... С. 115.

¹⁶ Отношение Н. П. Игнатьева к П. Н. Стремоухову. Константинополь, 13 сентября 1866 г. // АВПРИ. Ф. 161. П-9. Оп. 46. 1839. Д. 18. Л. 123 — 123 об.

¹⁷ Отношение Н. П. Игнатьева к П. Н. Стремоухову. Константинополь, 23 ноября 1865 г. // Там же. Л. 119 — 119 об.

¹⁸ Отношение Н. П. Игнатьева к П. Н. Стремоухову. Константинополь, 13 сентября 1866 г. // Там же. Л. 123 об. — 124.

¹⁹ Там же.

²⁰ Письмо А. Е. Лаговского в Зографский монастырь. 14/26 декабря 1865 г. // Там же. Ф. 279; Консульство в Салониках. Оп. 565. Д. 86. Correspondans avec les Monastères de M-t Athos. Entrée et sortie. 1871. Л. 110–111.

²¹ Отношение Н. П. Игнатьева к П. Н. Стремоухову. Константинополь, 11 января 1866 г. // Там же. Ф. 161. П-9. Оп. 46. 1839. Д. 18. Л. 121 — 121 об.

²² Отношение Н. П. Игнатьева к П. Н. Стремоухову. Константинополь, 13 сентября 1866 г. // Там же. Л. 123 — 123 об.

²³ См.: *Азарий (Попцов)*. Три дня на Святой Афонской Горе 27, 28 и 29 июля 1866 года. СПб., 1867.

- ²⁴ Описание русского Пантелеимоновского монастыря. Изд. 7-е. М., 1887. С. 160.
- ²⁵ Письмо афонских старцев к Н. П. Игнатьеву. 19 августа 1866 г. // Переписка Н. П. Игнатьева со старцами Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Святой Горе Афон. 1864–1907 гг. / Сост. К. А. Вах. М.: Индрик, 2018. С. 104.
- ²⁶ Письмо к Н. П. Игнатьеву. 25 апреля 1867 г. // Там же. С. 106–107.
- ²⁷ Отношение Н. П. Игнатьева к П. Н. Стремоухову. Константинополь, 13 сентября 1866 г. // АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1839. Д. 18. Л. 124 – 124 об.
- ²⁸ Там же. Л. 123 об.
- ²⁹ *Муравьев А. Н.* Записка... С. 113.
- ³⁰ Отношение Н. П. Игнатьева к П. Н. Стремоухову. Константинополь, 13 сентября 1866 г. // АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1839. Д. 18. Л. 124.
- ³¹ *Муравьев А. Н.* Записка... С. 113.
- ³² Донесение коллежского асессора Кожевникова. 30 июля (копия от 13 августа) 1865 г. // АВПРИ. Ф. 161. IV-2. Оп. 119. Д. 11. Ч. 1. Л. 43 – 44 об.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Письмо архимандрита Антонина (Капустина) к российскому посланнику в Константинополе графу Н. П. Игнатьеву. Иерусалим, 12 августа 1866 г. // Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н. П. Игнатьевым (1865–1893). М.: Индрик, 2014. С. 72.
- ³⁵ Отношение Н. П. Игнатьева к П. Н. Стремоухову. Константинополь, 13 сентября 1866 г. // АВПРИ. Ф. 161. II-9. Оп. 46. 1839. Д. 18. Л. 123.
- ³⁶ Отношение Н. П. Игнатьева к П. Н. Стремоухову. Константинополь, 9 мая 1867 г. // Там же. Л. 128 – 128 об.
- ³⁷ Донесение консула в Салониках А. Е. Лаговского к поверенному в делах в Константинополе Е. Е. Стаалю. Салоники, 23 июня 1869 г. // Там же. Л. 138.
- ³⁸ Там же. Л. 137 об., 149 об.
- ³⁹ Там же. Л. 149 об.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ Отношение обер-прокурора Св. Синода графа Д. А. Толстого к товарищу министра иностранных дел В. И. Вестману. СПб., 29 января 1870 г. // Там же. Л. 140 об., 148.
- ⁴² Там же. Л. 140 об.
- ⁴³ Письмо А. Н. Муравьева к Н. П. Игнатьеву. Киев, 28 мая 1870 г. // Андрей Николаевич Муравьев... С. 379.
- ⁴⁴ Письмо А. Н. Муравьева к Н. П. Игнатьеву. Киев, 6 декабря 1871 г. // Там же. С. 407.
- ⁴⁵ Письмо А. Н. Муравьева к Н. П. Игнатьеву. Киев, 4 января 1872 г. // Там же. С. 408.
- ⁴⁶ *Муравьев А. Н.* Афон Русик // Труды Киевской духовной академии. 1880. № 11. С. 433–446.
- ⁴⁷ *Муравьев А. Н.* Записка об Афоне. Константинополь, 29 мая 1874 г. // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Ед. хр. 3210. Л. 1.
- ⁴⁸ Там же. Л. 2 – 2 об.
- ⁴⁹ Граф Н. П. Игнатьев и Православный Восток: документы, переписка, воспоминания / Изд. подготовили О. В. Анисимов, К. А. Вах; отв. ред. П. В. Стегний. М.: Индрик, 2015. Т. 1. Записки о русской политике на Востоке. 1864–1887 гг. С. 381.
- ⁵⁰ Письмо А. Н. Муравьева к Н. П. Игнатьеву. Киев, 30 января 1873 г. // Андрей Николаевич Муравьев... С. 436.

⁵¹ Письмо А. Н. Муравьева к Н. П. Игнатьеву. Андреевский скит, 9 мая 1874 г. // Там же. С. 451.

⁵² Там же.

⁵³ *Муравьев А. Н.* Записка об Афоне. Константинополь, 29 мая 1874 г. // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Ед. хр. 3210. Л. 1.

⁵⁴ История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. Святая Гора Афон: Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, 2015. (Сер. «Русский Афон XIX–XX веков»). Т. 5. С. 345.

⁵⁵ Письмо А. Н. Муравьева к Н. П. Игнатьеву. Андреевский скит, 9 мая 1874 г. // Андрей Николаевич Муравьев... С. 451.

⁵⁶ *Муравьев А. Н.* Записка об Афоне. Константинополь, 29 мая 1874 г. // АВПРИ. Ф. 180. Посольство в Константинополе. Оп. 517/2. Ед. хр. 3210. Л. 2 об. — 3.

⁵⁷ Там же. Л. 3 — 3 об.

⁵⁸ Письмо А. Н. Муравьева к Н. П. Игнатьеву. Андреевский скит, 10 мая 1874 г. // Андрей Николаевич Муравьев... С. 451–452.

⁵⁹ См. подробнее: *Смирнова И. Ю.* Афон в фокусе российской и британской дипломатий: к истории межкультурного диалога (2-я половина XIX в.) // Диалог культур и цивилизаций / Под общ. ред. Ч. Б. Далецкого, А. Ю. Платко. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2019. С. 583–589.

⁶⁰ Письмо А. Н. Муравьева к Н. П. Игнатьеву. Андреевский скит, 10 мая 1874 г. // Андрей Николаевич Муравьев... С. 452.

Глава 5

Архимандрит Леонид (Кавелин) и Свято-Пантелеимонов монастырь: к истории русско-афонских связей во второй половине XIX в.*

Во второй половине XIX в. традиционные русско-афонские связи получили дополнительный импульс к развитию на фоне активной внешней политики России на Ближнем Востоке. Значительную роль в их укреплении сыграл выдающийся российский дипломат Н. П. Игнатьев, назначенный в 1864 г. чрезвычайным и полномочным посланником при Оттоманской Порте. Между тем степень участия в этих контактах настоятеля посольской церкви в Константинополе архимандрита Леонида (Кавелина; 1822–1891 гг.) в исторической литературе до сих пор не рассматривалась.

В середине XIX в. русское монашество на Афоне было представлено многочисленной общиной в составе разноплеменной братии Русского Свято-Пантелеимонова монастыря¹, насельниками двух скитов — Андреевского и малороссийского Ильинского, а также разрозненными группами монахов². Канонический статус русских святогорцев исторически определялся зависимостью от Константинопольского патриархата. Вместе с тем их правовое положение оставалось неопределенным. Формально русские монахи, как и все святогорцы, находились под юрисдикцией Турции; в действительности, по умолчанию — они продолжали считать себя подданными российского императора³.

Крайне уязвимым оказался и статус русских монахов в самой общине Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. Все имущественные права в обители принадлежали греческой братии, хотя

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта №20-09-41016.

возрождение монастыря после длительного запустения осуществлялось с 1840-х гг. на подаяния и вклады русских паломников и крупные пожертвования из России.

После Крымской войны состояние обители характеризовалось острой нехваткой дополнительных средств для развития монашеской жизни. Периодически возникали и внутренние противоречия между русской и греческой братией по вопросам монашеского общежития. На очередном витке обострения этих противоречий в 1860-х гг. жизненно важным для русских святогорцев стал вопрос об официальном патронате России. Попытку практического воплощения их чаяний и надежд взял на себя настоятель посольской церкви в Константинополе архимандрит Леонид (Кавелин).

Установлению тесных контактов о. Леонида со старцами Свято-Пантелеимонова монастыря предшествовала череда драматичных событий в его судьбе. Летом 1865 г. церковный дипломат был отстранен от руководства Русской духовной миссией в Иерусалиме и направлен «временно состоять» при посольской церкви в Константинополе. Ожидая решения Святейшего Синода по делу «о беспорядках» в миссии, весной 1866 г. архимандрит Леонид отправился на Афон с целью изучения истории восточного монашества. Во время командировки (22 апреля — 29 июня 1866 г.) ученый ознакомился с архивом и библиотекой Свято-Пантелеимонова монастыря, посетил древлехранилища болгарского Зографа и сербского Хиландара⁴.

Официальные контакты о. Леонида со старцами монастыря осуществлялись в рамках его церковно-дипломатической миссии, направленной на укрепление духовных, научных и культурных связей с Афоном. Но, судя по отголоскам в их более поздней переписке, во время пребывания о. Леонида в Свято-Пантелеимоновом монастыре старшие члены киновии успели обсудить с ним ряд насущных проблем: положение русской братии в обители, принуждение русских монахов к принятию турецкого подданства, вопрос об открытии монастырской типографии в России. Не оставили их безучастными и разногласия касательно общежительного устава в разноплеменной общине Хиландара⁵. По признанию святогорцев, в лице архимандрита Леонида они обрели «брата, советника и близкого друга»⁶, ставшего надежной для них опорой при посольстве в Константинополе.

Для о. Леонида характер этих связей не в последнюю очередь определялся личной причиной: желанием со временем вступить

в монашескую братию Свято-Пантелеимонова монастыря⁷. Глубокое разочарование в деле организации русского духовного представительства на Православном Востоке, острая конфронтация с подчиненными, отсутствие понимания и поддержки в синодальном и дипломатическом ведомствах побуждали архимандрита Леонида искать для себя прибежища на Афоне. Его духовному сближению со святогорцами способствовали и близость мироощущения, и единство взглядов на устройство монашеского общежития.

Как показали дальнейшие события, первая научная поездка на Афон стала отправной точкой в установлении тесных контактов между российскими дипломатами и святогорцами. По возвращении в Константинополь в частной беседе с посланником Игнатьевым архимандрит Леонид рассказал ему о положении дел на Афоне. Для российской дипломатии на Православном Востоке поддержка Свято-Пантелеимонова монастыря изначально не входила в круг приоритетных задач. Однако активность турецких властей по отношению к русским святогорцам, события в Хиландаре побудили Игнатьева совершить незапланированный визит на Афон.

Формальным поводом для этого визита послужило приглашение пантелеимоновских старцев посетить монастырь в престольный праздник, отмечаемый 27 июля (по ст. стилю). В сопровождении настоятеля посольской церкви Игнатьев направился к берегам Афона на небольшом военном пароходе «Тамань». Вместе с ним на корабле присутствовала и его супруга Екатерина Леонидовна (урожденная княжна Голицына), ожидавшая в скором времени рождения ребенка. По прибытии на Афон высокий гость и его свита приняли участие в праздничном вечернем богослужении, после чего посланник беседовал с игуменом — греком о. Герасимом, духовниками русской братии о. Иеронимом (Соломенцовым) и о. Макарием (Сушкиным)⁸.

На следующий день Игнатьев присутствовал на литургии в соборном храме в честь св. великомученика Пантелеимона; затем на молебне, который служил о. Леонид (Кавелин) в русском Покровском храме по случаю празднования дня рождения императрицы Марии Александровны, случившегося накануне, и тезоименитства великого князя Николая Николаевича-старшего, отмечавшегося 28 июля. После молебна посланник со свитой вернулся на корабль, куда вскоре прибыла процессия со святыми мощами. Отец Макарий отслужил для супруги Игнатьева и членов команды корабля соборный молебен,

а певчие по просьбе присутствующих исполнили во время чаепития духовные песнопения. В тот же день посланник вместе с представителем турецких властей направился в административный центр Афона — Карею, а затем посетил русский Андреевский и малороссийский Ильинский скиты⁹.

Последний день пребывания Игнатъева на Афоне был крайне насыщенным. По завершении литургии в Покровском храме, которую служил о. Леонид, посланник принимал игуменов и духовников всех афонских монастырей, после чего со свитой, в сопровождении о. Макария (Сушкина) и о. Леонида (Кавелина) направился морским путем к дальним обителям полуострова. Там Игнатъев посетил греческие монастыри Ватопед и Эсфигмен, а также сербскую обитель Хиландар, где присутствовал при знаменательном событии — обращении монастыря из идиоритмического в общежительный¹⁰.

Подготовленный архимандритом Леонидом визит посланника имел большое значение для русской братии Пантелеимонова монастыря. В лице Игнатъева — прежде всего как православного человека — афонские старцы надолго обрели сподвижника и благодетеля. Личное знакомство и общение с посланником оставляло надежду на признание русских святогорцев в качестве подданных Российской империи. Обретение высокого покровительства старшие члены киновии считали безусловной заслугой архимандрита Леонида. «После многих испытаний, как со стороны Св. Синода, так и светского Правительства, — писал в своем благодарственном письме к о. Леониду старший духовник русской братии о. Иероним (Соломенцов), — в Вас Бог послал нам Ангела Утешителя, тем более что немощи и скорби Обители и наши Вам понятны как пройденные и видимые на опыте, и Вы разговяете их как искреннейший Друг и Брат о Господе!»¹¹

За участие в установлении киновиального порядка в Хиландаре особую благодарность старцы выразили послу и лично архимандриту Леониду. «Благодарим Господа вместе с Вами и радуемся о устроении Общежития в Хиландаре, — писал в том же благодарственном послании о. Иероним. — Конечно, если бы не прибытие Г[осподина] Посланника, Его Превосходительства Николая Павловича Игнатъева, то не могло бы осуществиться это св[ятное] дело так внезапно. Из этого видим, что путешествие Г[осподина] Посланника в Св[ятую] Гору есть дело особого Промысла Божия для устройства общежития, которому и Вы послужали благодатным орудием»¹².

Как опытный церковный дипломат, архимандрит Леонид придавал особое значение информационному сопровождению первого визита российского посланника на Афон. Будучи талантливым литератором, он взял на себя труд написать репортажный очерк «Три дня в Русской афонской обители св. Пантелеимона, 27, 28, и 29 июля 1866 г.»¹³, освещавший это важное для русских афонитов событие. Впервые очерк был опубликован в периодическом издании «Херсонские епархиальные ведомости» под псевдонимом *Русский святогорец*, при формальном соавторстве с библиотекарем Пантелеимонова монастыря о. Азарией (Попцовым); позже вышло его отдельное издание¹⁴.

Несмотря на установленный контакт с дипломатом высокого ранга, в решении проблемы официального покровительства старцы Пантелеимонова монастыря опасались действовать самостоятельно. Их активность могла насторожить не только афонский Святейший Протат, но и турецкие власти. Свои надежды на продолжение конструктивных отношений с послом Игнатьевым старцы монастыря связывали с посредничеством настоятеля посольской церкви. «Надеемся, — писал младший духовник русской братии о. Макарий (Сушкин) в своем обращении к архимандриту Леониду, — что благодать Божия не оставит Своею милостью пользоваться Вашими мудрыми братскими советами; вразумляйте нас, когда что неладно; мы примем с любовью и благодарностью»¹⁵.

По возвращении в Константинополь Игнатьев обратился с донесением к министру иностранных дел А. М. Горчакову. В своем письме посланник «свидетельствовал, что нашел Русский монастырь достойным вполне нашей поддержки не только вещественной, но и политической»¹⁶. Горчаков посчитал возможным ознакомить с содержанием этого донесения Александра II и государыню Марию Александровну. По сведениям Игнатьева, «Их величества с радостным чувством приняли благовую весть о том, что на Св[ятом] Афоне живут не беглецы, скрывавшиеся от ненависти ко всему родному <...>, а иноки, проникнутые самыми теплыми чувствами преданности к своему родному государю и любовью к Отечеству, за которое они молятся ежедневно»¹⁷.

По получении благоприятного известия из России старшие члены киновии озаботились подачей прошения об официальном политическом покровительстве российского императора. Для обсуждения с посланником «нужд, чувств и желаний» русской братии

в Константинополь был отправлен делопроизводитель и библиотекарь обители — о. Азария (Попцов). В рекомендательном письме к Игнатьеву старцы подтверждали его полномочия «подписывать за нас бумаги те, которые понадобятся к сему делу, на что и дана ему нами особая доверенность»¹⁸.

Проект подготовленного прошения об «официально-торжественном политическом покровительстве благословенной России» — с открытой датой, без указания конкретного адресата, — судя по всему, был написан о. Азарией. Этот документ с пометой 1866 г. сохранился среди копий исходящей официальной корреспонденции в архиве Русского Свято-Пантелеимонова монастыря¹⁹. Однако в составлении текста прошения нельзя исключать участия самого архимандрита Леонида.

Во время своей поездки на Афон ученый собрал обширный материал по истории Пантелеимонова монастыря; он работал тогда над подготовкой к изданию исторического очерка о славянских обителях Святой Горы. Ключевые положения его исследования нашли отражение в преамбуле документа. Обоснование в нем исторических связей монастыря с Россией повторяет в кратком изложении содержание очерка архимандрита Леонида о Свято-Пантелеимоновом монастыре²⁰. Кроме того, в тексте прошения встречаются фразеологические обороты, часто повторяющиеся в переписке о. Леонида со старцами монастыря.

Решение обратиться за покровительством к России принималось афонскими старцами в атмосфере сложной геополитической обстановки на Ближнем Востоке. Фактором напряжения в этом регионе стало восстание против османов на Крите, начавшееся 21 августа 1866 г. Поддержку восставшим своими добровольцами сразу же оказала Греция, а также ряд других европейских стран. Тем временем на Афоне, открыто поддерживавшем в начале XIX в. национально-освободительную борьбу Греции против османского владычества, отмечался рост панэллинистических настроений. Афонские старцы не без оснований опасались реакции турецких властей.

Как отмечалось в прошении, именно «разные перемены на политическом горизонте» вынуждали русских святогорцев искать покровительства у России. Заступничество российского императора, по убеждению старцев, гарантировало им возможность и впредь выполнять на Афоне «небеструдную, но вместе с тем полезную для всей

Православной Церкви задачу духовного союза разноплеменных национальностей»²¹.

Аргументируя важность обретения монастырем официального покровительства России, старцы киновии подчеркивали в прошении, «что Русская афонская обитель всегда служила и доселе служит преимущественно пред другими афонскими обителями славянскими духовной школой для русских иноков, а для всех вообще русских людей всякого звания, посещающих Святую Гору, — тихим пристанищем, в котором они находят безмолвный покой, русское радушие и посильное гостеприимство»²².

Согласованное с посланником прошение вместе с отпечатанным изданием очерка «Три дня в Русской Афонской обители» было передано Игнатьеву накануне его поездки для доклада в Петербург.

Дальнейшие действия архимандрита Леонида (Кавелина) по поддержке интересов русского монашества на Афоне были связаны с разработкой продуманных и последовательных шагов. На правах «советника и печальника» обители церковный дипломат рекомендовал святогорцам «следить за событиями в Отечестве нашем, не упускать случай заявлять, где можно и прилично, о своем сочувствии ко всему, что служит к его чести и славе»²³. Для начала старцам было предложено «послать что-либо на благословение» для часовни близ ворот Летнего сада в Петербурге, где 4 апреля 1866 г. произошло покушение на императора Александра II.

Архимандрит Леонид регулярно напоминал святогорцам о днях тезоименитства императорской четы и членов Императорского Дома для преподнесения им икон, написанных по этому случаю в мастерской обители. Он сам составлял черновики поздравительных писем, которые затем переписывались о. Азарией (Попцовым) на бланках монастыря. Заранее информировал святогорцев и о других знаменательных событиях в отечестве. Так, по случаю предстоящего бракосочетания великого князя Александра Александровича с датской принцессой Дагмарой о. Леонид посоветовал написать «на благословение высокой чете» икону св. Пантелеимона²⁴. Чтобы изготовить в афонской мастерской крест для будущей императрицы Марии Федоровны, озаботился получением из Копенгагена «рисунка византийской работы креста королевы Дагмары»²⁵.

Тем временем поданное Игнатьевым прошение святогорцев о покровительстве было отложено в министерстве иностранных дел

с лаконичным пояснением — «не время». Международная обстановка вокруг восстания на Крите вынуждала российскую дипломатию действовать на Ближнем Востоке с крайней осторожностью. В качестве утешения в декабре 1866 г. о. Леонид сообщил святогорцам полученное от Игнатьева известие: посланнику удалось извлечь «Афонскую Гору от военного турецкого постоя» и выхлопотать для обители «деньги (милостинную дачу) за прошлые годы»²⁶.

В очередной раз поводом для возрождения надежд на покровительство России послужила паломническая поездка на Афон сына Александра II — Алексея Александровича. В рамках кругосветного образовательного плавания 9 июня 1867 г. военный фрегат «Александр Невский» с великим князем на борту пришвартовался в бухте Буюкдере, поблизости от летней резиденции российского посланника. 10 июня Алексей Александрович присутствовал в Константинопольской патриархии на молебне по случаю чудесного избавления императора Александра II от покушения на его жизнь во время официального визита во Францию в мае того же года. Утром следующего дня он был на литургии, которую служил архимандрит Леонид в посольском храме в летней резиденции посланника. 12 июня на корабле РОПиТа «Великая княгиня Ольга» в сопровождении свиты из шести человек, секретаря консульства М. А. Хитрово и о. Леонид (Кавелина) великий князь направился к берегам Афона²⁷.

Церемония встречи великого князя в Свято-Пантелеимоновом монастыре 16 июня 1867 г. сопровождалась торжественным колокольным звоном и соответствующим церемониалом приема августейшего паломника. По окончании литургии и молебна в русском Покровском храме высокий гость беседовал с игуменом обители о. Герасимом, духовниками греческой и русской братии. Позже ему были представлены игумены всех афонских обителей, члены Протата, а также прибывший для встречи солунский паша и представитель местной турецкой администрации²⁸.

По завершении официальной встречи великий князь в сопровождении архимандрита Леонид и посольского переводчика, а также под охраной отряда, состоящего из турецких офицеров, направился вглубь полуострова в ознакомительную поездку на мулах. По поручению Игнатьева, оставшегося в Буюкдере, о. Леонид в пути знакомил высокого гостя с историей афонских обителей, их храмов и святынь. По прибытии в Карею великий князь молился в главном соборе,

после чего встретился с членами афонского Протата, а затем посетил Богословское училище²⁹.

Августейшее паломничество на Афон стало большим событием и для русского Андреевского скита. Великий князь присутствовал там при закладке самого большого соборного храма на Балканах во имя святого апостола Андрея Первозванного, с приделами в честь небесных покровителей императорской четы — святого благоверного князя Александра Невского и святой и равноапостольной Марии Магдалины, «в память чудесного избавления Государя Императора от угрожавшей ему опасности» 25 мая 1867 г.³⁰

По завершении малого освящения воды и окропления места закладки собора великий князь собственноручно положил золотую монету под закладной камень, подписал план строительных работ и акт о закладке храма, подав тем самым надежду на дальнейшее покровительство обители. Знакомство с афонскими монастырями продолжилось в малороссийском Ильинском скиту и в древнейшей русской обители Ксилургу, где великий князь беседовал с ее насельниками³¹.

Второй день паломнического визита был посвящен знакомству с обителями в северной части полуострова. Высокого гостя сопровождали младший духовник русской братии о. Макарий (Сушкин) и архимандрит Леонид. По пути на север великий князь посетил старейшую греческую обитель — лавру Святого Афанасия, далее греческий Ватопед, сербско-болгарский Хиландар и болгарский Зограф, известные своими святынями и древлехранилищами³². Покидая Святую Гору, Алексей Александрович выразил пожелание иметь у себя фотографический альбом с видами афонских обителей.

По возвращении в Константинополь архимандрит Леонид в ускоренном порядке подготовил репортажный очерк, в котором прямо назвал Свято-Пантелеимонов монастырь *Царской обителью*. Так, по крайней мере, он именовался в средневековых хрисовулах сербских ктиторов монастыря. С этими древними актами ученый ознакомился в архиве обители во время своей командировки на Афон. Во избежание нареканий со стороны синодального и дипломатического руководства автор подписался псевдонимом *Русский святого-репс*. После публикации в «Херсонских епархиальных ведомостях» очерк вышел отдельным изданием³³.

Несколько экземпляров полученной из Одессы брошюры в октябре 1867 г. были отправлены на Афон. Одну из них о. Леонид

рекомендовал «хорошенько переплести и приготовить к отсылке его высочеству как приложение к альбому»³⁴. Между тем работа над альбомом с видами афонских обителей в фотографической мастерской Пантелеимонова монастыря по разным причинам затягивалась³⁵. После отъезда высокого гостя в своем письме от 28 июня 1867 г. о. Макарий (Сушкин) сообщил о. Леониду: «К общему нашему неудовольствию альбом наш к приезду Великого Князя готов быть не может, а разве только одни групповые портреты для свиты В[еликого] К[нязя] и также группы для Вас, Г[осподина] Посла Хитрово. Вензель из неувядаемых цветов (иммортели, символа Божией Матери на Афоне. — *Прим. иер. И. К.*), тоже для Его Высочества, и альбом потому не приготовили, что о[тец] Леонтий, глава фонографа, болеет, а о[тец] Николай Щепетильников взялся ехать в Оптину пустынь»³⁶.

В ожидании повторного прибытия великого князя в Константинополь осенью 1867 г. архимандрит Леонид взял на себя труд составить альбом для ускорения дела. «Виды же снятые поспешите прислать и портрет, — торопил дипломат о. Макария (Сушкина) в начале ноября 1867 г. — Не забудьте и Вашего монастыря, или, если намерены продолжать сделать целый альбом по первому предложению, то можно и отсрочить, рассчитывая со временем переслать оный прямо в Петербург»³⁷. И хотя сообщение о прибытии великого князя в Константинополь оказалось недостоверным, о. Леонид завершил работу над своим вариантом небольшого альбома.

Тем временем Игнатъев еще в конце октября 1867 г. направился в Крым для доклада императору о состоянии текущих дел в ближневосточном регионе. Вместе с иконами от святогорцев посол захватил с собой брошюру о визите великого князя на Афон. Между тем положение русской братии в Пантелеимоновом монастыре продолжало оставаться напряженным. Не теряя надежды на покровительство российского императора, архимандрит Леонид старался как мог поддерживать святогорцев. «Во всяком случае Вы теперь должны знать и твердо помнить, что пока находитесь в переходном состоянии, то есть не должны себя считать турецкими подданными, и можете не считать и русскими, — советовал дипломат о. Макарию. — Это надобно знать для того, чтобы сообразно сему и действовать к пользе св. обители. Не трогают — молчание; тронут — защищать должны»³⁸.

Определенное беспокойство вызывали у дипломата интриги греческой братии. «Вам надобно быть настороже и зорко смотреть,

чтобы греки не затеяли чего-нибудь несвоевременного, — предостерегал о. Леонид. — Если же узнаете о каком-либо приготовлении в сем роде, поспешите дать знать для обезопасения себя и св. обители»³⁹. В этот сложный для обители период архимандрит Леонид настоятельно рекомендовал соотечественникам приготовить годовой запас продовольствия.

Игнатьеву не удалось тогда решить вопрос о покровительстве. И все же визит августейшего паломника имел для Свято-Пантелеимонова монастыря определенные последствия. По представлениям Игнатьева и великого князя духовники русской братии о. Иероним (Соломенцов) и о. Макарий (Сушкин) вместе с о. Леонидом были награждены императором золотыми наперсными крестами с бриллиантами и изумрудами, а игумен обители, 93-летний старец о. Герасим, — посохом, украшенным драгоценными камнями. В письме к о. Макарию, датированном июнем 1868 г., архимандрит Леонид сообщил об этом событии с явно завышенной оценкой произошедшего: «Радуюсь не столько за вас, которым эта награда... но паче за святую обитель, за которой таким образом, после восьмивекового стояния ее, сию наградою, торжественно пред лицом Восточной Церкви признается ее древний титул “Русской царской обители”!»⁴⁰

И хотя монашеской братии не удалось заручиться официальным политическим покровительством императора, посещение Пантелеимонова монастыря представителем Российского Императорского Дома повысило его статус среди других афонских обителей.

Еще одной приоритетной для святогорцев задачей стало решение вопроса о материальной поддержке монастыря за пределами Афона. В отличие от ряда других афонских обителей, имевших в России подворья и земельные владения (метохи), Свято-Пантелеимонов монастырь такими привилегиями не обладал. Начало возрождения монастыря было связано преимущественно с благотворениями частных жертвователей. С 1840-х гг. помощь обители из России осуществлялась исключительно в виде единовременных сборов пожертвований под контролем российского правительства. В 1850 г. русские афониты обратились к великому князю Константину Николаевичу с прошением о даровании Пантелеимонову монастырю собственного подворья.

Позицию Русской Православной Церкви в вопросе о приобретении монастырем недвижимого имущества обосновал тогда в особом

мнении митрополит Московский Филарет (Дроздов). Святитель полагал, что устройство в России подворья Свято-Пантелеимонова монастыря или метоха неизбежно приведет к межнациональным распрям и русофобским настроениям внутри самой афонской обители⁴¹. Тогда прошение русских святогорцев было отклонено Святейшим Синодом.

Спустя двадцать пять лет их усилия получили неожиданную поддержку у посла Игнатьева и архимандрита Леонида. Для святогорцев от помощи из России во многом зависело поддержание в обители внутреннего общежительного порядка, на который влияли сложные церковно-политические процессы на Афоне, а также рост панэллинстических настроений среди греческого монашества.

Обсуждение этой важной для святогорцев темы началось еще в 1859 г., когда о. Леонид впервые посетил Афон как паломник. Именно тогда между старшими членами киновии и воспитанником оптинских старцев установились тесные и доверительные отношения. Хорошей рекомендацией для о. Леонида послужили книги, присланные из Оптиной пустыни незадолго до его прибытия на Афон для библиотеки Пантелеимонова монастыря. Среди них были издания святоотеческих творений, переведенных о. Леонидом под руководством старца Макария Оптинского⁴².

По возвращении о. Леонида на родину старшие члены киновии обратились к нему с просьбой разъяснить законы и порядок приобретения участка земли в России. По совпадению, в тот период свой участок в Крыму был готов пожертвовать для обители один из ее благодетелей⁴³. Обращение же старцев с этой просьбой непосредственно к о. Леониду имело под собой определенное основание: его младший брат Дмитрий Александрович Кавелин служил тогда в синодальном управлении.

Из письменных пояснений о. Леонида следовало, что по российским законам «иноческие обители не могут ни приобретать, ни принимать в дар недвижимого имущества, не испрашивая каждый раз на сие особого Высочайшего разрешения»⁴⁴. Порядок оформления документов предусматривал подачу прошения «через духовное начальство с присоединением акта (т.е. крепостного или дарственной записи) в Св. Синод, который и испрашивает разрешение принять и владеть у Государя»⁴⁵. В особом порядке рассматривались прошения от обителей, находившихся под канонической юрисдикцией

Восточных патриархатов. На начальном этапе дела о недвижимости в России о. Леонид предложил старшим членам киновии Пантелеимонова монастыря действовать через российское консульство в Константинополе.

Русские святогорцы не могли тогда рассчитывать на поддержку дипломатов: контакты с ними имели формальный характер. В поисках средств к существованию монахам приходилось довольствоваться сбором пожертвований в России и уповать на помощь благодетелей. В 1862 г. за сбором подаяния был отправлен о. Арсений (Минин), ставший впоследствии постоянным представителем Свято-Пантелеимонова монастыря в России. Вместе с рекомендательным письмом к Святейшему Синоду иеромонах взял с собой особо почитаемые святыни. Чудесные исцеления от привезенных с Афона святынь подвигли о. Арсения с большой осторожностью возобновить ходатайство об устроении часовни в Москве⁴⁶.

К вопросу о метохе Пантелеимонова монастыря архимандрит Леонид посчитал возможным вернуться летом 1866 г., сразу же после визита Игнатьева на Афон. Духовнику о. Макарию (Сушкину) было предложено приехать в декабре в Константинополь с дьяконом и певчими, «чтоб отпраздновать вместе светло день ангела его превосходительства, а затем и попросить совокупно его ходатайства о деле»⁴⁷.

В другом, ноябрьском, письме 1866 г. архимандрит Леонид информировал старцев о своей беседе с дипломатом бароном Ф. Р. Остен-Сакеном, состоявшим на службе у главнокомандующего Кавказской армией великого князя Михаила Николаевича. «Разговорившись с ним, — сообщал о. Леонид, — я забросил мысль об основании там монастырской метохи, обещая посредствовать о сем»⁴⁸.

Участие архимандрита Леонида в создании инфраструктуры Свято-Пантелеимонова монастыря в России раскрыло в нем способности толкового организатора и прозорливого дипломата. Определенный скепсис вызывали у него тщетные хлопоты о. Арсения (Минина) об открытии часовни в Москве. В качестве аргумента приводился пример безуспешных прошений монахов об открытии московского подворья Валаамской обители. Перед выбором окончательного решения старцам было предложено «строго взвесить на общем совете», что полезнее для обители: «приобрести недвижимость и потом (по всем вероятностям) уже лишиться права на периодический официальный сбор, или оставаться в настоящем положении, которое дает вам

неотъемлемое право ходатайствовать о периодическом возобновлении сборов»⁴⁹.

В случае выбора в пользу недвижимости о. Леонид настоятельно советовал «использовать доброе расположение к обители нынешнего посольства», подать через него прошение императору напрямую и «молить во имя интересов Православия, особенно опираясь на значение обители по единовременному пребыванию в ней русских и греков»⁵⁰. В своем уповании на посредничество Игнатьева архимандрит Леонид явно преувеличивал его возможности: личные инициативы посланника на благо Свято-Пантелеимонова монастыря блокировались в Азиатском департаменте МИДа.

Предложенный афонским старцам план предусматривал и ряд других дополнительных действий. Архимандрит Леонид считал необходимым отправить в Россию «особого ходока» под видом «паломника» с письмами к великому князю Константину Николаевичу и митрополиту Московскому Филарету (Дроздову). Он искренне надеялся, что «представление пользы от поддержания обители, хранящей союз с греческой Церковью, может много подействовать» на святителя⁵¹.

Однако предложенная «стратегия» едва ли могла изменить особое мнение митрополита Филарета. Стойкое предубеждение против Пантелеимонова монастыря сложилось к тому времени и в синодальном ведомстве. Существенный урон репутации обители наносили самозванные сборщики пожертвований, действовавшие на юге России «от имени игумена о. Герасима и духовника о. Иеронима (Соломенцова)». Громким общественным резонансом обернулась для святогорцев публикация в «Отечественных записках» путевого очерка крымского этнографа Е. Л. Маркова⁵². Отдельная глава в нем посвящена бытописанию некоего афонского монаха, поселившегося в заброшенном пещерном храме горы Кастель в Крыму. Самозванный Петр Афонский выдавал себя за поверенного в делах Руссика и поведал этнографу, «как много разного добра собирает игумен Пантелеимонова монастыря и как мало дает он монахам»⁵³.

В синодальном ведомстве русских святогорцев напрямую обвинили в нарушении установленного порядка по сбору пожертвований. Святейший Синод направил в Константинопольский патриархат официальное предупреждение всем афонским монастырям. По настоянию Игнатьева архимандрит Леонид уведомил об этом

пантелеимоновских старцев в своем конфиденциальном письме от 10 января 1867 г.⁵⁴

Тем временем старшие члены киновии решили сделать выбор в пользу часовни. Архимандрит Леонид не одобрил принятого решения, но все же не оставил святогорцев без поддержки. Для подачи прошения он предложил отправить в Петербург о. Макария (Сушкина) в статусе официального представителя обители. «Хлопотать отсюда — значит терять попусту время, — убеждал о. Леонид, — и льстить себя и других обманчивыми надеждами, которые, в конце концов, ожидает грустное для всех разочарование»⁵⁵.

Для составления «краткой докладной записки» на имя обер-прокурора Святейшего Синода о. Леонид предложил использовать написанный им, но еще не опубликованный исторический очерк о Свято-Пантелеимоновом монастыре⁵⁶. В тексте прошения он предлагал «особенно налегать при хлопотах на то, что тогда как греческие обители имеют в России свою недвижимую собственность, русская обитель решает важную для всей Православной Церкви задачу совместного общего жития греков с русскими на виду всего православного и враждебного православию мира, на что, дескать, и указывал... сам Вселенский Патриарх в Восточную войну»⁵⁷.

Отцу Макарию (Сушкину) архимандрит Леонид настоятельно советовал ехать через Москву, «чтоб представиться к старцу-митрополиту и, выслушав смиренно выговор, лично, яко отцу и архипастырю, объяснить положение обители, нуждающейся в ежедневной милостыне, и просить, и молить его помощи избавиться от сей горькой необходимости через его содействие»⁵⁸. Выезжать в Россию о. Леонид рекомендовал к зиме, «ибо в Петербурге все дела делаются зимой»⁵⁹.

Между тем по разным причинам о. Макарий не мог оставить обитель и уповал на посредничество Игнатьева. Для ускорения дела архимандрит Леонид вызвался устроить встречу о. Макария или о. Азари (Попцова) с посланником. «Одного же моего объяснения недостаточно, — пояснял о. Леонид, — иначе припишется это моей личной затее (тем более, что беседами я уже подготовил к сему)»⁶⁰. Уговаривая о. Макария для пользы дела отправиться в Россию, архимандрит Леонид исходил из личного опыта. «На простых же поверенных смотрят иначе, — пояснял церковный дипломат, — и они при всем усердии не могут иметь необходимого в таких хлопотах дерзновения

действовать решительно, как сие идет хозяевам»⁶¹. Вскоре из Петербурга пришло известие от о. Арсения (Минина): прошение об открытии часовни в Москве поступило в Святейший Синод от благотворителей Пантелеимонова монастыря.

Дело о даровании монастырю недвижимости в России сдвинулось с мертвой точки после визита на Афон великого князя Алексея Александровича. В августе 1867 г. посол Игнатъев отбыл в Крым для доклада императору. Незадолго до его отъезда в Константинополь были доставлены иконы для императорской четы и прошение святогорцев о даровании часовни.

О содержании беседы Игнатъева с императором о. Леонид сообщил святогорцам в пересказе самого посла. По утверждению Игнатъева, преподнесенные иконы пришлись тогда очень кстати: «...императрица взялась за дело с искренним участием»⁶². Между тем, по словам Игнатъева, в разговоре о часовне «явилось было на первом шагу препятствие»: при назначении обер-прокурором Синода графа Д. А. Толстого император дал ему обещание, что «более часовен строить ни своим, ни заграничным монастырям разрешать не будет»⁶³. Посол изложил свои доводы и передал просьбу святогорцев, «которая и была принята милостиво»⁶⁴.

В том же письме архимандрит Леонид проинформировал старцев, что к делу о даровании часовни подключились и другие лица: во главе с «матушкой-царицей» «обер-прокурора атакуют барыни»⁶⁵. Их активной сподвижницей в Константинополе стала теща Игнатъева — княгиня Анна Матвеевна Голицына (урожденная графиня Толстая). Она лично ходатайствовала об устройении часовни перед обер-прокурором Синода.

В конце лета 1867 г. Игнатъев направился в Крым для встречи с графом Д. А. Толстым. Сомнения архимандрита Леонида в успехе затеянного оказались не случайными: Толстой категорически отказался обсуждать этот вопрос, ссылаясь на предварительный разговор с первенствующим членом Святейшего Синода митрополитом Новгородским и Петербургским Исидором (Никольским). Вместе с тем поездка Игнатъева в Крым, где находилась семья императора, принесла и определенные надежды, поскольку за Свято-Пантелеимонов монастырь заступилась сама императрица Мария Александровна.

В письме от 7 сентября 1867 г. архимандрит Леонид проинформировал афонских старцев о согласии обер-прокурора Синода

рассмотреть еще одно прошение Игнатьева — о даровании Пантелеимонову монастырю метоха. Со слов посла, «государыня императрица, в присутствии коей велся весь этот разговор, благоволила заметить, что она желает, дабы по назначению земли она была осмотрена поверенным от монастыря, и не прежде укреплена за оным, как по удостоверению в ее годности»⁶⁶.

В отличие от Игнатьева, полагавшего, что «дело сделано», архимандрит Леонид настоятельно рекомендовал старшим членам кинувии решить на общем совете вопрос о месте для отведения земли. В качестве вариантов предлагались Крым, Бессарабия, Новороссия, Кавказ и даже Самарская губерния. После окончательного выбора региона о. Леонид советовал поверенному монастыря получить справку в Палате государственных имуществ с характеристикой участка отводимой земли и передать ее Игнатьеву для дальнейшего хода дела⁶⁷.

Важным звеном в этом деле о. Леонид считал организацию «общественного контроля» над порядком оформления документов в министерстве государственных имуществ. К осуществлению этой задачи он надеялся привлечь благодетелей. Важно было проследить, чтобы глава министерства А. А. Зеленой «принимал во внимание и волю императрицы, и положение монастыря, и соразмерность поземельных доходов монастырей греческих или, по крайней мере, Зографа, и не вздумал наделить вас в количестве малом (сравнительно с русскими монастырями) и статьями доходными, а прямо назначил бы к отводу приличное место и по количеству, и по качеству»⁶⁸. Со своей стороны, архимандрит Леонид обещал обратиться с такой же просьбой к двоюродному брату министра Зеленого, женатому на его дальней родственнице.

Следить по возможности за ходом этого дела о. Леонид призывал и представителя Пантелеимонова монастыря о. Арсения (Минина), находившегося в то время в Петербурге. Хорошо разбираясь в реалиях бюрократической системы России, он советовал ему «и в течение дела, и особенно на месте, при отводе земли... подарить кого следует, без чего же дела не делаются, и не скупиться, ибо дело идет о вековом имуществе и упрочении обители»⁶⁹.

Принимая деятельное участие в оказании помощи обители, церковный дипломат не скрывал от святогорцев своих духовных чаяний. «Могу лишь сказать по совести одно, — признавался о. Леонид духовнику о. Макарию, — что делал и делаю все, что могу и нахожу

полезным для приведения дела к желаемому концу, не яко постороннее лицо, но яко сын обители Вашей — желаю и выну быть таковым»⁷⁰. О намерениях удалиться на Афон архимандрит Леонид сообщил своему покровителю митрополиту Филарету (Дроздову) еще летом 1867 г., а через год написал прошение в Святейший Синод. Однако его просьба осталась без ответа.

Тем временем по совету о. Леонида старшие члены киновии обсудили вопрос о месте для отвода земли и сделали выбор в пользу Бессарабии. «В Крыму земля безводная и безлюдная, — пояснял в письме о. Макарий, — и платеж в рабочую пору дорогой за работу; а на Кавказе свирепствуют тяжелые лихорадки»⁷¹.

Выбор святогорцев сразу был одобрен Игнатьевым. В качестве варианта посол предложил осмотреть в Бессарабии Свято-Вознесенский Ново-Нямыцкий монастырь, ставший преемником традиций древней Нямыцкой лавры и ее пастыря, преподобного Паисия (Величковского). Для ускорения дела о. Леонид составил текст прошения. В документе от имени святогорцев архимандрит просил Игнатьева «продлить свое покровительство до конца в деле, с которым тесно связано или процветание, или упадок многими трудами и потом созданного русскими влияния на Афоне, откуда оно при благоприятных обстоятельствах может распространиться и далее — если оно будет поддержано»⁷².

Между тем многострадальное дело обители о наделении ее метохом развивалось, как точно подметил о. Леонид, согласно русской поговорке «Жалует царь, да не жалует псарь». В письме от 28 ноября 1868 г. он сообщил святогорцам об отказе удовлетворить прошение Игнатьева. «Николай Павлович мне ничего о неудаче сей не говорит, по понятной причине (совестно обнаруживать неуспех своего усердного ходатайства)»⁷³, — пояснял о. Леонид причину молчания Игнатьева. За отказом он усматривал интригу, затеянную против Игнатьева канцлером А. М. Горчаковым в отместку за участие посла в решении болгарского вопроса.

Вместе с тем о. Леонид не считал дело об устройении метоха безнадежным. В письме к святогорцам от 9 января 1869 г. он сообщал, что «его превосходительство был очень оскорблен отказом, и можно надеяться, что обещание возобновить ходатайство при первом удобном случае... будет исполнено»⁷⁴. Как показали дальнейшие события, Игнатьев не отказался от своих намерений.

Не оставлял усилий и о. Арсений (Минин). Зимой 1869 г. поверенный обители был принят великим князем Алексеем Александровичем, которому он преподнес икону и альбом с видами афонских обителей⁷⁵. Вскоре возобновилось дело об устройении часовни в Москве. Для поддержки о. Арсения в его ходатайстве Игнатьев обратился к митрополиту Московскому Иннокентию (Попову-Вениаминову), преемнику святителя Филарета, с просьбой выделить Пантелеимонову монастырю «одну из заштатных церквей».

Однако в своем последнем письме от 2 июля 1869 г., написанном перед отъездом в Россию, архимандрит Леонид вынужден был сообщить святогорцам неутешительное известие. Игнатьев в очередной раз хлопотал в Петербурге о выделении земельного участка под метох, «но в министерстве иностранных дел встретил, равно как и в синодальном управлении, непреодолимое отвращение к “умножению” монастырских имений, несмотря на исключительные обстоятельства, требующие нашего участия в нуждах афонской обители Св. Пантелеимона»⁷⁶. Создать инфраструктуру в России монастырю удалось только в середине следующего десятилетия. В 1873 г. в Москве открылось подворье Пантелеимоновой обители при Богоявленском монастыре на Никольской улице. В 1876 г. в Сухумской епархии была основана Ново-Афонская Симоно-Кананитская мужская обитель. Так завершилось многострадальное дело Русского Свято-Пантелеимонова монастыря, в котором о. Леонид принимал участие — и как церковный дипломат, и как «верный сын обители».

Тесное и конструктивное взаимодействие архимандрита Леонида (Кавелина) с послом Н. П. Игнатьевым в защите интересов русских святогорцев не достигло тогда своей главной цели — получения официального покровительства России. Однако настойчивость и последовательность их усилий в значительной мере изменили статус Русского Свято-Пантелеимонова монастыря. Во второй половине XIX в. русское монашество на Афоне становится заметным фактором российского влияния на Православном Востоке.

Примечания

¹ О Русском Свято-Пантелеимоновом монастыре см.: История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 г. Св. Гора Афон, 2015. (Серия «Русский Афон XIX–XX вв.». Т. 5).

- ² Об Андреевском и Ильинском скитах и кельях см.: Там же. С. 669–676.
- ³ Отношения русских святогорцев с отечеством регламентировались противоречивыми нормативными актами. Согласно указу Св. Синода (1816), монашеский статус святогорцев не признавался в России. С другой стороны, указом Александра I (1816) русским богомольцам разрешалось принимать на Афоне монашество при условии, что они навсегда останутся там. О правовом статусе русских святогорцев в XIX в. см.: Там же. С. 433–436.
- ⁴ *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое обозрение Афонских славянских обителей Зографа, Руссика и Хилендара // Херсонские епархиальные ведомости. 1866. № 21, 22, 24; 1867. № 1, 2; Отд. изд.: Одесса, 1867.
- ⁵ Письмо о. Иеронима (Соломенцова) к архим. Леониду (Кавелину) от 19 авг. 1866 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 148. К. 6. Ед. хр. 46. Л. 4–6.
- ⁶ Письмо о. Макария (Сушкина) к архим. Леониду (Кавелину). [Июль] 1869 г. // Там же. К. 7. Ед. хр. 9. Л. 67.
- ⁷ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам от 31 авг. 1866 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей России старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Св. Гора Афон, 2015. (Серия «Русский Афон XIX–XX вв.», Т. 10). С. 54.
- ⁸ Три дня в Русской Афонской обители св. Пантелеимона, 27, 28 и 29 июня 1866 года. (Из записной книжки Русского святогорца) // Херсонские епархиальные ведомости. 1866. № 19. С. 149–152. См. также: История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 г. С. 323.
- ⁹ Три дня в Русской Афонской обители... С. 153.
- ¹⁰ Там же. С. 154–155. См. также: *Леонид (Кавелин), архим.* Обращение Сербской Хиландарской Лавры в обшежитие (киновию) // Херсонские епархиальные ведомости. 1866. № 17. С. 18–25.
- ¹¹ Письмо о. Иеронима (Соломенцова) к архим. Леониду (Кавелину) от 19 авг. 1866 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 148. К. 6. Ед. хр. 46. Л. 6.
- ¹² Там же. Л. 5.
- ¹³ [*Леонид Кавелин, архим.*]. Три дня в Русской Афонской обители св. Пантелеимона, 27, 28 и 29 июня 1866 года. (Из записной книжки Русского святогорца) // Херсонские епархиальные ведомости. 1866. № 19. С. 148–157; Отд. изд.: СПб., 1867.
- ¹⁴ Об установлении авторства архим. Леонида (Кавелина) подробнее см.: *Иоани (Кудласевич), свяц.* Архимандрит Леонид (Кавелин): к вопросу об атрибуции двух публикаций // Христианские чтения. 2020. № 3. С. 148–158.
- ¹⁵ Письмо о. Макария (Сушкина) к архим. Леониду (Кавелину) от 28 июня 1867 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 148. К. 7. Ед. хр. 9. Л. 2.
- ¹⁶ Подробный пересказ этого донесения содержится в письме о. Леонида. См.: Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам от 31 авг. 1866 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей... С. 52–53.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Письмо старцев Пантелеимонова монастыря к Н.П. Игнатьеву от 19 авг. 1866 г. // Граф Игнатьев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. Св. Гора Афон, 2016. (Серия «Русский Афон XIX–XX вв.», Т. 12). С. 17.
- ¹⁹ Письмо старцев Пантелеимонова монастыря к [к Н.П. Игнатьеву]. [Б. д.] 1866 г. // Там же. С. 14–16.
- ²⁰ *Леонид (Кавелин), архим.* Историческое обозрение...

²¹ Письмо старцев Пантелеимонова монастыря к [к Н. П. Игнатьеву]. [Б. д.] 1866 г. // Граф Игнатьев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. С. 15.

²² Там же. С. 16.

²³ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам от 31 авг. 1866 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей... С. 53.

²⁴ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. Окт. 1866 г. // Там же. С. 56.

²⁵ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 24 янв. 1867 г. // Там же. С. 76.

²⁶ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 23 дек. 1866 г. // Там же. С. 72.

²⁷ Описание визита великого князя в Константинополь было составлено архим. Леонидом (Кавелиным) и опубликовано под псевдонимом *Русский*. Подробнее см.: *Русский*. [Заметка о прибытии в Константинополь великого князя Алексея Александровича] // Херсонские епархиальные ведомости. 1867. № 18. С. 53–54.

²⁸ Двухдневное пребывание на Св. Афонской Горе Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича // Херсонские епархиальные ведомости. 1867. № 18. С. 59–62. О визите великого князя также см.: История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 г. С. 325–332.

²⁹ Двухдневное пребывание на Св. Афонской Горе... С. 63–67.

³⁰ Там же. С. 68.

³¹ Там же. С. 67–70.

³² Там же. С. 70–75.

³³ [Леонид Кавелин, архим.] Двухдневное пребывание на Св. Афонской Горе Его Императорского Высочества Великого Князя Алексея Александровича // Херсонские епархиальные ведомости. 1867. № 18. С. 57–80; Отд. изд.: СПб., 1868.

³⁴ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 13 окт. 1867 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей... С. 91.

³⁵ О фотографической мастерской см. подробнее: История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 г. С. 537–544.

³⁶ Письмо о. Макария (Сушкина) к архим. Леониду (Кавелину) от 28 июня 1867 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 148. К. 7. Ед. хр. 9. Л. 1.

³⁷ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. Начало ноября 1867 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей... С. 95.

³⁸ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. [Ноябрь] 1866 г. // Там же. С. 60.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. Июнь 1868 г. // Там же. С. 105.

⁴¹ Об этом см. подробнее: *Смирнова И. Ю.* Святитель Филарет Московский и русско-афонские связи // Московские епархиальные ведомости. 2016. № 4. URL: <https://meta.ru/library/vedomosti/94/> (дата обращения 29.08.2020).

⁴² Реестр пожертвованных книг прилагается к письму прп. Моисея Оптинского к афонским старцам от 2 мая 1859 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей... С. 209–210.

⁴³ Письмо игумена о. Герасима к архим. Леониду (Кавелину) от 11 авг. 1859 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 148. К. 6. Ед. хр. 46. Л. 1.

⁴⁴ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 28 сент. 1859 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей... С. 46.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 г. С. 304–305.

⁴⁷ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 24 окт. 1866 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей... С. 58–59.

⁴⁸ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. [Ноябрь] 1866 г. // Там же. С. 60.

⁴⁹ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 23 дек. 1866 г. // Там же. С. 67.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² *Марков Е. Л.* Крымские впечатления: страницы из путевого дневника // Отечественные записки. 1867. Т. 171; Т. 175. № 12, 15, 16, 22, 23, 24.

⁵³ Цит. по: *Марков Е. Л.* Очерки Крыма: картины крымской жизни, истории и природы. Симферополь: Таврия, 1995. С. 91.

⁵⁴ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 10 янв. 1867 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей... С. 69–71.

⁵⁵ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 24 янв. 1867 г. // Там же. С. 73.

⁵⁶ *Леонид (Кавелин), архим.* Русский монастырь святого Пантелеимона — Рус-сик // Херсонские епархиальные ведомости. 1867. № 1, 2; Отд. изд.: Одесса, 1867.

⁵⁷ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 24 янв. 1867 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей... С. 73.

⁵⁸ Там же. С. 74.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 7 марта 1867 г. // Там же. С. 78.

⁶¹ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 30 марта 1867 г. // Там же. С. 80.

⁶² Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 18 авг. 1867 г. // Там же. С. 85.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Текст прошения опубликован в изд.: Граф Игнатъев и Русский Свято-Пантелеимонов монастырь на Афоне. С. 18–20.

⁶⁵ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 18 авг. 1867 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей... С. 85.

⁶⁶ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам от 7 сент. 1867 г. // Там же. С. 87.

⁶⁷ Там же. С. 88.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 21 сент. 1867 г. // Там же. С. 89.

⁷¹ Письмо о. Макария (Сушкина) к архим. Леониду (Кавелину) от 6 окт. 1867 г. // Отдел рукописей РГБ. Ф. 148. К. 7. Ед. хр. 9. Л. 11.

⁷² Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 14 окт. 1867 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей... С. 93.

⁷³ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам. 28 нояб. 1868 г. // Там же. С. 89.

⁷⁴ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам от 9 янв. 1869 г. // Там же. С. 115.

⁷⁵ Скорее всего, великому князю был преподнесен вариант альбома, составленного архимандритом Леонидом (Кавелиным). В полной версии альбом был издан в конце 1869 г. на средства, пожертвованные братом о. Макария — И. И. Сушкиным.

⁷⁶ Письмо архим. Леонида (Кавелина) к афонским старцам от 2 июля 1869 г. // Письма выдающихся церковных и светских деятелей... С. 123.

Глава 6

Политические отношения СССР, Греции и Турции по кипрскому вопросу в 1950–1970-е гг.

Одним из сложных международных вопросов современности является проблема Кипра, которая в 1950–1970-е гг. переросла в острый силовой конфликт, не разрешенный и в настоящее время. Занимающий важное стратегическое положение в Восточном Средиземноморье и разделенный на межэтнической основе между греческими и турецкими киприотами, Кипр оказался в сфере интересов других государств — Греции, Турции, Великобритании, США. В урегулировании конфликта на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН участвовал СССР.

Теме Кипра посвящено много работ в зарубежной историографии, часть которых чрезвычайно политизирована. В частности, некоторые авторы негативно оценивают позицию СССР / России по Кипру¹. Однако в этих работах не изучены дипломатические документы Архива внешней политики РФ. В отечественной историографии эти архивные материалы исследованы недостаточно².

В данной главе предпринята попытка на основе дипломатических документов Архива внешней политики РФ показать динамику развития политических отношений СССР, Греции и Турции в 1950–1970-е гг. по кипрской проблеме.

Как известно, Кипр до 1878 г. принадлежал Османской империи, затем он перешел к Великобритании, фактически превратившись в английскую колонию. В 1950-е гг. Кипр был важным опорным пунктом и военной базой Великобритании в Восточном Средиземноморье. Население Кипра, в то время 420 тыс. греков и 80 тыс. турок, боролось против колониального режима. Во время плебисцита,

проведенного на острове 15 января 1950 г., 96% участвовавших в нем греков высказались за союз Кипра с Грецией. В Греции развернулось широкое движение за воссоединение с Кипром, который в этой стране всегда считали исконно греческой территорией. Советские дипломаты отмечали, что кипрский вопрос превратился в национальную греческую проблему. Английское правительство, заинтересованное в сохранении Кипра как своей важнейшей базы в Средиземном море, рассматривало кипрский вопрос исключительно как внутреннее дело Великобритании³. Всякое выступление против английских властей каралось наказанием. В ноябре 1955 г. в кипрской газете было опубликовано распоряжение английского губернатора острова Гардинга о том, что любой молодой киприот младше 18 лет может быть в наказание за свою патриотическую деятельность выпорот. Созданный в Афинах «Национальный Комитет за объединение с Кипром» в письме в советское посольство выразил протест против этого распоряжения Гардинга, сопроводив его изданными в Греции цветными открытками, осуждающими английскую политику в отношении Кипра⁴.

На открытках представлены карикатуры греческого художника Фокиона Димитриадиса, которые отражают острые проблемы Кипра в представлении Греции. На первой открытке изображен Кипр в виде девушки, прикованной цепями к кресту. Внизу размещена надпись на нескольких европейских и турецком языках: «Свободные люди! Помогите мне обрести свободу!» Крест указывает на единоверных греков-киприотов, само же обращение адресовано мировому сообществу (рис. 6.1).

На второй открытке изображен Кипр в виде уставшей женщины, которая бредет в темноте с включенным фонарем на фоне американских небоскребов и статуи Свободы. Она обращается к Даллесу с вопросом: «Может быть, знаете, господин, где находится свобода?» Поза Даллеса, стоящего спиной к статуе Свободы и отвернувшегося от женщины с недовольным видом, указывает на равнодушие и тщетность усилий США, которые помогли у Великобритании предоставления им военных баз на острове (рис. 6.2).

На следующей открытке изображен грек Андроклис, который вытаскивает занозу с фашистским крестом из лапы плачущего британского льва в 1940 г. Однако в 1956 г. вместо благодарности лев рычит на Андроклиса. Внизу надпись: «В 1940 году Греция помогла Великобритании, но сейчас...» (рис. 6.3).

Рис. 6.1. Надпись на открытке:
 «Свободные люди! Помогите мне
 обрести свободу!»

Рис. 6.2. Надпись на открытке:
 «Может быть, знаете, господин, где находится свобода?»

Рис. 6.3. Надпись на открытке:
 «В 1940 году Греция помогла Великобритании, но сейчас...»

На четвертой открытке изображен дирижер так называемого «турецкого оркестра» — английский премьер-министр А. Иден, перед ним ноты, на которых написано: «Ближний восток. Нефтяная симфония». Надпись на открытке: «Под управлением композитора, турецкие жестокости против греков в Стамбуле, Измире и на Кипре» (рис. 6.4).

Таким образом, эти карикатуры изображают видение кипрской проблемы именно Грецией, которая, защищая греков-киприотов, обвиняет во всем Турцию и Великобританию. Открытки предназначались для распространения в других странах; об этом говорят надписи, сделанные на разных языках.

В 1950-е гг. борьбу киприотов против британского колониального режима возглавлял глава Православной Церкви Кипра архиепископ Макариос, который выступал за присоединение (энозис) Кипра к Греции. Турецкое население острова было против объединения Кипра с Грецией, добиваясь разделения (таксима) острова на две этнические части. С 4 октября 1955 по 5 марта 1956 г. архиепископ Макариос вел переговоры с фельдмаршалом Хардингом, но переговоры оказались прерваны, а Макариос и его три сотрудника сосланы на Сейшельские острова по обвинению в связях с Национальной организацией освобождения Кипра против британского колониального

Рис. 6.4. Надпись на открытке: «Под управлением композитора, турецкие жестокости против греков в Стамбуле, Измире и на Кипре»

режима (ЭОКА) и поддержке ее террористической (как называли англичане) деятельности. ЭОКА выступала за присоединение острова к Греции⁵.

В это время Советский Союз воздержался от поддержки Макариоса. А вот Прогрессивная партия трудящихся Кипра (АКЕЛ), запрещенная в 1950-е гг., пользовалась симпатией СССР, так как связывала национальную борьбу киприотов с борьбой за мир, против превращения Кипра в военную базу⁶. Как свидетельствуют дипломатические документы, между правительством СССР и правительством Греции не существовало совпадения во взглядах по кипрскому вопросу, так как греческое правительство К. Караманлиса выражало свою готовность предоставить Великобритании военные базы как на Кипре, так и в Греции⁷.

При обсуждении на IX (1954 г.) и X (1955 г.) сессиях Генеральной Ассамблеи ООН кипрского вопроса, внесенного в повестку дня по предложению греческого правительства, советская делегация выступала в поддержку права населения Кипра на самоопределение. Однако вследствие колеблющейся позиции греческого правительства и англо-американского нажима эти сессии Ассамблеи никакого

решения по кипрскому вопросу не приняли. В предварительную повестку дня XI (1957 г.) сессии Генеральной Ассамблеи ООН греческое правительство внесло вопрос «Применение к населению Кипра, под общим руководством ООН, принципа равноправия народов и их права на самоопределение»⁸. К тому же греческое правительство считало, что должны возобновиться переговоры между Макариосом и англичанами и их следует вести до тех пор, пока окончательно не будет найдено демократическое, справедливое решение в соответствии с принципами Устава ООН. Советское правительство рекомендовало своей делегации, как на IX и X сессиях Генеральной Ассамблеи ООН, придерживаться позиции, что нужно предоставить населению Кипра право на самоопределение. При этом оно оговорило, что возможные попытки урегулировать кипрский вопрос путем предоставления территории Кипра для создания военных баз, или путем передачи прав использования существующих баз, или строительства новых любым иностранным государством не встретят поддержки со стороны Советского Союза⁹.

Что же касается позиции Турции в кипрском вопросе в это время, то ее высказал турецкий посол в Афинах Иксель в беседе с советским послом в Греции М. Г. Сергеевым 18 апреля 1957 г. Турецкое правительство, сказал Иксель, никогда не согласится на присоединение Кипра к Греции. В крайнем случае оно согласится на раздел Кипра между Турцией и Грецией с предоставлением населению острова права проживать в той части острова, в которой они пожелают¹⁰. В турецких газетах был напечатан лозунг: «Раздел или смерть». Как пояснил посол Турции в Афинах, он означал, что если раздел не будет осуществлен, то впоследствии это приведет к вымиранию турецкого меньшинства на Кипре. Однако этот лозунг ни в коем случае не утверждал, что Турция будет бороться насмерть за осуществление раздела острова¹¹. Подобная позиция Турции только обостряла ее отношения с Грецией.

В октябре 1958 г. архиепископ Макариос, действуя от имени народа, официально предложил британскому правительству предоставить острову Кипр независимость под гарантией ООН. Этот режим не мог бы быть изменен без согласия ООН. Греческое правительство решило принять это предложение Макариоса и поддержать его во время будущей XIII (1959 г.) сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Об этом оно информировало советское посольство.

Там считали, что эта уступка являлась последней надеждой на умиротворение острова¹².

Реакция Советского Союза на это предложение Макариоса была следующей. Принимая во внимание соответствующие предложения посольства СССР в Афинах, отдел печати и V Европейский отдел МИД СССР полагали целесообразным рекомендовать органам советской печати и радиовещания усилить освещение положения на Кипре и в Греции в целом, разоблачать колонизаторскую политику Великобритании на Кипре, ее стремление использовать остров в качестве военного плацдарма против народов арабского Востока и других свободлюбивых народов, подвергнуть критике так называемый план Макмиллана, предусматривающий сохранение колониального режима на Кипре, и осудить репрессии против населения Кипра¹³. Что же касалось предложений архиепископа Макариоса относительно «независимости Кипра», поддержанных правительством Греции, то считали целесообразным не высказывать прямого отношения к этим проектам. Рекомендовалось ограничиться публикацией критических откликов общественности и печати Греции на эти предложения, которые расценивались как отход от принципов самоопределения Кипра под нажимом со стороны стран — участников НАТО. Советский Союз считал, что кипрскую проблему нельзя решать без участия самих киприотов; его принципиальной позицией было признание за кипрским населением права на самоопределение¹⁴.

Все эти рекомендации органам советской печати и радиовещания предписывались в связи с обострением вопроса о Кипре, вызвавшим усиление противоречий между Грецией и другими странами НАТО. Имелась в виду, конечно же, Турция. СССР выступал только за справедливое и демократическое решение кипрской проблемы.

В январе 1959 г. в документах МИД СССР сообщалось о «делке» правительств Греции, Турции и Великобритании по разрешению кипрского вопроса. Первым практическим шагом к заключению «делки» явился фактический отказ греческого правительства и архиепископа Макариоса от их прежнего требования о предоставлении народу Кипра права на самоопределение. Теперь ими выдвигался план получения Кипром независимости в рамках Британского Содружества Наций с возможным участием «независимого» Кипра в НАТО и обязательным сохранением на острове английских военных баз¹⁵. В это же время в иностранной печати появились сообщения

о том, что правительство Турции, со своей стороны, готово отказаться от требования о разделе Кипра, на чем оно до этого упорно настаивало. Поэтому перспектива «урегулирования» кипрского вопроса, считали в советском МИД, становилась еще более реальной.

Начавшиеся англо-греко-турецкие переговоры по дипломатическим каналам означали, что греческое правительство готово пойти в кипрском вопросе на дальнейшие уступки своим союзникам по НАТО. Это привело бы к тому, как считали в советском руководстве, что Великобритания и НАТО в целом смогут использовать Кипр в качестве важного военного плацдарма, расположенного относительно близко от границ Советского Союза и непосредственно по соседству с арабскими государствами¹⁶.

В этих условиях Советский Союз не имел оснований для прямых демаршей перед правительством Греции, так как пока еще не появились официальные заявления правительств о соглашении по кипрскому вопросу. На данной стадии было решено ограничиться сообщением ТАСС, в котором бы указывалось, что СССР выступает в поддержку справедливых требований киприотов. Предполагалось также формально объявить Кипр «независимым государством», но при этом подчеркивалось, что неправомерно навязывать независимому государству предоставление своей территории для иностранных военных баз¹⁷. В феврале 1959 г. были подписаны известные Цюрихско-Лондонские соглашения, которые предусматривали разработку конституции острова и провозглашение Республики Кипр в феврале 1960 г. Гарантами этого выступили три государства — Греция, Великобритания, Турция.

Советский Союз продолжал отстаивать право киприотов на самоопределение не только на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН. Он поддерживал хорошие отношения с киприотами, доказательством чего являлось пребывание в СССР делегации деятелей Кипра во главе с мэром Никосии Ф. Дервисом 24 июля 1959 г.¹⁸ Советские дипломаты живо интересовались ситуацией на Кипре. О своей поездке на Кипр и о положении на острове рассказал в своей беседе с советским послом М. Г. Сергеевым руководитель греческой партии «Демократический союз» Циримокос. Он отметил большой авторитет Макариоса среди греков-киприотов. Циримокос также констатировал, что уровень жизни населения на Кипре выше, чем в Греции¹⁹. Позже М. Г. Сергеев также посетил Кипр.

В августе 1959 г. лондонский корреспондент газеты «Кипрос» Петер Земенидес прислал письмо и вопросник Н. С. Хрущеву по поводу событий, связанных с Цюрихско-Лондонскими соглашениями. В советском МИД посчитали, что пока преждевременно отвечать на поставленные вопросы, так как греко-турецкие разногласия, возникшие при выработке конституции, делают проблематичным провозглашение Республики Кипр в сроки, предусмотренные Цюрихско-Лондонскими соглашениями. При этом было отмечено, что «в настоящее время... не выгодно высказывать позицию Советского Союза в отношении создания Республики Кипр и ее признания»²⁰. Позиция Советского Союза была осторожной, так как подписание Цюрихско-Лондонских соглашений означало отказ Макариоса от принципа самоопределения Кипра. В Москве ожидали и результатов парламентских выборов на Кипре, которые должны были состояться в 1959 г. В связи с этими выборами торговый агент на Кипре П. Антониадес обратился от имени патриотических сил острова к советскому послу в Греции М. Г. Сергееву с просьбой о предоставлении Советским Союзом займа в размере 50 тыс. англофунтов на проведение предвыборной кампании с условием его погашения в течение 10 лет. Однако М. Г. Сергеев ответил, что Советский Союз никогда не вмешивается во внутренние дела других стран²¹.

С весны 1960 г. на Кипре шел торг между главами греческой и турецкой общин и английским представителем по делам колоний Эмери относительно оставшихся нерешенных вопросов: о размерах английских военных баз и дополнительных правах для англичан. Великобритания отстаивала зону в 120 кв. миль, турки предлагали компромиссное решение — 80 кв. миль, греческая сторона — 46 кв. миль. Бывший депутат парламента на Кипре С. Луизидис, как хороший знаток Кипра, в беседе с М. Г. Сергеевым заявил, что Макариосу надо было все это обговорить при подписании Цюрихско-Лондонских соглашений. Тогда он мог добиться хороших результатов в переговорах с великими державами. По просьбе Макариоса Лондон предоставил Кипру большой займ для развития экономики острова. А это значит, что Кипрская Республика будет и экономически, и, соответственно, политически находиться под влиянием Великобритании. Под давлением богатых торговцев и промышленников Макариос согласился на сохранение Кипра в стерлинговой зоне и выступал за включение его в Британское Содружество Наций²².

Греко-турецкие противоречия на острове сохранялись, так как были еще проблемы, которые ждали своего разрешения, — вопросы национальных парламентов, вопрос о налогах, разделении муниципалитетов и т. д. Все это не позволяло завершить работу над конституцией Кипрского государства. В то же время Греция и Турция, отметил С. Луизидис, проявляли как бы нейтралитет и беспристрастность к кипрскому вопросу, что на деле было не так. Вице-президент Кипрской Республики и лидер турецкой общины Кучук не делали ни одного шага без указания Анкары, линия которой тогда сводилась к поддержке Макариоса по двум причинам. Первая заключалась в том, что отказ Макариоса от требования права на самоопределение для кипрского народа и подписание им Цюрихско-Лондонских соглашений вызвали недовольство греческого народа и греков-киприотов. И вторая причина: по Цюрихско-Лондонским соглашениям турки получили столь большие права на Кипре, что они оказались непосредственно заинтересованы в проведении в жизнь этих соглашений. Другое видное лицо в турецкой общине Кипра — Декташ — придерживался более непримиримых позиций в отношении греков-киприотов, поэтому турецкое правительство тогда его не поддерживало. (Декташ получил образование в Великобритании и долго работал прокурором в английском суде.) Макариос же, по мнению С. Луизидиса, действовал независимо от указаний Афин и не придерживался определенной ориентации ни на Великобританию, ни на США. Его лозунг был — «равное отношение ко всем странам», и этим он старался добиться максимальной независимости для Кипрской Республики. На что советский посол возразил, что Макариос объявил об открытии дипломатических представительств только в Афинах, Лондоне, Анкаре и Вашингтоне, возможно, в Каире и не упомянул Москвы, хотя Советский Союз активно поддерживал кипрский народ в его борьбе за независимость²³.

Киприот С. Луизидис считал, что Макариос сделал две серьезные ошибки, приносящие вред кипрскому народу: отказался от принципа самоопределения Кипра и от установления тесных связей с социалистическими странами во главе с Советским Союзом. Против этих контактов выступали турки. Они первые высказались против предоставления Москвой экономической помощи Кипру. Большую экономическую активность на Кипре развил Израиль, и в целом экономическая жизнь на острове, считал С. Луизидис, вполне

удовлетворительная, лучше, чем в Греции, а примерно 10% населения все еще отстаивают идею «энозиса». Любопытно, что, говоря о себе, Луизидис заявил, что он всегда оставался греком, для которого воссоединение Кипра с Грецией было дороже свободы и независимости острова. Он мог бы остаться на Кипре и стать министром в правительстве Макариоса, с которым сотрудничал более 10 лет и остался дружен. На вопрос Сергеева, когда можно ожидать провозглашения Кипрской Республики, Луизидис сказал, что этому должно предшествовать решение английской палаты общин²⁴.

16 августа 1960 г. была провозглашена Республика Кипр. Макариос получил телеграмму от имени Председателя Верховного Совета СССР К. Ворошилова с поздравлениями по случаю избрания на пост Президента Республики Кипр. 17 августа 1960 г. СССР признал Республику Кипр²⁵.

Советский посол в Афинах М. Г. Сергеев неоднократно заявлял, что с Кипрской Республикой СССР строит взаимоотношения на принципах взаимоуважения, равенства и невмешательства во внутренние дела, в то время как другие страны стремятся установить там свое влияние, насаждая военные базы. СССР, указывал М. Г. Сергеев, готов оказать экономическую помощь, если его попросят об этом. Однако такой инициативы и просьбы со стороны правительства Кипра пока не поступало²⁶.

Осенью 1960 г. Макариос дал согласие на назначение послом Советского Союза в Кипрской Республике П. К. Ермошина²⁷. В связи с падением спроса за рубежом на главный продукт сельского хозяйства Кипра — виноград — кипрское правительство обратилось за помощью к СССР. Москва приобрела весь урожай изюма 1960 г. — это 8–10 тыс. тонн — в обмен на закупку советских товаров, в частности сахара, леса, цемента²⁸. С осени 1960 г. на учебу в Советский Союз стали приезжать молодые киприоты²⁹. Так налаживались дипломатические, торговые и культурные связи СССР и Республики Кипр.

В 1960-е гг. самым острым вопросом внутренней жизни Кипра оставались взаимоотношения между турецкой и греческой общинами. В феврале 1964 г. произошли вооруженные столкновения общин на Кипре. Великобритания предложила отправить на остров войска НАТО, что вызвало согласие греческого правительства и негативное отношение СССР. В своем письме от 11 февраля 1964 г. Н. С. Хрущеву премьер-министр Греции И. Параскевопулос заявил, что греческое

государство выступает за восстановление порядка на острове не с помощью интервенции, а через предоставление международной помощи и поддержки кипрскому правительству³⁰. В ответном письме Н. С. Хрущев указал, что некоторые державы стремятся решить кризис на Кипре силовым путем, а именно посылкой на Кипр войск НАТО, что фактически означает оккупацию Кипра. А это не что иное, как нарушение суверенитета и национальной независимости Республики. Н. С. Хрущев писал, что киприоты сами в состоянии решить свои проблемы. На правительство Кипра оказывают давление, размахивают флагом морской блокады, чтобы не допустить его обращения в Совет Безопасности ООН. Далее Н. С. Хрущев подчеркнул: «Учитывая все обстоятельства, складывающиеся в связи с планами организации военной интервенции против Республики Кипр, я хотел бы заявить, что советское правительство осуждает подобные планы, как и вообще применение методов такого рода в практике международных отношений»³¹. Советский Союз призывал все заинтересованные государства и прежде всего постоянных членов Совета Безопасности, несущих основную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, в том числе США и Великобританию, к сдержанности, к реалистическому, всестороннему учету всех последствий, которые может повлечь за собой военное вторжение на Кипр. «Воздержание от всяких планов, которые могли бы обострить обстановку в р-не Восточного Средиземноморья, отвечает нашим общим интересам», — писал Н. С. Хрущев³². В соответствии с резолюцией Совета Безопасности ООН № 186 от 4 марта 1964 г., которая была принята благодаря совместным усилиям Советского Союза и Кипра, на остров прибыли миротворческие силы ООН. Несмотря на это, постоянный представитель Греции в ООН Димитри С. Бициос в своем письме от 14 декабря 1964 г. на имя Генерального секретаря ООН заявил, что Турция с декабря 1963 г. не перестает угрожать Республике Кипр военным вторжением, а в августе 1964 г. ее авиация подвергла остров жесткой бомбардировке. Теперь она обвиняет Грецию в «нарушении независимости и территориальной целостности Республики Кипр»³³. Взаимоотношения Греции и Турции оставались чрезвычайно напряженными.

Не очень прочные греко-советские отношения также осложнялись кипрской проблемой. В июле 1965 г. греческий посол в СССР Г. Д. Варсами во время приема у А. И. Микояна отметил, что

на греко-советские отношения оказывает влияние позиция советского правительства по кипрскому вопросу, в частности его предложение о федерации на Кипре. Такое предложение, заявил Г. Д. Варсами, даже в левых кругах общественности вызывает недоумение, поскольку оно скорее отражает позицию Турции и еще более усиливает права турецкого меньшинства на Кипре, которое составляет всего лишь 18% населения острова, в то время как греки-киприоты, составляющие 81% населения страны, лишены этих прав³⁴. На это А. И. Микоян ответил: «Советское правительство считает, что предложение о федерации на Кипре является одной из возможных форм урегулирования кипрской проблемы. Но в конечном счете свою судьбу будет решать кипрский народ. СССР выступает за то, чтобы обе общины на Кипре жили в дружбе и мире, против насильственного присоединения Кипрской Республики и превращения ее территории в зону военных баз НАТО»³⁵. Посол пытался убедить Микояна, что Греция не стремится присоединить силой Кипр; она якобы выступает за объединение на основе желания, выраженного большинством населения страны. Что касается военных баз, то Варсами считал, что они находятся на территориях, контролируемых Великобританией, поэтому Макариос не несет за них ответственности. Микоян же полагал, что противопоставлять Кипрскую Республику и Кипр как остров — значит открыто поддерживать Великобританию в этом вопросе. «Советский Союз, — заключил Микоян, — очень сожалеет, что греческое правительство занимает в этом вопросе такую же позицию, как и Англия»³⁶.

После организованного в июле 1974 г. греческим режимом «черных полковников» государственного переворота и свержения Макариоса началось вторжение турецких войск на Кипр. Под предлогом восстановления Конституции Республики Кипр, одним из гарантов которой она являлась, Турция начала оккупацию территории Кипра и переселение с континента на остров турок. Греки расценили это как колонизацию. Руководство турецкой общины на Кипре предприняло односторонние действия по созданию сепаратного турецкого государственного образования на оккупированной турецкими войсками части острова, что привело к прекращению переговоров между общинами и резкому обострению обстановки на Кипре. В связи с этим постоянный представитель Кипра при ООН обратился 17 февраля 1975 г. в Совет Безопасности с просьбой срочно созвать заседание по кипрскому вопросу, обвинив Турцию в нарушении резолюций

СБ ООН по Кипру³⁷. В переговорах А. А. Громыко с Г. Киссинджером было заявлено, что правительство Республики Кипр во главе с Макариосом признается единственным законным правительством. Представитель СССР при ООН Я. А. Малик выступил 20 февраля 1975 г. с заявлением, что Кипр — независимое, суверенное и территориально целостное государство³⁸. 12 марта 1975 г. Совет Безопасности ООН принял текст резолюции по Кипру (№ 367), в которой отмечалась глубокая озабоченность продолжением кризиса на Кипре, а также звучали призыв уважать суверенитет Республики Кипр и настоятельная просьба ко всем государствам воздерживаться от любых действий, которые могли бы нанести ущерб этому суверенитету, независимости, территориальной целостности и неприсоединению Республики Кипр. В резолюции высказывалось сожаление по поводу одностороннего решения от 13 февраля 1975 г., провозглашающего, что часть Республики Кипр становится «Федеративным Турецким государством». Текст резолюции Совета Безопасности ООН был вновь принят при активном участии делегации СССР, действовавшей в тесном контакте с делегацией Кипра. Постоянный представитель Кипра при ООН направил письмо постоянному представителю СССР при ООН, в котором выражалась благодарность правительства Кипра советской делегации за ценную поддержку справедливого дела Кипра в Совете Безопасности и в Организации Объединенных Наций в целом³⁹.

Греко-кипрская сторона была серьезно обеспокоена начавшимся заселением греческих районов Фамагусты турецкими киприотами и лицами, прибывавшими из Турции⁴⁰. После оккупации 40 % территории Кипра и изгнания 200 тыс. греков-киприотов из родных мест в районах, оккупированных Турцией, оставалось еще 10 тыс. греков-киприотов, в отношении которых проводилась дискриминация. Палата представителей Республики Кипр обратилась с призывом ко всем парламентам использовать свое влияние с тем, чтобы Турция прекратила свои действия, нарушавшие права человека⁴¹. Ради выхода из тупика Советский Союз предлагал созвать международную конференцию по Кипру.

Кипрский вопрос обсуждался на восьми пленарных заседаниях XXX сессии Генеральной Ассамблеи ООН, состоявшихся в период с 11 по 20 ноября 1975 г. Некоторые западные страны (США, Великобритания, ФРГ, Голландия и т. п.) выразили обеспокоенность в связи

с обсуждением кипрского вопроса на Генеральной Ассамблее ООН. Якобы очередная резолюция ООН поставит Турцию в сложное положение и не будет способствовать смягчению ее позиций в отношении Кипра. Поэтому Генеральный секретарь ООН К. Вальдхайм под давлением западных кругов выступил с инициативой активизации межобщинного диалога на Кипре. Однако это оказалось невозможным, так как для возобновления переговоров турецкая сторона прямо потребовала отказа кипрского правительства от своего обращения в ООН⁴².

В этих условиях оставалась актуальной интернационализация кипрской проблемы. Кипр являлся одним из основателей движения неприсоединения. В 1976 г. в Коломбо, государство Шри-Ланка, состоялась конференция неприсоединившихся стран, что вызвало серьезную озабоченность руководства турецкой общины. Попытки турок послать своего представителя на конференцию окончились неудачей: ему не дали визу власти Шри-Ланки. В текст заключительной декларации конференции был включен параграф, содержащийся в речи Макариоса: «Конференция требует полного осуществления положений Устава ООН относительно сохранения мира и безопасности, а также использования полномочий Совета Безопасности при должном претворении в жизнь его решений»⁴³. На конференции отмечалась большая положительная роль Советского Союза, последовательно выступавшего в поддержку движения неприсоединения. Эта конференция содействовала дальнейшей актуализации кипрского вопроса на международном уровне⁴⁴.

Подводя итог, следует отметить, что дипломатические документы Архива внешней политики РФ свидетельствуют о поэтапных тактических изменениях в политике СССР, Греции и Турции по кипрскому вопросу в 1950–1970-е гг.

Не принимая ни греческий «энозис», ни турецкий «таксим», которые неизбежно влекли за собой включение острова в сферу влияния НАТО, Советский Союз последовательно выступал за предоставление Кипру свободы и права на самоопределение. На это указывают постоянные консультации и обсуждения кипрской проблемы на дипломатическом уровне, а также на сессиях Генеральной Ассамблеи ООН.

Изменившаяся позиция Греции, связанная с ее инициативой в ООН о предоставлении свободы Кипру, была поддержана

Советским Союзам, так как совпадала с его последовательной политикой. Это в свою очередь способствовало улучшению греко-советских отношений.

Во время англо-греко-турецких переговоров 1959 г. Москва предложила формально объявить Кипр независимым государством. В связи с этим СССР считал неправомерным навязывать Кипру необходимость иметь на своей территории военные базы НАТО, так как они представляли угрозу как странам Ближнего Востока, так и Советскому Союзу.

После обретения Кипром независимости и его присоединения к Британскому Содружеству Наций разногласия между греческой и турецкой общинами в молодом государстве продолжились и привели к столкновениям вооруженных формирований, которые находились под контролем Греции и Турции. Советский Союз совместно с главой Кипрской Республики архиепископом Макариосом приложили все усилия к принятию в 1964 г. резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о вводе на Кипр миротворческих сил ООН.

Однако действия греческого правительства «черных полковников» в 1974 г., способствовавшие государственному перевороту на Кипре и свержению Макариоса, привели к вторжению на Кипр турецкой армии и разделу острова на турецкую и греческую зоны. В этих условиях Советский Союз выступал за единство Кипра.

И если Греция и Турция продолжали конфликтовать в кипрском вопросе, то СССР, отстаивая его мирное и справедливое решение, развивал дружеские отношения с Республикой Кипр. Именно в 1960–1970-е гг. установились дипломатические, торговые, культурные связи Советского Союза с Кипром, а также оказывалась поддержка движению неприсоединившихся, в числе которых был и Кипр.

Примечания

¹ *Hannay D., Hannay L.* Cyprus: The Search for a Solution. London; New York: Bloomsbury Academic, 2005.

² *Жукова Н.М.* Кипрский вопрос в глобальной системе международных отношений: дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 84. Оп. 40. П. 46. Д. 11. Л. 31.

⁴ Там же. Оп. 39. П. 44. Д. 10. Л. 23.

⁵ Там же. Оп. 45. П. 164. Д. 12. Л. 38.

- ⁶ Там же. Оп. 40. П. 46. Д. 11. Л. 31.
- ⁷ Там же. Оп. 46. П. 166. Д. 10. Л. 2.
- ⁸ Там же. Оп. 40. П. 46. Д. 11. Л. 31.
- ⁹ Там же. Л. 32.
- ¹⁰ Там же. П. 45. Д. 7. Л. 9.
- ¹¹ Там же. Оп. 41. П. 47. Д. 6. Л. 86.
- ¹² Там же. Д. 2. Л. 56.
- ¹³ Там же. Д. 10. Л. 3.
- ¹⁴ Там же. Л. 4.
- ¹⁵ Там же. Оп. 48. П. 172. Д. 11. Л. 6.
- ¹⁶ Там же. Л. 7–8.
- ¹⁷ Там же. Л. 9.
- ¹⁸ Там же. Оп. 42. П. 49. Д. 6. Л. 103.
- ¹⁹ Там же. Л. 105.
- ²⁰ Там же. П. 50. Д. 12. Л. 170.
- ²¹ Там же. П. 49. Д. 6. Л. 15.
- ²² Там же. Оп. 43. П. 52. Д. 4. Л. 34–35.
- ²³ Там же. Л. 36.
- ²⁴ Там же. Л. 37–38.
- ²⁵ Там же. Д. 9. Л. 12–13.
- ²⁶ Там же. Д. 4. Л. 164.
- ²⁷ Там же. Л. 233.
- ²⁸ Там же. Л. 269.
- ²⁹ Там же. Л. 164.
- ³⁰ Там же. Оп. 47. П. 60. Д. 8. Л. 2.
- ³¹ Там же. Л. 7.
- ³² Там же. Л. 8.
- ³³ Там же. Л. 30.
- ³⁴ Там же. Оп. 48. П. 62. Д. 8. Л. 21.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же. Л. 21–22.
- ³⁷ Там же. Ф. 47. Оп. 21. П. 186. Д. 29. Л. 6.
- ³⁸ Там же. Л. 7, 9.
- ³⁹ Там же. Оп. 22. П. 195. Д. 33. Л. 174.
- ⁴⁰ Там же. Оп. 21. П. 186. Д. 29. Л. 38.
- ⁴¹ Там же. Оп. 22. П. 195. Д. 33. Л. 186.
- ⁴² Там же. Л. 222.
- ⁴³ Там же. Л. 214.
- ⁴⁴ Там же.

РАЗДЕЛ II

**Россия, Турция, Греция
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ:
ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА
И ПАРТНЕРСТВА**

Глава 7

Сравнительный анализ политики Турции, Российской Федерации и Греции в отношении косовского вопроса (1999–2008 гг.)

Факторы, влияющие на балканскую политику Турции, России и Греции

На балканскую политику Турции, России и Греции оказывал влияние целый ряд факторов, которые следует рассматривать, держа в поле зрения общие позиции указанных стран. Так, Балканы имеют жизненно важное значение для Турции с точки зрения истории, географии, демографии, экономики, военно-стратегического положения страны. Турция как наследница Османской империи, правившей Балканами почти 500 лет, имеет соответствующее историческое наследие. В состав ее территории входит Восточная Фракия, расположенная на Балканах, что делает Турцию и частью географического пространства данного региона, и одним из самых важных его соседей. Наконец, динамичные связи страны с Балканами подтверждают миграции турок с полуострова, начавшиеся после русско-турецкой войны 1877–1878 гг. и продолжавшиеся до начала 2000-х гг. В настоящее время там проживает около 1,4 млн турок и почти 10 млн мусульман, что характеризует масштаб присутствия Турции на Балканах в демографическом измерении. С другой стороны, регион в целом является местом столкновения геоэкономических и геокультурных интересов различных акторов, и это определяет их политику на Балканах. При этом НАТО конституирует для Турции перспективу военного присутствия в регионе¹.

Для России Балканы — это регион, где ей необходимо проводить активную политику. Истоки этой политики восходят к XVIII–XIX вв., ее проявлением были, в частности, войны с Османской империей, целями которых являлись как поддержка балканских народов, восставших против турецкой власти, так и выход к теплым морям.

Таким образом, можно сказать, что Россия остается ключевым игроком на Балканах уже более 200 лет. Несмотря на географическое расстояние, допустимо утверждать, что Россия располагает и демографическими связями в регионе: тысячи русских проживают в Болгарии и Румынии, есть их меньшинства и в других славянских странах. В то же время важно и советское влияние, усилившееся в период холодной войны, особенно в Болгарии: в связи с этим можно отметить большую весомость указанных политических, экономических и культурных аспектов этих отношений в международном статусе региона. Россия является также альтернативным поставщиком вооружения для балканских стран и энергетическим гигантом, снабжающим регион природным газом².

Воздействие политики Греции на Балканах не столь сильно по сравнению с Россией и Турцией. Однако так называемое византийское наследие, на котором основывается национальная идентичность греков, а также государственность, создававшаяся с 1829 г., когда Греция получила независимость от Османской империи с опорой на жизненно важную помощь России, составляют важное историческое измерение. Хотя с точки зрения географии Греция является балканской страной, можно сказать, что греки больше склонны перенимать средиземноморскую и европейскую идентичность. Демографический фактор — мост с двусторонним движением: в регионе насчитывается несколько тысяч грекоязычных жителей (румеи и каракачаны), в то же время начиная с первой четверти XX в. не прекращается миграция в Грецию с Балкан — из Турции, Болгарии, Югославии. С другой стороны, следует отметить, что экономический и военные факторы тоже являются эффективными в формировании балканской политики Греции³.

Политика Турции, России и Греции в отношении Косово (1999–2008 гг.)

Косовский вопрос возник в процессе распада Югославии, и он стал последним кризисом на Балканах XX в. Хотя этот кризис должен рассматриваться как часть процесса распада Югославии, можно говорить о ряде следующих его аспектов.

- Во-первых, косовский вопрос возник как албаноцентричная проблема в системе, где доминируют славяне.

- Во-вторых, он стал отправной точкой процесса, приведшего к распаду Югославии после смерти Тито.
- В-третьих, Косово было игрой с нулевой суммой для сербов и албанцев.
- В-четвертых, Косово географически находится в точке, которую можно считать центром Балкан.
- В-пятых, Косово стало полем противостояния мировых и региональных держав, а также важнейшей составляющей албанской проблемы на Балканах.
- В-шестых, в Косово имеются богатые природные ресурсы, как это видно на примере рудников в Трепче.

Когда в 1998–1999 гг. в Косово произошли конфликты, международное сообщество вспомнило о событиях в Боснии и Герцеговине. Поэтому были приняты меры по предотвращению новых инцидентов, подобных произошедшему в 1995 г. в Сребренице.

Когда в первой половине 1990-х гг. в Боснии / Югославии начались первые конфликты, Анкара рассматривала косовский вопрос как внутреннюю проблему Югославии, и ее позиция не расходилась с позицией Сербии, поскольку Косово являлось не республикой в составе Югославии, а автономной областью. Турецкое правительство не критиковало инициативу Сербии по изменению статуса Косово. Даже несмотря на то что нападения на мусульман в Боснии привели к серьезному расколу между Анкарой и Белградом, Косово осталось вне сферы расхождений двух стран. В 1990-е гг. сербское правительство фактически расширило права турецкого меньшинства в Косово. Гармонирующая с позицией Сербии политика Турции в отношении Косово разочаровала албанцев. Тем не менее сложившееся к 1998 г. демографическое доминирование албанцев в Косово, их поддержка и антисербские настроения со стороны международного сообщества вынудили Турцию пересмотреть свою политику. В этот период из-за споров между албанцами и сербами на первый план в политике Турции выдвинулись гуманитарные вопросы, а затем Анкара начала защищать интересы косовских албанцев⁴.

В этой ситуации Турция, как и в случае с Боснией, с самого начала кризиса выступала за срочное международное вмешательство. Международное сообщество, которое извлекло свой урок из событий в Боснии, не возражало против американского вмешательства под эгидой НАТО; Анкара, будучи важным игроком блока, также играла

активную роль в урегулировании конфликта. По сути, Турция изначально внимательно следила за развитием кризиса и поддерживала албанцев⁵ до такой степени, что турецкий спецназ обучал боевиков Освободительной армии Косово (ОАК), и турецкое правительство даже оказывало косоварам финансовую помощь. Таким образом, Турция продемонстрировала эффективные действия в регионе.

Кроме того, вопрос о будущем около 60 тыс. этнических турок и албанцев, которых Турция рассматривает как близкую общину, стал причиной роста интереса Анкары к ситуации в Косово. При этом албанцы, мигрировавшие в Турцию в разные периоды, даже если их численность оказалась незначительной, стали еще одним механизмом давления на Анкару. В свете всех этих факторов турецких солдат, которые отправились в Косово во время интервенции НАТО в 1999 г., встретили с флагами тысячи косовских турок, и этот прием стал демонстрацией их силы. Албанцы также приветствовали турецких солдат, а миротворческие силы НАТО встали во главе КФОР («Силы для Косово»). Следует отметить, что задачу обеспечения стабильности в Косово турецкие вооруженные силы выполняют вплоть до настоящего времени.

Также Турция, приступив в 2004 г. к реализации публичной дипломатии, открыла представительство Турецкого агентства по сотрудничеству и координации (ТАСК) в Косово. Необходимо отметить, что в последующие годы в Косово действовали Институт имени Юнуса Эмре и Турецкий фонд Маариф. Турция стала одним из первых государств, признавших независимость Косово, осуществляя при этом политику в пользу приштинского правительства во время переговоров о его статусе. В дополнение к этому Турция пыталась оказывать давление на местные власти с целью улучшения положения турецкого меньшинства в Косово. В то же время нужно учитывать важность и религиозного фактора, поскольку Турция не стремилась повергнуть албанцев-мусульман воздействию арабского ваххабизма и влиянию пропаганды иранских шиитов. Вместе с тем Турции пришлось вести борьбу с миссионерской деятельностью католического мира. В последующие годы данная проблема приобрела более конкретные очертания: Анкара была вынуждена всевозможными способами отстаивать ислам в ответ на угрозы, появившиеся на Балканах. Турция проводила осмотрительную политику, чтобы не исключить из сферы своего влияния албанцев и другие так называемые «религиозные» группы, не подвергнуть Косово и иные мусульманские регионы угрозе католицизации.

Россия выстраивала подход к кризису в Югославии и особенно к вопросу Косово, учитывая опыт распада Советского Союза. По сути, главное различие между дезинтеграционными процессами в этих странах заключалось в переходных периодах: в то время как Югославия переживала кровавые события, СССР прошел этот период вполне спокойно, переформатировавшись в Содружество Независимых Государств (СНГ). Значение, которое Югославия имела для Москвы во времена Советского Союза, в российской внешней политике в 1990-е гг. изменилось: приоритетными, согласно доктрине А. В. Козырева о «ближнем зарубежье», стали другие регионы⁶. Эта ситуация не позволила югославскому вопросу занять первостепенное место в российской внешней политике. Тем не менее ошибочно полагать, что Москва была безразлична к происходившим событиям, поскольку сходство между Югославией и СССР вызывало у российского правительства особую озабоченность. Несмотря на различия в процессах дезинтеграции Югославии и СССР, Сербия и Россия, будучи их центрами, столкнулись со сходными сценариями: их братские республики вышли из состава союзных государств, а также у них возникли проблемы статуса Косово и, соответственно, Чечни, за изменение которого те вели борьбу. Возможность того, что решение косовского вопроса станет прецедентом для Чечни, беспокоила Россию⁷.

К кризису в Югославии на фоне переходного периода в Москве было распространено некое пренебрежение, а дальнейшее развитие событий наметило тенденцию действовать совместно с западными государствами. Но европейские страны оставались далекими от проведения общей политики в отношении кризисов на Балканах. В итоге Россия восприняла вмешательство НАТО как попытку расширения Западом сферы своего влияния в регионе, вследствие чего она подвергла критике такого рода политику⁸. По существу, рассматриваемая ситуация была напрямую связана с тем, что Россия испытывала трудности с переформатированием внешней политики после распада СССР, включая неспособность доктрины «ближнего зарубежья» Козырева объяснить, какая тактика уместна при решении югославского вопроса.

Во второй половине 1990-х гг., когда на новом этапе распада Югославии проблема Косово вышла на первый план, отмечалось, что Москва быстрее адаптировалась к ней и стремилась проводить упреждающую политику. Так, российские солдаты высадились в Приштине незадолго до прихода сил НАТО 11 июня 1999 г., что дало соответствующий

сигнал международной общественности. Этот сигнал, носивший символический характер, также означал, что Россия прилагает усилия по прекращению кризиса, и показывал сербам, что они не одни. Российские войска были восторженно встречены сербами. Но хотя эта ситуация воспринималась общественностью в Москве как победа над НАТО, российские части не могли даже иметь отдельного штаба в Приштине. Поэтому вскоре после этого они были включены в состав КФОР.

Хотя пристальный интерес российской общественности к проблеме Косово расценивался как ответный шаг России в отношении НАТО, исторические, этнические и религиозные связи с сербами также сыграли важную роль. Москва де-факто склонялась к поддержке позиции сербов по косовскому вопросу, устанавливая связь между ним и чеченским конфликтом. Рассматривая последний как внутреннюю проблему, Россия утверждала, что то же самое касается и Сербии. В связи с этим российские политики, не поддерживавшие одностороннее провозглашение независимости албанцев на переговорах Совета Безопасности ООН и Контактной группы по поводу статуса и будущего Косово в 1999–2008 гг., сохраняли свою просербскую позицию и затягивали решение проблемы.

Поскольку вопрос о статусе Косово не мог быть решен путем переговоров, когда появилась возможность объявления Приштиной независимости в одностороннем порядке, Россия обвинила западные государства в применении двойных стандартов и сослалась на их неспособность в течение 40 лет признать де-факто независимую Турецкую Республику Северного Кипра (ТРСК)⁹. Москва не смогла предотвратить одностороннее провозглашение независимости Косово, но впоследствии предприняла усилия по недопущению его международного признания, используя право вето в Совете Безопасности ООН. В этой ситуации Россия пыталась помешать государствам, находящимся в ее сфере влияния, признать Косово¹⁰. Нельзя не отметить, что Москва и в период после 2008 г. твердо поддерживала позицию Белграда.

Что касается Греции, можно сказать, что она оказалась застигнутой врасплох косовским вопросом. Хотя греческое правительство поддержало вмешательство НАТО, общественность была настроена против этого решения, что объясняется историческими связями между греками и сербами. Сербь являлись первой нацией, поднявшей восстание против Османской империи, а греки первыми добились

независимости. Оба народа были православными, именно поэтому они получали поддержку от России в ходе борьбы за независимость. Кроме того, Греция и Сербия в период Балканских войн выступали в качестве союзников, также и в годы холодной войны между Югославией и Грецией сложились хорошие отношения. Тито поддерживал греческую позицию, в частности по проблеме Кипра, что является конкретным результатом традиционного греко-сербского партнерства¹¹.

Греция, которая была солидарна с Сербией во время распада Югославии, заняла сторону Белграда и в ходе конфликтов в Боснии. В результате Афины не оправдали ожиданий западных союзников, поскольку страна не выполнила обязательства, которые ЕС поручил ей взять на себя на Балканах. С другой стороны, в 1990-е гг. Греция сосредоточила свой внешнеполитический курс на противостоянии Турции, которую она характеризовала как «опасность с Востока», и стремилась выстроить в регионе славяно-православную ось, но все же усилия Болгарии, направленные на улучшение отношений с Турцией, эту попытку провалили.

Греция, сотрудничавшая с западными союзниками в ходе военной интервенции в Косово, предоставила свои военные базы в распоряжение НАТО. Однако греческое общественное мнение тогда резко критиковало вмешательство НАТО. После этой интервенции Афины продолжили оказывать поддержку Сербии по косовскому вопросу. Греция, например, не признает независимость Косово, а также препятствует членству Косово в ЕС¹². При этом сложившаяся ситуация связана в первую очередь с тем, что Греция проводит параллели между косовским вопросом и кипрской проблемой; можно сказать, что в данном случае также имеет место «синдром» Западной Фракии.

* * *

В политике Турции и России по косовскому вопросу на первый план вышли факторы исторического наследия и культуры, в то время как для Греции стали значимыми стратегические аспекты. Однако это не означает, что Турция время от времени не испытывает напряженности в отношениях с Косово, а Россия — с Сербией. К примеру, после подписания 4 сентября 2020 г. в США Соглашения о нормализации экономических отношений между Косово и Сербией следует отметить критические заявления России в адрес президента Сербии

А. Вучича и Турции — в адрес Косово по данному поводу. Таким образом, в то время как Турция и Россия были участниками событий в Косово, Греция скорее наблюдала за их развитием.

Перевод с английского И. М. Мамедова

Примечания

¹ См.: *Özlem K. Türkiye'nin Balkan Türkleri Politikası (1991–2014)*. Bursa: Dora Yayınları, 2019. P. 115–128; *Bozzo L., Ragionieri R. Regional Security in the Balkans and the Role of Turkey: an Italian Perspective* // *Balkans: A Mirror of the New International Order* / Eds.: Günay Göksu Özdoğan ve Kemal Saybaşılı. İstanbul: Eren Yayınları, 1995. P. 267; *Akman H. Paylaşılmayan Balkanlar*. İstanbul: IQ Kültür Sanat Yayıncılık, 2006. P. 33; *Sayan S. Turkish Foreign Policy in the Post-Cold War Era: The Challenges of Multi-Regionalism* // *Journal of International Affairs*. 2000. Vol. 54. No. 1. P. 177.

² *Demirci S.R. Rusya'nın Balkan Politikası* // TASAM — Türk Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi. 2008. 18 Haziran. URL: https://tasam.org/tr-TR/Icerik/899/rusyanin_balkan_politikasi (дата обращения 06.07.2020).

³ См.: *Larrabee F.S. Greece's Balkan Policy in a New Strategic Era* // *Southeast European and Black Sea Studies*. 2015. Vol. 5. No. 3. P. 405–425.

⁴ *Özlem K. Türkiye'nin Balkan Türkleri Politikası (1991–2014)*. P. 289–299.

⁵ См.: *Gangloff S. Turkish Policy Towards the Conflict in Kosovo: The Preeminence of National Political Interests* // *Balkanologie*. 2004. Vol. VIII. No. 1. P. 105–122.

⁶ См.: *Heikka H. The Evolution of Russia's Grand Strategy: Implications for Europe's North* / UPI Working Paper. Finnish Institute of International Affairs. 2000. P. 23; *Olüker O., Chivvis Ch.S., Crane K., Tkacheva O., Boston S. Russian Foreign Policy in Historical and Current Context: A Reassessment*. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2015. P. 5. URL: <http://www.rand.org/pubs/perspectives/PE144.html> (дата обращения 07.07.2020).

⁷ *Schaeffer S. The Kosovo Precedent — Directly Applicable to Abkhazia and South Ossetia* // *Caucasian Review of International Affairs*. 2009. Vol. 3. No. 1. P. 110.

⁸ *Kemaloğlu İ. 21. Yüzyılın Başında Rusya Federasyonu* // *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi*. 2016. Vol. III. No. 2. P. 8.

⁹ *Arguing against Kosovo Independence, Russia draws parallel to TRNC* // *Dünya*. 2008. 11 Şubat. URL: <https://www.dunya.com/ekonomi/arguing-against-kosovo-independence-russia-draws-parallel-to-trnc-haberi-40444> (дата обращения 07.07.2020).

¹⁰ *Özlem K. Kosova Sorunu Ekseninde Küresel Aktörlerin Politikalarının Analizi* // *Atilla Sandıklı — Elnur İsmayıl / Eds.: Küresel Riskler ve Bölgesel Krizler*. İstanbul: Bilgesam Yayınları, 2017. P. 116–119.

¹¹ *Tokić R. "Traditional Bonds Between Orthodox Brothers": Notions of Greek-Serbian Friendship* // *Südosteuropäische Hefte*. 2012. Vol. 1. No. 1. P. 123–127. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:0168-ssaoar-314651> (дата обращения 09.07.2020).

¹² *Oztürk T. Tsipras: Greece Unchanged on Kosovo Independence* // *Anadolu Agency (AA)*. 2017. 31.01. URL: <https://www.aa.com.tr/en/europe/tsipras-greece-unchanged-on-kosovo-independence/738723#> (дата обращения 08.07.2020).

Глава 8

Балканская политика Турции и ее подходы к взаимодействию с Россией и Грецией

Балканский регион исторически является зоной особого внимания Турции. Османская экспансия в Европу шла через Балканы, значительную часть которых турки завоевали или поставили в вассальную зависимость задолго до захвата Константинополя и падения Византийской империи. В 1365 г. османы сделали Адрианополь своей столицей и с тех пор считают себя неотъемлемой частью балканского пространства. Для османского государства этот регион стал источником управленческих кадров, которые нередко достигали высших административных постов. Выходцами с Балкан были великие визири и военачальники, деятели науки и культуры.

После распада Османской империи, а затем и вследствие холодной войны активность Анкары на Балканах по естественным причинам снизилась. Тем не менее свидетельством интереса Турецкой Республики к региону являлось заключение в 1934 г. Турцией, Грецией, Румынией и Югославией Балканского пакта, предусматривавшего взаимную помощь стран-участниц и просуществовавшего до начала Второй мировой войны. Политика вестернизации и европеизации, в русле которой Турция развивалась большую часть XX в., определила и приоритетность акцентов на балканской и средиземноморской идентичности страны, расположенной на стыке континентов и цивилизаций. Кемалистская Турция стремилась интегрироваться в западные военно-политические и экономические структуры и видела себя частью европейского культурного пространства. С этой точки зрения ее принадлежность к Балканам имела особое значение, подкрепляя аргументацию сторонников евроинтеграции во внутреннем дискурсе и на мировой арене.

Современная Турция и Балканы

В подходе Турции к Балканам после окончания холодной войны выделились два магистральных вектора: расширение двусторонних связей со странами региона, с одной стороны, и участие в политике стран Запада (поддержка натовской операции против Югославии и расширения альянса на Восток) — с другой. Анкара стремилась воспользоваться ситуацией вакуума влияния на постсоветском балканском пространстве и реализовать свои исторически сложившиеся интересы.

Новая ситуация на международной арене и в особенности новая стратегия во внешней политике Турции при Партии справедливости и развития (ПСР) в XXI в. привели к заметному оживлению связей Анкары со странами региона. Эксперт турецкого центра СЕТА М. Экинджи отмечает, что Анкара осознала свой исторический шанс и начала стремиться к повышению активности на Балканах еще в 1990-е гг., до прихода к власти ПСР. Успех команды Эрдогана по сравнению с предшественниками объясняется наличием более значительных политических и экономических ресурсов, а также ростом взаимодействия между государством, бизнесом и гражданским обществом¹. В турецкой Программе внешней политики на 2021 г., так же как и в ряде аналогичных документов за другие годы, утверждается, что Турция является «неотъемлемой частью Балкан с исторической, географической и социально-культурной точек зрения»².

Балканская стратегия современной Турции опирается на три взаимодополняющих концепции.

Во-первых, это евроинтеграция и причастность к Западному миру. Несмотря на спад популярности идеи вступления Турции в Евросоюз, европейское направление остается важным вектором внешней политики Анкары и катализатором процесса реформ. Балканы являются «воротами в Европу» для Турции с геополитической и географической точек зрения. Сотрудничество с балканскими странами, многие из которых стали членами ЕС, позволяет Турции позиционировать себя как договороспособного соседа и партнера. Через Балканы проходят торговые пути, соединяющие Турцию со странами Центральной Европы. Выстраивая политические и экономические связи с балканскими странами, Анкара учитывает все эти аспекты. Ситуация в регионе важна для Турции и с точки зрения безопасности Стамбула и Проливов.

Считая себя балканской страной и стремясь использовать свое членство в НАТО в качестве инструмента углубления связей с постсоветским регионом, Турция поддерживает интеграцию всех государств Балкан в евро-атлантические структуры. Этот процесс рассматривается в качестве «необходимого условия для обеспечения в регионе прочного мира и стабильности»³.

Во-вторых, Анкара придерживается стратегии развития двусторонних связей со странами региона на основе прагматичных интересов. Этот подход предполагает «вынесение за скобки» политических или исторически обусловленных разногласий и реализацию взаимовыгодных проектов в торгово-экономической сфере, создание транспортной инфраструктуры, расширение социально-культурных контактов и т. д. Особое значение уделяется прямому диалогу на высшем уровне, встречам и переговорам глав государств и правительств. Надо отметить, что во многих случаях такой подход приносит свои плоды, и отношения Турции с балканскими странами за последние пятнадцать лет заметно активизировались.

В 2019 г. объем торговли между Турцией и Балканами составил 11,8 млрд долл.⁴ Турецкие инвестиции в странах региона достигли 16,6 млрд долл.⁵ В 2020 г. пандемия COVID-19 привела к спаду экономической активности всех государств, поэтому целесообразно оценивать общую картину развития отношений между ними по данным за 2019 г. В то же время в период пандемии Турция оказывала балканским странам помощь медицинскими и продовольственными товарами, тем самым подчеркивая свое стремление к поддержанию особых связей с регионом.

Отдельным инструментом стратегии Анкары является инициирование создания трехсторонних площадок, на которых Турция может выступать в качестве посредника в урегулировании конфликтов между другими странами или формировать системы особых связей с региональными соседями. За годы правления ПСР стали реальностью переговоры в трехстороннем формате Турция — Босния и Герцеговина — Сербия, а также Турция — Босния и Герцеговина — Хорватия.

Третьей концепцией, которой руководствуется Анкара в своей балканской политике, является культурно-историческая обусловленность присутствия Турции в регионе. Этот фактор имеет особую значимость с точки зрения национального менталитета турок, о чем

свидетельствует ряд популярных в обществе идей, включая представления об «османском наследии» Турции и о Балканах как части исламского мира⁶. В 2016 г. Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТИКА) выпустило шеститомное издание «Ислам на Балканах», в котором собраны статьи турецких и балканских авторов, посвященные различным вопросам присутствия мусульман в регионе в прошлом и современности⁷.

В отличие от балканских соседей, турки культивируют мнение о том, что общее историческое прошлое имело позитивные моменты, такие как создание сильного государства, способного отстаивать свои политические и экономические интересы на мировой арене, а также взаимное обогащение культур входивших в состав империи народов. Отсюда проистекает убежденность в необходимости поддержки турецких и мусульманских меньшинств, проживающих в балканских странах.

Активную роль в регионе играют и потомки турок, переселившихся с Балкан в XX в. вследствие различных политических событий. По оценкам экспертов, численность этой «диаспоры» в современной Турции составляет от 5 до 7 млн человек⁸.

Турция и Россия

Вопрос о подходах Анкары к взаимодействию с Россией в балканском регионе носит непростой характер. Россия для Турции — исторический соперник на Балканах, а сам полуостров был одним из фронтов различных русско-турецких войн. Это восприятие в значительной степени сохраняется и в настоящее время. В качестве подтверждения можно сослаться на известную работу турецкого политика Ахмета Давутоглу «Стратегическая глубина». Несмотря на то что Давутоглу больше не занимает высоких государственных постов и перешел в оппозицию, его сочинение имеет ценность для понимания внешнеполитического менталитета Турции, поскольку там обозначены существенные мотивы турецкой политики.

Давутоглу в своей работе призывает проводить на Балканах активную политику с опорой на культурно-исторические связи. Отмечается, что Турция рассматривает поддержку мусульманских меньшинств в регионе в качестве противовеса возможному усилению влияния России среди православных и славянских народов⁹.

Надо отметить, что турецкие историки нередко упоминают о панславизме в связи с политикой Российской империи на Балканах. Оценки панславизма негативные: его считают инструментом, который способствовал разрушению Османской империи. Некоторые авторы даже обвиняют Россию в том, что при помощи панславизма она разжигала ненависть к туркам и мусульманам балканского региона¹⁰. Выход балканских территорий из состава Османской империи зачастую представляют исключительно результатом российской политики панславизма¹¹.

Достаточно распространено представление о том, что панславизм до сих пор актуален и служит одной из основ российской политики на Балканах. В качестве примера можно привести статью А. О. Гюнера «Внешняя политика России не меняется», опубликованную в турецкой газете «Ени чаг» («*Yeni Çağ*») в октябре 2019 г. Автор подробно разбирает происхождение и содержание идеологии панславизма. Он утверждает, что пангерманизм и пантюркизм со временем утратили свое политическое значение и перестали нести в себе угрозу, но панславизм, напротив, является одной из самых серьезных проблем мировой политики с момента окончания Второй мировой войны. По мнению Гюнера, продвижение на юг и выход к теплому морю остаются неизменной российской стратегией, способом реализации которой оказывается панславизм. И сегодня для России сохраняет актуальность задача продвижения на юг через Восточную Анатолию, Балканы и Проливы. В связи с этим Гюнер призывает турок тщательно изучать менталитет русского народа и сетует, что на турецком языке существует недостаточное количество исследований, посвященных проблеме панславизма¹².

Отметим, что турецкая молодежь узнает о панславизме еще в школе. Уже в 1930-е гг. в турецких учебниках истории стало уделяться значительное внимание панславизму как средству русской пропаганды периода противостояния двух империй: «Россия к христианской пропаганде добавила пропаганду расовой близости, славянства. Сербов и черногорцев, составлявших меньшинства на Балканах, а также боснийцев и болгар — в действительности тюрок, но объявленных русскими славянами, — они подстрекали к выступлениям против османского правительства»¹³.

В наши дни в учебном пособии для лицеев «Современная турецкая и всемирная история» можно найти утверждения, что панславизм

до сих пор остается влиятельной концепцией: «Россия поддержала Сербию в косовском вопросе по причине исторического национализма»; «Хотя принцип панславизма сохраняет свою актуальность, тесные связи с Западом таких славянских стран, как Болгария и Македония, отдаляют их от России»; «Сейчас Россия не столь активна на Балканах, как в XIX в., но это не означает, что она забыла о Балканах»¹⁴.

Турецкие исследователи по-прежнему воспринимают Россию как соперника Турции на Балканах и, сравнивая потенциалы двух стран в регионе, выделяют в качестве преимущества Анкары продолжительный опыт государственного управления этими территориями. С точки зрения влияния на современную ситуацию наличие в балканских странах турецких меньшинств также наделяет Анкару возможностями, которых не имеет Россия¹⁵.

В то же время турки отмечают сходство взглядов двух стран на то, как должны развиваться их отношения со странами Балкан. И Турция, и Россия в своей балканской политике опираются на факторы культурно-религиозной идентичности, отдавая приоритет углублению связей с родственными народами и единоверцами¹⁶.

В геополитических подходах России и Турции к балканскому региону на современном этапе наблюдаются значительные расхождения. Турция активно поддерживает интеграцию балканских стран в НАТО и ЕС, что, по сути дела, означает отдаление этих государств от России. Российским интересам более соответствовал бы независимый статус балканских государств.

Москва и Анкара придерживаются различных позиций относительно статуса Косово. Россия не признает выход этой территории из состава Сербии, ориентируясь на подход Белграда к данной проблеме. В свою очередь, Турция является страной, признавшей Косово независимым государством и установившей с ним дипломатические отношения.

Современный высокий уровень развития российско-турецких отношений и прагматичная заинтересованность двух стран в углублении сотрудничества в различных сферах позволяют им искать точки соприкосновения на Балканах. Самый яркий пример — реализованный проект газопровода «Турецкий поток», по которому российский газ поступает через Турцию в страны Южной и Юго-Восточной Европы, в том числе в Грецию. Возможно, вариантом дальнейшего

развития трехстороннего сотрудничества между Россией, Турцией и Грецией могли бы стать новые инфраструктурные и логистические проекты на Балканах.

Турция и Греция

Что касается греко-турецких отношений, в них всегда было много проблем, имеющих глубокие исторические корни, в том числе связанных с различной культурно-цивилизационной идентичностью двух стран. Как пишет турецкая исследовательница Э. Озсюер, со времени появления в 1830 г. на Балканах независимого греческого государства его граждане строили свою национальную идентичность на основе эллинизма и православия, что кардинально отличалось от культуры и традиций, принятых в Османской империи. При этом турки воспринимались как «иные» и как враги¹⁷.

В 1990-е гг. стремление Анкары форсировать развитие отношений с балканскими странами — в первую очередь с теми, где проживают мусульмане и турки, — и заявления турецких лидеров о «тюркском мире, который простирается от Адриатики до Великой китайской стены», вызвали в Греции опасения попыток сформировать на Балканах «исламскую ось» и окружить православные страны¹⁸. При этом поддержка Сербии со стороны Греции и России в ходе югославского конфликта воспринималась турецкими политологами в качестве свидетельства возникновения «православной оси»¹⁹.

Любопытно, что некоторые современные турецкие эксперты полагают, будто активность Греции на Балканах подталкивает Турцию к аналогичной политике²⁰. Таким образом, восприятие Анкарой греческого фактора на Балканах сопоставимо с ее восприятием фактора российского. Отличие заключается в том, что Греция — непосредственный сосед Турции и балканских стран, поэтому уровень вовлеченности современных Афин в региональную ситуацию по сравнению с Москвой выше.

А. Давутоглу в своей книге отмечал, что угрозой турецким интересам на Балканах является антиосманская и антитурецкая риторика греков, которая портит имидж современной Турции²¹. В 2011 г., когда А. Давутоглу занимал пост министра иностранных дел, он предложил рассмотреть «новую модель» греко-турецких отношений²². Согласно этой модели, Турция и Греция, как ключевые государства, расположенные

в точке пересечения балканского и ближневосточного регионов, могли бы создать новую форму сотрудничества. В частности, важная роль отводилась изучению и сохранению общего исторического и культурного наследия: имелись в виду христианские памятники на территории Турции и памятники османской эпохи — на территории Греции.

Если Анкара и Афины обратятся к идее совместных проектов в сфере туризма, то могут появиться возможности для подключения к этим проектам и России. Турция и Греция, как и другие страны балканского региона, являются популярными туристическими направлениями для россиян. Образовательный или религиозный туризм, тематические маршруты, включающие посещение святых мест и памятников, расположенных на территории нескольких государств, могли бы привлечь внимание российской стороны.

Некоторые трансграничные проекты уже появляются на уровне частных инициатив. В частности, измирский туроператор «Тутку» предлагает двухнедельный маршрут под названием «Греция и Турция: колыбель христианства»²³. Программа включает посещение памятников раннего христианства на территории Греции, а затем семи городов, упоминаемых в Апокалипсисе, которые находятся в Эгейском регионе современной Турции. Поездка, подготовленная при участии Библейского общества, рассчитана на граждан США. Похожие проекты могли бы привлечь внимание туристов и из других стран, в том числе из России и Греции.

В сфере греко-российского культурного сотрудничества также появляются проекты, которые могут быть расширены за счет подключения к ним в той или иной форме и турецкой стороны. Так, в 2014 г. Институт средиземноморских исследований на острове Крит организовал международную конференцию «Пути русских икон в Греции и на Балканах (XVI — начало XX в.)»²⁴. Совместное изучение культурного наследия, исторически общего, но разделенного государственными границами сегодня, может послужить развитию сотрудничества в балканском регионе.

Вместе с тем стоит упомянуть, что для Турции общее историческое наследие на Балканах — это в первую очередь наследие османское. В Программе внешней политики Турции на 2020 г. отмечалось, что одним из важных элементов в отношениях с Грецией является сохранение тюрко-османских памятников на греческой территории и передача их последующим поколениям²⁵.

* * *

В целом любые трехсторонние проекты с участием России, Греции и Турции могут носить лишь прагматичный характер. В них важен рациональный подход, поскольку в отношениях Анкары как с Москвой, так и с Афинами сохраняются устойчивые стереотипы взаимного восприятия, которые не всегда позитивны. Однако есть один чрезвычайно важный вопрос, в котором подходы России, Греции и Турции совпадают: все три страны заинтересованы в поддержании стабильности и мира на Балканах, где проживают народы, родственные им с этнической и конфессиональной точек зрения. И, конечно, нет сомнения в том, что Балканы всегда будут оставаться особым регионом и для России, и для Греции, и для Турции.

Примечания

¹ *Ekinci M. U.* Turkey's "zero problems" era in the Balkans // SETA Analysis. 2013. No. 1. P. 11.

² *Çavuşoğlu M.* 2021 Yılına Girerken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız. S. 18 // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2021-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения 18.01.2021).

³ *Balkan Ülkeleri İle İlişkiler* // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/balkanlar_ile-iliskiler.tr.mfa (дата обращения 25.01.2021).

⁴ *Çavuşoğlu M.* 2021 Yılına Girerken... S. 19.

⁵ *Ibid.*

⁶ Подробнее см.: *Свистунова И. А.* Балканская политика Турции: роль этноконфессиональных меньшинств // Современная Европа. 2020. № 4. С. 62–65. DOI: 10.15211/soveurope420206171

⁷ *Balkanlarda İslâm, 6 Ciltli.* Ankara: TİKA, 2016.

⁸ *Türk Dış Politikası / Ed. B. Oran.* İstanbul: İletişim Yayınları, 2012. Cilt II: 1980–2001. S. 170.

⁹ *Davutoğlu A.* Stratejik derinlik. Türkiye'nin uluslararası konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2010. S. 123.

¹⁰ *Asker A., Güven İ. F.* Türkiye ve Rusya'nın Balkan Politikalarında "Yumuşak Güç" Unsuru (1990 Sonrası Dönem) // Yumuşak Güç ve Kamu Diplomasisi Üzerine Akademik Analizler. Ankara: Nobel, 2018. S. 214.

¹¹ *Бахревский Е. В., Свистунова И. А.* Образ России в Турции. Историческое развитие и современное состояние. М.: Институт Наследия, 2019. С. 182.

¹² *Güner A. O.* Rus dış politikası değişmez // Yeni Çağ Gazetesi. 2019. 16.10. URL: <https://www.yenicaggazetesi.com.tr/rus-dis-politikasi-degismez-dr-agah-oktay-guner-252680h.htm> (дата обращения 25.01.2021).

¹³ *Бахревский Е. В., Свистунова И. А.* Образ России в Турции... С. 136.

¹⁴ Demirel Z., İşeri M., Arslan A. Liseler için Çağdaş Türk ve Dünya Tarihi. Ankara, 2009. С. 235.

¹⁵ Asker A., Güven İ.F. Türkiye ve Rusya... S. 219.

¹⁶ Ibid. S. 220.

¹⁷ Özsüer E. Türkiye ve Yunanistan Örneğinde Din ve Milliyetçilik Algısının 'Öteki' Üzerinden İnşası // V. International Symposium on History Education. İstanbul, 2018. S. 264.

¹⁸ Türk Dış Politikası. Cilt II. S. 513–515.

¹⁹ Ibid. S. 515.

²⁰ Sancaktar C. Soğuk Savaş Sonrası Türkiye'nin Balkanlar Açılımı // 21. Yüzyılda Çağdaş Türk Dış Politikası ve Diplomasisi. İzmit-Kocaeli: Umuttepe Yayınları, 2010. S. 333.

²¹ Davutoğlu A. Stratejik derinlik... S. 123.

²² Davutoğlu A. A New Paradigm in Turkish-Greek Relations in the Changing Strategic Environment (Article by H.E. Ahmet Davutoğlu published in Kathimerini Newspaper (Greece) on 10 March 2011) // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. URL: http://www.mfa.gov.tr/article-by-h_e_-ahmet-davutoglu-published-in-kathimerini-newspaper-greece-on-10-march-2011.en.mfa (дата обращения 15.10.2020).

²³ Greece and Turkey: The Cradle of Christianity // TUTKU. URL: <https://tutkutours.com/images/BAS-GREECE-TURKEY-THE-CRADLE-OF-CHRISTIANITY-2022.pdf> (дата обращения 30.01.2021).

²⁴ Routes of Russian Icons in Greece and in the Balkans (16th – early 20th centuries). International Colloquium 15–18 January 2014. Institute For Mediterranean Studies; Forth. URL: https://www.ims.forth.gr/uploads/docs/PROGRAMME-International_Colloquium_Russian_Icons.pdf (дата обращения 15.12.2020).

²⁵ Çavuşoğlu M. 2020 Yılına Girerken... S. 36.

Глава 9

Вечный друг и вечный недруг: образы России и Турции в сознании современных греков

Современная Греция — уникальное для Европы образование. Сугубо европейское государство, колыбель европейской культуры и демократии, она сохраняет преемственность балканских традиций, особость религиозного сознания, исторически сформированную привязанность и даже предвзятость в отношении крупных внешнеполитических партнеров. В нашем случае — Турции и России.

«Даже если закрасить все пятна на теле леопарда, он не станет от этого менее агрессивным», — так характеризовали греки своего соседа в начале XX в. Сменились две эпохи, но этот девиз не потерял сути и актуальности. Причин тому множество, не последняя из них — двойственная политика Анкары, усиливающая в греках чувство подозрительности и тревоги.

Период определенного потепления в отношениях двух государств пришелся на начало 2000-х гг. Проблемные темы существовали — в частности Эгейский диспут, кипрская проблема, вопрос о правах турецкого национального меньшинства, проживающего в Греции, — но был очевиден прогресс в развитии двустороннего диалога, в желании построить взаимовыгодное сотрудничество двух балканских государств. Активно развивался и процесс интеграции новых стран в единое общеевропейское пространство. Анкара мечтала о членстве в Евросоюзе; Афины, стремясь возглавить шествие Балкан в единую общеевропейскую семью, поддерживали проевропейские стремления южного соседа.

Ситуация начала меняться в 2011 г. Тогда в морских границах Республики Кипр было обнаружено богатое газовое месторождение

«Афродита». Заявляя о законных правах турок-киприотов на газовые ресурсы, турецкие власти направили в исключительную экономическую зону Кипра судно «Фатих» (*Fatih*), а также корабль «Барбаросса Хайреддин-паша» (*Barbaros Hayreddin Paşa*) для исследования морского дна и последующих буровых работ. На позицию Анкары не смогли повлиять ни Греция, ни Евросоюз, ни США. Стало очевидно, что в границах, определенных Турцией в качестве сфер ее влияния, Анкара готова противостоять мнению большинства и единолично отстаивать собственную позицию.

Новый повод для беспокойства и сомнений в «честности внешнеполитического партнера» подал иммиграционный вопрос. Несмотря на длительные переговоры Евросоюза с Анкарой, обещание последней закрыть границы для беженцев и даже запустить процесс реадмиссии, в Грецию продолжили поступать иммигранты через греко-турецкие морские границы. В помощь национальной армии были сформированы добровольные бригады из местных жителей, однако их силы не смогли приостановить продолжавшийся иммиграционный наплыв. Чтобы понять, насколько болезнен для Греции вопрос нелегальных иммигрантов, стоит заглянуть в ежедневную сводку греческих новостей. Переполненные миграционные центры, растущая нестабильность, «востокизация» городов и их пригородов, усиление криминальной активности, спад туристической привлекательности страны, недовольство местного населения — лишь видимая часть айсберга. Другая — невидимая, но более сложная — связана с демографическими и национальными изменениями в стране. Иммиграционный вопрос необходимо решать, но как и каким путем, с учетом несговорчивости Турции, — пока не представляет никто.

Двойственная политика Анкары, игнорирование аргументов международного сообщества при отстаивании собственных позиций, возрастающая военная активность на Ближнем Востоке послужили естественным катализатором для всплеска недоверия и негативного отношения эллинов к соседям. Турцию не понимают, ее подозревают в великодержавных амбициях и, в конце концов, боятся.

В данном контексте весьма показательны иллюстрированные изображения Турции, в частности президента страны Р.Т. Эрдогана, на страницах греческих журналов и газет. На греческих карикатурах Эрдоган — это агрессор, политик, который не считается с правами

и взглядами других, действуя силой и исключительно в своих интересах¹.

Характерные результаты продемонстрировали и данные последних социологических опросов. В 2018 г. греческая компания *publicissues.org* провела опрос об отношении греков к Турции. 81 % опрошенных оказались уверены в том, что отношения с Анкарой ухудшились по сравнению с 2017 г., при этом 70 % респондентов выступали за мирное разрешение всех споров². По вопросу военного конфликта с Турцией мнения разделились: 52 % утверждали, что войны с Турцией не будет, 44 % не исключали подобного развития событий, при этом 42 % респондентов продемонстрировали убежденность в победе Греции в случае вооруженных действий между двумя странами³.

По данным исследования «Что думают греки?» за 2020 г., отношения с Турцией заняли третье место в шкале будущих угроз для Греции — так считает 32,1 % опрошенных греков⁴. При этом на первом месте в данном списке значится демографическая проблема, на втором — иммиграционная: 47,1 и 41,7 % соответственно. Критическое отношение к туркам выразили 64,7 % респондентов, благожелательное — только 19,3%⁵. Таким образом, турки заняли последнее место в таблице положительных отзывов греков о тех или иных народах.

Данное исследование проводилось весной 2020 г., т.е. до злободневных событий, связанных со сменой статуса собора Святой Софии и последующим переводом христианских святынь Турции (упомянутый храм Святой Софии, монастырь Хора) в мечети. Можно предположить, что в 2021 г. количество положительных отзывов греков в отношении соседей снизится еще на несколько процентных пунктов.

Теперь обратимся к России. Весной 2020 г. Центром либеральных исследований Маркоса Драгумиса (*KEFIM*) в рамках образовательной программы «Двести лет со дня греческой революции» проводилось масштабное социологическое исследование на знание греками своей истории. Результаты опроса были представлены на онлайн-пресс-конференции 8 июля 2020 г. По словам руководителя Центра Александра Скурора, «революция 1821 года являлась исключительно национальной борьбой, главная роль в ней принадлежала Теодоросу Колокотронису. Наибольший вклад в освободительную борьбу греков внесла Россия, а деятельность “Филики Этерия” послужила катализатором революционных действий»⁶. По результатам проведенного

исследования 42,5% респондентов назвали Россию главной помощницей Греции в восстании 1821 г., далее следовали Франция — 18,3%, Великобритания — 17,1%, Австрия — 6,2%⁷.

Итоги проделанной работы зафиксировали очень важный аспект: они продемонстрировали одну из ипостасей современного отношения греков к России. В памяти эллинов Россия — это помощница, дружественная держава; страна, благодаря которой Греция обрела независимость от турецкого ига. Этому учит школьная программа, а также исторические дисциплины в вузах.

Существует, правда, и другая ипостась. Она формируется сиюминутными новостями, актуальной политической повесткой дня, внешнеполитическими взглядами правящей элиты. Наглядный тому пример — данные соцопросов, проведенные на стыке двух политических эпох: времени правления лояльного к России лидера Алексиса Ципраса (2015–2019 гг.) и нынешнего премьера Костаса Митцотакиса — глубоко европеизированного человека.

В 2017 г., по данным отдела исследования общественного мнения Университета Македонии (г. Салоники), 57,3% опрошенных рассматривали Россию в положительном ключе, при этом российский президент лидировал среди других политиков, набирая 67% голосов⁸. Весной 2020 г. независимая аналитическая компания *διανΕΟς* провела исследование на тему «Что думают греки?». Опрос проводился по всей Элладе, к анкетированию были привлечены порядка 1250 человек, по некоторым вопросам — 2500. Итоги исследования зафиксировали спад интереса греков к России: если в 2016 г. 77,4% респондентов демонстрировали благожелательное отношение к Москве, то в 2020 г. соответствующий процент составил всего лишь 51% — т.е. каждый четвертый грек поменял свою точку зрения⁹. Изменилось и отношение к российскому президенту: впервые количество отрицательных отзывов превысило число положительных — 41% за и 46% против.

Обозначенная разница между 2016, 2017 и 2020 гг. в десять, а то и двадцать процентных пунктов достаточно велика. При этом более всего пострадала популярность именно российского лидера: вплоть до 2020 г. В. Путин пользовался беспрецедентной поддержкой греческого населения.

Причин столь разительных перемен несколько. Во-первых, как упоминалось выше, произошла смена политической власти в Греции,

а вместе с ней и внешнеполитического вектора. За последние годы Евросоюз стал единственной альтернативой дальнейшего развития Греции. Во-вторых, нельзя не учитывать так называемый «посттравматический синдром». В период правления А. Ципраса на Москву было направлено слишком много надежд, Россию рассматривали в качестве оплота финансовой и экономической помощи погибающей греческой экономике. Не оправдавшиеся ожидания неблагоприятно повлияли на восприятие РФ греками. Наконец, играет свою роль и общеевропейский климат новой холодной войны с Москвой. Пусть и не в столь критических масштабах, но эти настроения подтачивают положительный образ России в глазах греческого обывателя.

С большой вероятностью можно предположить, что доля положительных откликов в следующем году вновь уменьшится. Вызвано это непростой ситуацией вокруг собора Святой Софии. Для общественного мнения Греции осталось необъяснимым решение России. Обычный вопрос лета 2020 г.: почему Москва — историческая помощница, защитница православия, его ценностей и святынь — заняла нейтральную позицию? В этом вопросе историческая, а также религиозная память эллинов натолкнулась на противоречие, разрешить которое она оказалась неспособна.

О масштабах этого непонимания можно судить по материалам СМИ, комментариям к злободневным статьям и записям в блогах. При обсуждении данной животрепещущей темы греки часто вспоминают и активно цитируют слова преподобного Паисия Святогорца.

Пророчество святого Паисия (1924–1994 гг.) — современника XX в. — имеет для нашего исследования особое значение. Оно основано на древней святоотеческой традиции, в его основе — слова особо почитаемого в Греции святого Косьмы Этолийского (1714–1779 гг.). Главная тема предсказания — судьба Константинополя, или Города, как его называют греки с большой буквы. В пророческих высказываниях преподобного Паисия, как в капле воды, отражена вся суть существующих надежд и чаяний греческого обывателя, а также, что особо ценно, выявляется отношение эллинов к историческим партнерам Греции — России и Турции.

«Хотя я и не люблю говорить на тему пророчеств, — так звучит одно из канонических изложений мнения святого Паисия, — но пришедшие вынудили меня объяснить им значение шестимилия, о котором говорит святой Косьма, а это не что иное, как шесть миль морского

шельфа. Это та тема, из-за которой мы в последние годы грыземся с Турцией и из-за которой мы в конце концов “схватимся”. Однако они не войдут в Элладу: они продвинутся только на эти шесть миль, и тогда на них найдет великое бедствие с севера, как говорят писания, и все их замыслы рухнут. Константинополь возьмем назад, но не мы сами. Из-за того, что опустилось большинство нашей молодежи, мы не способны на такое. Однако Бог устроит так, что другие возьмут Город и отдадут его нам. Будет война между Турцией и Россией. Сначала туркам будет казаться, что они побеждают, но это станет для них катастрофой. Русские одержат победу и возьмут Константинополь. В храме Святой Софии вновь состоится православное богослужение. Турция распадется на 3–4 части. Для нее уже начался обратный отсчет. Мы возьмем свои земли, армяне свои, а курды свои»¹⁰.

Высказывания святого Паисия впервые были опубликованы монахом Христодулом в книге «Старец Паисий», изданной в 1994 г. На сегодня это единственный источник его устных предсказаний. Тем не менее слова преподобного Паисия настолько актуальны, что их хорошо знают по всей Элладе. Его пророчество цитируют греческие газеты, особенно в дни сложных конфликтных ситуаций между Турцией и Россией. В частности, слова преподобного облетели Грецию в газетных статьях 24 ноября 2015 г., в день, когда турецкий истребитель сбил самолет российских ВКС. Характерную заметку на этот счет выпустила общеизвестная в Греции газета «Катимерини» (Η Καθημερινή) — издание, далекое от любой религиозной тематики. Вот несколько строк из статьи «Великие пророчества» от 26 ноября 2015 г.: «После русско-турецкой войны, которую святой Паисий “видел” в своих пророчествах, он отмечал: “Начнутся события, которые закончатся взятием Города”. Сегодня мы читаем в заголовках газет: “Шок! Москва отдаст Константинополь Греции”. Если все это звучит парадоксально для ушей наших читателей, им следует пересмотреть свое мнение, потому что это один из самых популярных внешнеполитических тезисов в греческих СМИ за последние 24 часа»¹¹.

Пророческие слова святого Паисия вспоминают в Греции и в условиях миграционного кризиса, в связи с событиями вокруг собора Святой Софии и даже коронавирусной инфекции. На *Youtube* каждый год появляются новые ролики, посвященные данной теме. Количество просмотров наиболее популярных из них достигает миллиона. Греки чтут и лелеют эти слова.

Это пророчество и его авторитет в Греции весьма лаконично вписываются в картину, созданную по результатам соцопросов. Несмотря на все перипетии современного диалога Афин с Москвой, отход от российской тематики во внешней политике Эллады, Россия остается для греков страной со знаком плюс, помощницей, дружественной державой. Государством, на которое направлены взгляды и исторические надежды эллинов (ведь по пророчеству святого Паисия, именно Россия поможет осуществить Великую идею Греции и вернуть ей Константинополь). А вот Турция, как и 200 лет назад, сохраняет черты того самого леопарда с закрашенными пятнами. Даже поменяв окрас и сменив тон с восточного на проевропейский, он остается страшным и опасным недругом, отношения с которым необходимо поддерживать, но не надеяться на его честность и лояльность.

Примечания

¹ Σκίτσα: Η συνάντηση Μητσοτάκη — Ερντογάν στο Λονδίνο // Το Αφηρημένο Blog. 2019. 4 Δεκεμβρίου. URL: http://www.afirimeno.com/2019/12/blog-post_19.html (дата обращения 03.05.2021); Το σκίτσο της Έφης Ξένου // ΤΑ ΝΕΑ. 2020. 5 Ιουνίου. URL: <https://www.tanea.gr/2020/06/05/skitsa/to-skitso-tis-efis-ksenou-380/> (дата обращения 03.05.2021); Η Γελοιογραφία της Ημέρας 21.6.2020 // Το Αφηρημένο Blog. 2020. 21 Ιουνίου. URL: http://www.afirimeno.com/2020/06/2162020_21.html (дата обращения 03.05.2021).

² Στάσεις απέναντι στις Ελληνοτουρκικές σχέσεις. Η Ελλάδα και ο Κόσμος 2018. Έρευνα κοινής γνώμης για την εξωτερική πολιτική // Public issue. 2018. 26 Απριλίου. URL: <https://www.publicissue.gr/14286/fr2018/> (дата обращения 03.05.2021).

³ Ibid.

⁴ Τι πιστεύουν οι Έλληνες. Νοέμβριος-Δεκέμβριος 2019 // diaNEOsis. 2020. 03. URL: https://www.dianeosis.org/wp-content/uploads/2020/03/tpc_2020_final.pdf (дата обращения 03.05.2021).

⁵ Ibid.

⁶ «Εθνική» η επανάσταση, μας βοήθησαν οι Ρώσοι — Τι πιστεύουν για το Κρυφό Σχολείο — Αναλυτικά η δημοσκοπήση της ΚΕΦίΜ-MARC. 08.07.2020. URL: <https://www.protothema.gr/greece/article/1024633/dimoskopisi-kefim-marc-gia-to-1821-ethniki-i-erpanastasi-mas-voithisan-oi-rosoi-pisteuoun-oi-ellines> (дата обращения 03.05.2021).

⁷ Ibid.

⁸ Τσακίρογλου Β. Δημοσκοπήση ΚΕΦίΜ-MARC για το 1821: «Εθνική» η επανάσταση, μας βοήθησαν οι Ρώσοι πιστεύουν οι Έλληνες // Πρώτο Θέμα. 2020. 08.07. URL: <https://www.protothema.gr/greece/article/1024633/dimoskopisi-kefim-marc-gia-to-1821-ethniki-i-erpanastasi-mas-voithisan-oi-rosoi-pisteuoun-oi-ellines> (дата обращения 03.05.2021).

⁹ Τι πιστεύουν οι Έλληνες...

¹⁰ Χριστόδουλος Αγιορείτου. Ο Γέρων Παΐσιος. Άγιον Όρος, 1994. Σ. 210–221.

¹¹ Κουνιάκη Ξ. Οι μεγάλες προφητείες // Η Καθημερινή. 2015. 26.11. URL: <https://www.kathimerini.gr/opinion/840032/oi-megales-propheteies/> (дата обращения 03.05.2021).

Глава 10

Греко-турецкие разногласия по вопросу делимитации Эгейского моря

Турция и Греция являются наиболее значимыми странами Балканского полуострова, и их соперничество в регионе имеет давние корни. Разногласия по Эгейскому морю являются лишь одним из многочисленных споров, существующих между двумя государствами, в том числе на пространстве Балкан. В данной главе поставлена цель изучить причины этих разногласий, позиции сторон, предпринимаемые усилия по разрешению спора и его геополитический контекст.

Причины разногласий

Греко-турецкое соперничество на Балканах турецкий автор Д. Экинчи характеризует следующим образом: «Во-первых, если рассматривать Балканы как регион противостояния, то на первый план выходит политический вопрос, а не проблема собственно безопасности... во-вторых, двусторонние споры в балканском контексте не были озвучены во время войны в 1990-е гг., в отличие от нынешней ситуации... в-третьих, несмотря на постоянные двусторонние споры, балканский элемент нелегко определить как “черно-белый”... в-четвертых, балканское соперничество Турции и Греции вряд ли ухудшится с учетом политического и экономического сближения, начавшегося в 1999 г.»¹.

Эгейский спор составляет часть разногласий между Турцией и Грецией на Балканах. Он связан с вопросом делимитации Эгейского моря. Турецкие эксперты считают, что проблема первоначально

возникла во время нефтяного кризиса 1973 г., который серьезно затронул экономику обеих стран. Когда Греция обнаружила нефтяные ресурсы вблизи острова Тасос, турецкое правительство выдало лицензию национальной турецкой нефтяной компании *Türkiye Petrolleri Anonim Ortaklığı* (ТРАО) на разведку полезных ископаемых рядом с греческими островами Лесбос и Лемнос в восточной части Эгейского моря. Этот инцидент, случившийся в ноябре 1973 г., столкнул две страны в споре о делимитации континентального шельфа². Афины подтверждают данную версию о начале спора. По мнению Греции, неоднократные попытки Турции нарушить ее суверенные права на континентальном шельфе стали серьезным источником трений в двусторонних отношениях, и в 1974, 1976 и 1987 гг. страны даже были близки из-за этого к войне³.

Позиции сторон

Эгейский спор состоит из ряда непростых вопросов, таких как пределы континентального шельфа Турции и Греции, их суверенные права в отношении территориальных вод и воздушного пространства над Эгейским морем. Разногласия включают в себя не только политическое, но и правовое и экономическое, а также военное измерения.

Официальная позиция Греции по вопросу о континентальном шельфе и его границах основана на положениях морского права, как договорных, так и обычных, и заключается в следующем:

- Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву 1982 г. предусматривает исключительные права *ipso facto* и *ab initio* прибрежного государства на его континентальный шельф, который имеет минимальную ширину в 200 морских миль при условии, что расстояние между противоположными берегами моря позволяет это. Греция ратифицировала эту Конвенцию законом 2321/1995, который в соответствии с Конституцией имеет приоритет над любым предыдущим положением.
- Согласно статье 121 (2) Конвенции по морскому праву, все острова имеют право на территориальные воды, прибрежную зону, исключительную экономическую зону и континентальный шельф. Эти зоны определяются в соответствии с общими положениями Конвенции. Данная норма также регулируется обычным

правом и, таким образом, имеет обязательную силу для государств, не подписавших Конвенцию. Поэтому все греческие острова имеют континентальный шельф, что подтверждается международным морским правом.

- В этих рамках вопрос о делимитации континентального шельфа ставится только применительно к побережью греческих островов и турецкому побережью.
- Что касается метода делимитации, то твердая позиция Греции заключается в том, что он должен основываться на международном морском праве, регламентирующем принцип равноудаленности / срединной линии.

В этой связи МИД Греции отмечает, что в соответствии со статьей 156 закона 4001/2011 в отсутствие соглашения о делимитации с соседними государствами внешняя граница континентального шельфа представляет собой срединную линию между греческими побережьями и побережьями, расположенными напротив этих берегов или прилегающими к ним. В случае, если в течение разумного срока не будет найдено никакого общего решения, Греция, твердая позиция которой полностью соответствует международному праву и которая настаивает на принятии Турцией этой позиции, собирается вынести данный вопрос на рассмотрение Международного Суда ООН. Однако с учетом того, что Турция не признала юрисдикцию Суда, требуется специальное соглашение о передаче спора арбитрам, которое будет составлять ее правовую основу⁴.

Турецкая позиция в эгейском споре совершенно иная. По мнению МИД Турции, основной его причиной являются попытки Греции изменить статус-кво, установленный Лозаннским мирным договором 1923 г., и представить все Эгейское море в качестве «греческого моря». Суть соответствующих положений Лозаннского договора состояла в том, что прибрежные государства распространяли свою морскую юрисдикцию на ограниченные районы, а остальные части Эгейского моря могли быть использованы на общее благо Турции и Греции. Турция считает, что греко-турецкие отношения в Эгейском море должны основываться на следующих принципах:

а) Эгейское море является общим морем между Турцией и Грецией;

б) обе страны должны уважать законные права и жизненно важные интересы друг друга;

в) открытое море и воздушное пространство над ним находится в свободном пользовании как прибрежных государств, так и третьих стран;

г) любое приобретение Грецией или Турцией новых территориальных вод должно основываться на взаимном согласии и быть справедливым и равноправным⁵.

Позиции обеих сторон можно резюмировать следующим образом. Греция заявляет, что в соответствии с Женевскими конвенциями по морскому праву 1958 г. и Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. каждый из греческих островов в Эгейском море имеет свои территориальные воды и континентальный шельф. В статье 3 Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. говорится, что государство может устанавливать ширину своих территориальных вод до предела, не превышающего 12 морских миль. Греция хочет воспользоваться этим правом и увеличить свой нынешний шестимильный предел в два раза.

С другой стороны, Турция утверждает, что Эгейское море является особым полузакрытым морем, делимитация которого должна основываться на принципе равенства, а обычные процедуры, определяемые международным морским правом, не могут в нем применяться. Турция далее заявляет, что греческие острова являются естественным продолжением Анатолийского полуострова и поэтому не должны рассматриваться как отдельные территории, имеющие территориальные воды.

Поэтому, если Греция расширит территориальные воды с шести морских миль до двенадцати, Эгейское море может превратиться в греческое «озеро». Более того, при таком сценарии турецкие суда вряд ли будут иметь доступ в открытое море без разрешения греческих властей. В 2004 г. Турция официально заявила, что расширение территориальных вод Греции до 12 миль будет расценено как *casus belli*. Серьезность этого ультиматума дополнительно подтвердилась инцидентом близ острова Имиа (Кардак). В 1996 г. страны оказались на грани войны.

Эгейский вопрос имеет не только политический, но и психологический подтекст. Хорошо известно, что Турция стремится сохранить баланс с Грецией как в Эгейском, так и в Средиземном морях. Однако в прошлом эта позиция подверглась серьезному удару из-за потери Эгейских островов: почти все они были уступлены Турцией

Греции, за исключением Имброса (Гекчеада) и Тенадоса (Бозджаада). С точки зрения Анкары, ситуация стала еще более драматичной, когда в 1947 г. Афинам были переданы острова Додеканес. Это обстоятельство повышает чувствительность турецких внешнеполитических чиновников к проблемам, касающимся Эгейского моря.

Несомненно, спор между Турцией и Грецией в Эгейском море в течение долгого времени был катализатором гонки вооружений между странами. Также не будет ошибкой предположить, что высокие военные расходы в значительной мере обуславливают нынешнее тяжелое положение греческой экономики. Греция является крупнейшим покупателем оружия в ЕС, расходы на которое составляют почти 5,5% ВВП страны (около 13,4 млрд евро — 18 млрд долл. США)⁶.

Правовой обзор некоторых спорных вопросов территориального разграничения в акватории Эгейского моря и анализ перспектив их комплексного урегулирования во внесудебном порядке показывает следующее. В отношении предмета спора Турция и Греция заявляют свои права на территориальные воды в Эгейском море шириной шесть миль. Греции принадлежит более четырех пятых территориальных вод в Эгейском море.

Греция является участницей Конвенции ООН по морскому праву, позволяющей устанавливать 12-мильные территориальные воды. Турция членом Конвенции не является. После ратификации Конвенции 21 июля 1995 г. греки объявили о намерении расширить свои территориальные воды в подходящий момент. В июне 1995 г. турецкий парламент принял закон, уполномочивающий правительство принять все необходимые меры в ответ на любое возможное расширение Грецией своих территориальных вод сверх шести морских миль.

Расширение территориальных вод до двенадцати морских миль повлекло бы за собой перераспределение акватории Эгейского моря между прибрежными государствами. На сегодняшний день в греческом пользовании находится 43,68% площади водной поверхности моря, в турецком — 7,47%. В случае введения 12-мильного принципа эта доля составит 71,53% для греков и всего 8,76% для турок. Открытое море при этом «сожмется» до 19,71%. Фактически Эгейское море превратится в греческие внутренние воды. Расширение территориальных вод до 12 морских миль вокруг многочисленных греческих островов, расположенных близ турецкого побережья, будет иметь для

Анкары следующие последствия: изоляция турецких портов в Эгейском море, в результате чего судам, желающим попасть в них, придется пересекать территориальные воды Греции; ослабление обороноспособности Турции, поскольку ее боевые корабли для того, чтобы войти в Эгейское море или выйти из него, вынуждены будут запрашивать соответствующее разрешение у греческой стороны; ВВС Турции также должны будут запрашивать разрешение Афин для пролета над частью акватории Эгейского моря; не считая узкой прибрежной полосы, Турция лишится континентального шельфа и исключительной экономической зоны; Турция утратит доступ к значительной части водных ресурсов Эгейского моря и потеряет все связанные с туристической и научной деятельностью преимущества, которыми она в настоящее время пользуется наравне с Грецией. Хотя одностороннее изменение ширины территориальных вод допускается третьей статьей Конвенции ООН по морскому праву, оно не является обязательным или автоматически вступающим в силу⁷.

Усилия по урегулированию спора

Стороны предпринимают усилия по урегулированию проблемы. В 1976 г. Греция вынесла вопрос делимитации Эгейского моря на рассмотрение Совета Безопасности ООН и в одностороннем порядке обратилась в Международный Суд ООН в Гааге. Турция отказалась предстать перед Судом, сославшись на непризнание его юрисдикции. Обе страны приступили к прямым переговорам по вопросу о континентальном шельфе и в ноябре 1976 г. подписали Бернский протокол, устанавливающий рамки для диалога по данной проблеме до передачи дела в Международный Суд. Но этот диалог не был завершен и прекратился в 1981 г. из-за непримиримой позиции Турции, как считает греческая сторона. Поэтому Бернский протокол, возможность практического применения которого напрямую зависела от хода переговоров, утратил свою актуальность⁸.

В 1999 г. Турция выступила с рядом инициатив. Так, министр обороны С. Чакмакоглу 26 сентября 1999 г. предложил сократить число учений в Эгейском море⁹. Тогда же Анкара предложила Афинам возобновить переговоры о мерах укрепления доверия. Турция и Греция вернулись к данным переговорам в конце 2000 г. по двум каналам — через постоянных представителей обеих стран при НАТО

и политических директоров МИД. На 2019 г. страны согласовали 19 мер укрепления доверия¹⁰.

В начале 2002 г. в рамках греко-турецкого сближения, начатого в 1999 г., Греция позитивно откликнулась на продолжающиеся призывы Турции к диалогу по эгейским вопросам. Министр иностранных дел Греции Г. Папандреу 28 января 2002 г. заявил, что Афины «в ближайшее время» начнут на уровне политдиректоров МИД переговоры с Турцией с целью достижения компромиссной формулы, открывающей возможность для передачи проблемы разграничения континентального шельфа Эгейского моря в Международный Суд в Гааге. В то же время Г. Папандреу пояснил, что для греческой стороны будет неприемлема передача в Международный Суд всего «пакета» двусторонних вопросов. Министр иностранных дел Турции И. Джем в тот же день ответил, что Анкара принимает цели «Повестки дня — 2000», предложенной ЕС, в том числе не исключает возможности обращения в Суд в Гааге по эгейским противоречиям. Греческая газета «Катимерини» («*Η Καθημερινή*»), правда, отметила, что высказывание И. Джема выдержано в ином ключе, нежели сделанные в Вашингтоне премьер-министром Турции Б. Эджевитом заявления о приоритете «политического» диалога над юридическим способом решения эгейского спора. Представитель греческого правительства Х. Протопапас, охарактеризовавший как «позитивное развитие» признание Турцией компетенции Международного Суда в Гааге, так же как и Г. Папандреу, подчеркнул, что Греция считает только проблему разграничения континентального шельфа тем вопросом, урегулирование которого может быть передано в Гаагу¹¹.

4 февраля 2002 г. в Нью-Йорке в рамках работы Всемирного экономического форума имела место встреча И. Джема с Г. Папандреу, в ходе которой обсуждалась тема разрешения спорных вопросов в Эгейском море¹². Они приняли решение начать «пробные контакты» между странами в целях поиска путей решения эгейских проблем. Первый из этих контактов, состоявшийся на уровне заместителей министров иностранных дел, прошел в Анкаре 12 марта 2002 г. Это был первый раунд так называемого «зондажного диалога» по проблемам Эгейского моря, согласованного главами внешнеполитических ведомств Турции и Греции 13 февраля 2002 г.¹³ Следующая встреча с участием представителей МИД двух стран с целью обсуждения Эгейских вопросов состоялась 12 апреля 2002 г.¹⁴ Во время очередного

раунда «зондажных» переговоров, начавшегося 3 июня 2002 г. в Афинах, поднималась проблема разграничения континентального шельфа и рассматривалась возможность передачи этого вопроса в Гаагский Международный Суд¹⁵. На всех этих переговорах Грецию представлял генеральный директор МИД по политическим вопросам посол А. Скопелитис, Турцию — генеральный директор МИД посол У. Зийял¹⁶.

Руководство Турции продолжало предпринимать усилия по прекращению конфронтации с Грецией, вызванной эгейским спором. Заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Турции А. Гюль посетил Афины 21–22 октября 2003 г. В ходе этой встречи стороны обменялись мнениями по всем аспектам двусторонних отношений между Турцией и Грецией. Поездка Р.Т. Эрдогана в Грецию 6–9 мая 2004 г. стала первым визитом туда премьер-министра Турции за 16 лет. В интервью греческим СМИ Р.Т. Эрдоган предложил прекратить полеты военных самолетов над Эгейскими островами или же осуществлять их под контролем НАТО. Он также призвал Турцию и Грецию к сотрудничеству, отметив, что дружба в Эгейском регионе пойдет на пользу обеим странам¹⁷.

В рамках «зондажных» переговоров до 2019 г. было проведено 36 заседаний¹⁸. Начатый в 2002 г. диалог с целью выяснения, существуют ли общая почва и условия для подготовки соглашения относительно делимитации континентального шельфа в Эгейском море, до сих пор продолжается.

В последнее время греко-турецкие отношения обострились из-за новых противоречий в Восточном Средиземноморье. В этих условиях в Турции довольно болезненно восприняли проведенные Грецией военные учения, развертывание войск на острове Кастелоризо (Мегисти-Мейс) и готовящееся соглашение об исключительной экономической зоне с Республикой Кипр, аналогичное спорной сделке Афин с Каиром. В довершение всего греческий премьер-министр К. Мицотакис в конце августа 2020 г. заявил о планах расширения территориальных вод страны в Ионическом море до 12 морских миль. В ответ вице-президент Турции Ф. Октай и министр иностранных дел М. Чавушоглу подняли резолюцию турецкого парламента 1995 г., предупреждая о последствиях любой попытки Греции расширить свои территориальные воды в Эгейском море до 12 морских миль. Незаконная ремилитаризация Грецией островов прямо у турецкого побережья, попытки превращения Эгейского моря в «греческое» и подрыв

влияния Турции в Восточном Средиземноморье являются «красными линиями» для турецких национальных интересов¹⁹.

По мнению турецких экспертов, одной из главных причин антитурецкой политики Греции является резкое изменение баланса сил между странами. Турция начала играть в «высшей лиге» и стала крупной региональной державой. Поэтому Греция пытается предотвратить дальнейшее усиление турецкого влияния в регионе и настойчиво провоцирует Анкару на новые конфликты²⁰.

Другой причиной исследователи считают превращение напряженности и кризиса в Восточном Средиземноморье в скоординированную кампанию по сдерживанию Турции в богатом энергоресурсами и стратегически значимом регионе. Сравнивая политику Греции и Израиля, они «максималистские претензии» Афин считают гораздо более абсурдными и нереалистичными, чем экспансионистскую повестку дня Тель-Авива. Греция находит постоянную и безоговорочную поддержку со стороны ЕС, независимо от того, насколько иррационально она действует. Это похоже на спонсирование Израиля со стороны США²¹.

Согласно заявлению Генерального секретаря НАТО от 3 сентября 2020 г., после его обсуждений с греческим и турецким лидерами оба союзника договорились вступить в технические переговоры в рамках Североатлантического блока с целью создания механизмов военного урегулирования конфликтов для снижения риска инцидентов и случайностей в Восточном Средиземноморье²². Турция согласилась на диалог. Премьер-министр Греции К. Мицотакис 13 сентября 2020 г. заявил, что готов к переговорам с турецким президентом, если напряженность между Афинами и Анкарой ослабнет. Он приветствовал возвращение турецкого сейсморазведочного судна «Орудж Рейс» (*Oruç Reis*) из Средиземного моря в порт Анталы и оценил его как «первый позитивный шаг»²³. Эти переговоры не направлены на урегулирование двусторонних споров, но могут предотвратить дальнейшую эскалацию напряженности.

Геополитический контекст греко-турецких разногласий

Очень важен геополитический аспект эгейского спора. Турецкий государственный и политический деятель, а также автор широко известной книги «Стратегическая глубина. Международное положение

Турции» А. Давутоглу тщательно исследовал этот вопрос. Он рассматривает Балканы как важнейший транзитный регион, соединяющий в направлении север — юг сухопутное пространство Центральной Евразии с богатым на ресурсы Ближним Востоком, а также с теплыми морями и Африкой. Эту же роль выполняют турецкие проливы, являющиеся морской транзитной зоной. А. Давутоглу считает, что внешнеполитическая стратегия Турции может заключаться в создании укрепленной «глубины», ядра с долгосрочными культурными, экономическими и политическими связями. Балканы являются одним из регионов ближнего сухопутного бассейна, в то время как Восточное Средиземноморье — ближний морской бассейн. Оба этих пространства вовлечены в сферу стратегических интересов Турции, являются ее «глубиной»²⁴.

Эгейское море представляет собой наиболее важное связующее звено между севером и югом на материке Афро-Евразии. В отличие от Красного моря и Персидского залива, которые имеют аналогичное значение, Эгейское море занимает оптимальное положение между тремя частями света и потому его первостепенную важность со стратегической точки зрения признают не только Турция, Греция и страны Причерноморья, но и все региональные и глобальные державы, которые нуждаются в транспортных и торговых связях с тремя континентами²⁵.

Значение Эгейского моря велико не только на глобальном, но и на региональном уровне. Оно соединяет Балканы с Анатолийским полуостровом и Ближним Востоком, обеспечивая их геополитическое, геостратегическое, геоэкономическое и геокультурное взаимодействие²⁶.

В этом море находятся тысячи островов, островков и скал. Принадлежность этих островов Греции делает политику Турции в стратегически важной для нее области в значительной мере уязвимой. Проблемы в Эгейском море проистекают из непреодолимого противоречия между геологическим строением региона и геополитической реальностью. Эгейские острова являются естественным продолжением Анатолийского полуострова. Но они принадлежат Греции, что дает ей преимущество в условиях текущего статус-кво. Ощутимая часть греческих островов достаточно близка к побережью Турции, чтобы их можно было использовать в качестве плацдарма для военных операций против нее. Кроме того, расположение этих островов

в водных коридорах, обеспечивающих проход судам Турции от Мраморного до Средиземного моря, создает очень серьезную угрозу безопасности Турции. Соединяющие Эгейское море со Средиземным проливы Скарпанто, Касос, Китхара, Спати, Карпатос и Мармарис ограничены этими островами, что существенно влияет на выстраивание Турцией транспортных коммуникаций от Черного и Мраморного до Средиземного моря²⁷.

Через порты Турции ежегодно проходят около 120 млн т грузов. Из них около 25% приходится на порты в Средиземном, 21% — в Эгейском, 41% — в Мраморном и 13% — в Черном море. В связи с этим трудно переоценить геоэкономическое значение Эгейского моря как переходного бассейна между Черным и Средиземным морями²⁸.

Сегодня между Восточной Европой, Адриатикой, Балканами, Эгейским морем, Восточным Средиземноморьем и Персидским заливом образуется очень динамичная зона взаимодействия, за которой Турции следует внимательно наблюдать и просчитывать ее развитие в среднесрочной и долгосрочной перспективе²⁹.

Таким образом, в основе греко-турецких разногласий лежат разные подходы к вопросу делимитации Эгейского моря. Этот вопрос затрагивает не только политические отношения, но также экономические и военные интересы двух стран. Эгейский спор обладает также важным геополитическим измерением, серьезно влияющим на региональное положение Турции и Греции.

Примечания

¹ *Ekinçi D.* Turkish Decision Making and the Balkans: Implications of Role Theory // Hüseyin İşiksal, Ozan Örneçi (eds.) Turkish Foreign Policy in the New Millennium. Frankfurt am Main: Peter Lang Imprint, 2015. P. 380.

² *İşiksal H.* Turkey-Greece Relations in the New Millennium // Hüseyin İşiksal, Ozan Örneçi (eds.) Turkish Foreign Policy in the New Millennium. P. 355.

³ Greek-Turkish dispute over the delimitation of the continental shelf // Hellenic Republic. Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://www.mfa.gr/en/issues-of-greek-turkish-relations/relevant-documents/delimitation-of-the-continental-shelf.html> (дата обращения 31.10.2019).

⁴ *Ibid.*

⁵ Perception of the Aegean Sea // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.mfa.gov.tr/perception-of-the-aegean-sea.en.mfa> (дата обращения 12.05.2019).

- ⁶ *İşiksal H.* Turkey-Greece Relations in the New Millennium // Hüseyin İşiksal, Ozan Örneçi (eds.) *Turkish Foreign Policy in the New Millennium*. P. 355–356.
- ⁷ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 194. Оп. 83. П. 261. Д. 10. Л. 52–54.
- ⁸ Greek-Turkish dispute...
- ⁹ АВП РФ. Ф. 167. Оп. 66. П. 103. Д. 2. Л. 49.
- ¹⁰ Recent Developments // Republic of Turkey. Ministry of Foreign Affairs. URL: <http://www.mfa.gov.tr/recent-developments.en.mfa> (дата обращения 12.05.2019).
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 167. Оп. 69. П. 111. Д. 3. Л. 5.
- ¹² АВП РФ. Ф. 194. Оп. 82. П. 257. Д. 7. Л. 38.
- ¹³ АВП РФ. Ф. 167. Оп. 69. П. 111. Д. 3. Л. 84.
- ¹⁴ АВП РФ. Ф. 194. Оп. 82. П. 257. Д. 7. Л. 51.
- ¹⁵ АВП РФ. Ф. 167. Оп. 69. П. 111. Д. 3. Л. 103–104.
- ¹⁶ АВП РФ. Оп. 70. П. 113. Д. 4. Л. 51.
- ¹⁷ *Маверина Ю. В.* Концепция Давутоглу и ее влияние на внешнюю политику Турции (2001–2011 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2014. С. 138.
- ¹⁸ Recent Developments...
- ¹⁹ *Duran B.* Greece comes to an impasse between West, neighbor Turkey // Daily Sabah. 2020. 02.09. URL: <https://www.dailysabah.com/opinion/columns/greece-comes-to-an-impasse-between-west-neighbor-turkey> (дата обращения 03.09.2020).
- ²⁰ *Ataman M.* What Greece wants from Turkey // Daily Sabah. 2020. 02.09. URL: https://www.dailysabah.com/opinion/columns/what-greece-wants-from-turkey?gallery_image=undefined#big (дата обращения 03.09.2020).
- ²¹ *Köse T.* With EU's unconditional support, Greece turns into a new Israel // Daily Sabah. 2020. 01.09. URL: https://www.dailysabah.com/opinion/columns/with-eus-unconditional-support-greece-turns-into-a-new-israel?gallery_image=undefined#big (дата обращения 03.09.2020).
- ²² NATO Secretary General statement on technical talks for de-confliction in the Eastern Mediterranean // NATO. 2020. 03.09. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_177733.htm (дата обращения 03.09.2020).
- ²³ Greek PM Mitsotakis says ready to discuss Eastern Mediterranean dispute with Turkey // Daily Sabah. 2020. 13.09. URL: <https://www.dailysabah.com/politics/diplomacy/greek-pm-mitsotakis-says-ready-to-discuss-eastern-mediterranean-dispute-with-turkey> (дата обращения 14.09.2020).
- ²⁴ *Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik. Türkiyenin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. S. 116.
- ²⁵ Ibid. S. 170–171.
- ²⁶ Ibid. S. 171.
- ²⁷ Ibid.
- ²⁸ Ibid. S. 172.
- ²⁹ Ibid. S. 175.

Глава 11

Греция и Турция: сотрудничество или соперничество в миграционной сфере?

Греческая Республика как полноправное государство — член Европейского союза, крайне заинтересована в стабилизации миграционной ситуации, которая сложилась за последние десять лет на европейском континенте. Между тем в Греции осознается тот факт, что ситуация в миграционной сфере может улучшиться только в случае стабилизации внутреннего положения стран, которые считаются основными «поставщиками» нелегальных мигрантов в Европу. В этом контексте Афины также понимают и необходимость налаживания переговорного процесса со своим непосредственным соседом — Турецкой Республикой, откуда в Грецию направляются многочисленные потоки нелегалов, прежде всего из Сирии и Афганистана.

Развитие современных греко-турецких отношений в миграционной сфере можно условно разделить на четыре периода.

Первый период длился с начала 2000-х по 2010 г., когда нелегалы попадали на территорию Греции через границы с Турцией достаточно свободно, предпочитая в основном проникновение с моря через многочисленные греческие острова, особенно в теплое время года. В среднем каждый год греческая полиция на турецком направлении задерживала около 30–32 тыс. человек. Однако к концу 2010 г. численность нелегалов существенно возросла, составив уже более 53 тыс. человек¹.

Второй период можно условно определить с 2011 по 2014 г. Начало этой фазы связано с «арабской весной», стартовавшей в Тунисе и охватившей соседние государства, со вспыхнувшими гражданскими войнами в Ливии и Сирии, а также другими событиями, которые

в одночасье всколыхнули огромный регион Ближнего Востока и Северной Африки. Спасаясь от многочисленных бед и несчастий, обычные люди стали покидать насиженные места и направляться в сторону более благополучного ЕС. Для проникновения на территорию ЕС в основном выбирались пограничные Греция, Италия или Испания, имеющие островные территории или выход к Средиземному морю, которое связывает европейский и африканский континенты. Между тем наиболее популярным у нелегалов по-прежнему оставался уже известный и опробованный ими ранее маршрут через греко-турецкие границы.

Видя значительное увеличение количества нелегалов, проникающих на греческую территорию, национальное правительство сосредоточилось прежде всего на обустройстве сухопутной границы с Турецкой Республикой. Хотя Греция и Турция естественным образом разделены рекой Эврос, между ними имелась 10-километровая полоса земли, через которую нелегалы спокойно пересекали границу пешком. Идея постройки высокого барьера с колючей проволокой вдоль границы, насчитывающей приблизительно 200 км, впервые была озвучена еще в самом начале 2011 г. Проект оказался весьма востребованным: от провозглашения замысла до его реализации прошло весьма незначительное время — строительство стены заняло чуть больше года (с октября 2011 по декабрь 2012 г.). Общая ее протяженность составила порядка 12,5 км. Надо сказать, что обустройство почти семиметрового в высоту барьера оказалось эффективным и оправдывающим затраченные на него 5,5 млн евро решением: если в сентябре 2011 г. через данную границу в Грецию проникли чуть больше 7 тыс. нелегалов, то за этот же месяц 2012 г. — всего 216 человек².

Параллельно со строительством стены началась реализация проектов, направленных на идентификацию и, как программа максимум, выдворение всех мигрантов, нелегально проживающих в Греции. Помимо операции «*Xenios Zues*» («Гостеприимный Зевс»), действовавшей на территории всей страны и нацеленной прежде всего на проверку документов у мигрантов, на турецком направлении реализовывалась особая операция «*Aspida*» («Щит»). Она была запущена в 2012 г. и действовала полтора года. Главная ее цель заключалась в контроле и сдерживании нелегальных мигрантов, проникающих в страну из Турции, для чего вводилось круглосуточное полицейское

патрулирование всего 200-километрового участка на греко-турецкой границе. Средства на реализацию программы выделялись не только из национального бюджета страны, но и из фондов ЕС.

Принятые правительством меры помогли существенно сократить количество нелегалов, проникавших в Грецию с территории Турции: в 2013 г. греческой полицией было зарегистрировано 12,5 тыс. нелегальных проникновений, что почти в 2,5 раза меньше, чем в 2012 г. (30,5 тыс.), и в 4 раза — чем в 2011 г. (55 тыс.).

К *третьему периоду* можно отнести время с 2015 по 2019 г. Именно на эти годы приходится пик миграционного кризиса не только в отдельно взятой Греции, но и в ЕС в целом. За этот период на греческую территорию сухопутным или морским путем из Турции проникли около 1,3 млн нелегалов. Максимальное количество мигрантов — почти 900 тыс. человек — было зафиксировано греческой полицией в 2015 г. Что касается национальностей иммигрантов, сирийцы составляли почти половину прибывших (наряду с афганцами, иракцами, пакистанцами, бангладешцами и др.).

Между тем следует справедливо заметить, что нелегалы не собирались в большинстве своем оставаться на территории Греции, поскольку она не была для них привлекательной страной ЕС. Греческая территория стала для них транзитной на пути к более благополучным Германии, Франции, Великобритании, Швеции и пр.

В сложившейся катастрофической ситуации наряду с другими южными государствами — членами Евросоюза (прежде всего, Италией и Испанией), которые, по сути, стали своеобразными воротами в Европу, Греция была заинтересована в ужесточении общеевропейского миграционного законодательства. По этим причинам Афины принимали активное участие в работе Евросоюза по улучшению морского законодательства, созданию различных европейских и международных программ и инициатив, затрагивающих миграционную политику (например, в пролонгации Стокгольмской программы, реализации Дублинского регламента, подписании Глобального договора о безопасной, упорядоченной и легальной миграции 2018 г. и т. д.)³.

Турция как соседняя страна, через которую в Грецию проникала львиная доля нелегалов, для Афин в миграционной политике занимала и продолжает занимать особое место. В связи с этим Греческая Республика внесла существенный вклад в переговорный процесс между Анкарой и Брюсселем. В результате сложнейших переговоров

18 марта 2016 г. ЕС и Турецкая Республика подписали соглашение по урегулированию миграционного кризиса⁴.

Основная суть договоренностей сводилась к принципу «один за одного»: после 20 марта 2016 г. каждого нелегального мигранта, пересекшего греко-турецкую границу через греческие острова, должны были возвращать в Турцию. При этом за каждого возвращенного из Греции в Турцию нелегального сирийца Евросоюз переселял на свою территорию одного легально зафиксированного сирийца из турецких лагерей беженцев. Приоритет отдавался мигрантам, которые ранее не въезжали или не пытались въехать в ЕС незаконно. По этой программе планировалось переселить не более 54 тыс. человек до конца 2018 г. (пункты 1–2 соглашения). На реализацию достигнутых договоренностей Евросоюз обещал выделить Анкаре из специального Фонда для беженцев 3 млрд евро к концу марта 2016 г. и дополнительные 3 млрд евро к концу 2018 г. (пункт 6).

Однако реальность такова, что в Греции процедуры возврата занимали долгое время, поэтому с 2016 по 1 октября 2019 г. только 2139 сирийцев отправились обратно в Турцию⁵. Дополнительно 600 сирийцев были высланы в соответствии с отдельным соглашением, заключенным между Анкарой и Афинами⁶. Кроме того, по внутренней договоренности Евросоюза из наиболее страдающих от наплыва нелегальных мигрантов Греции и Италии сирийцы перераспределялись в другие государства — члены ЕС. Так, 26,3 тыс. нелегалов из Сирии были переселены из Турции в Германию, Нидерланды, Францию, Финляндию и остальные страны ЕС⁷.

Между тем эти цифры (приблизительно 30 тыс. человек) кажутся каплей в море, так как на турецкой территории насчитывается, по разным оценкам, от 3 до 4 млн сирийских нелегалов, из которых только 1 % находится в специально оборудованных лагерях. Помимо прочего, большинство среди них, к сожалению, составляют дети⁸.

Четвертый период в греко-турецких отношениях в миграционной сфере начался с 2020 г.

Совсем недавно многие считали, что пик миграционного кризиса в ЕС фактически миновал, поскольку ситуация с нелегальными мигрантами начала постепенно стабилизироваться. Однако многие вопросы, связанные с получением прибывшими статуса беженца или лица, ищущего убежища, размещением в специальных лагерях и пр., до сих пор остаются на стадии урегулирования.

Тем временем в феврале — марте 2020 г. случилась очередная эскалация конфликта в сирийском Идлибе, где одним из активнейших участников стала Турция. Желая оказать давление на Европейский союз, чтобы Брюссель в итоге выразил политическую и дипломатическую поддержку Анкаре, и отмечая невыполнение со стороны Евросоюза достигнутых еще в 2016 г. договоренностей, правительство Реджепа Тайипа Эрдогана после турецко-сирийского вооруженного столкновения, в котором погибли 36 турецких военнослужащих, приняло решение открыть свои границы сирийцам для их беспрепятственного проникновения на территорию Греции и далее — в Евросоюз. При этом в случае возникновения неконтролируемого потока беженцев из Сирии сотрудникам турецкой полиции, береговой охраны и контрольных пограничных пунктов (КПП) было фактически дано указание не предпринимать никаких действий по их задержанию.

К 29 февраля 2020 г. более 7 тыс. человек собрались на греко-турецкой границе около КПП «Кастаниес» в пограничной префектуре Эврос (периферия Восточная Македония и Фракия). Беженцы предпринимали активные попытки проникнуть в Грецию по заблокированному греческими военными мосту, используя против них неизвестные химикаты. Пограничники в ответ время от времени были вынуждены применять слезоточивый газ и светошумовые гранаты для разгона толпы⁹.

В сложившейся кризисной ситуации премьер-министр Греции Кириакос Мицотакис провел экстренное совещание кабинета министров, итогом которого стало решение правительства приостановить на один месяц начиная с 1 марта 2020 г. подачу ходатайств о предоставлении убежища лицам, незаконно въезжающим в Грецию. Согласно принятому закону 4681/2020, «все лица, нелегально проникшие на греческую территорию с этого числа, будут возвращаться без регистрации в страну отправления или страну происхождения»¹⁰. Кроме того, планировалось повысить до максимального уровня меры по патрулированию и охране сухопутных и морских национальных границ, а также запросить помощи у Европейского союза в размещении так называемой *RABIT* (группы пограничных сил быстрого реагирования стран Евросоюза), так как «греческие границы являются общими границами ЕС»¹¹.

Одновременно был поднят давно назревший вопрос, связанный с переполненностью действующих лагерей для мигрантов, которые

расположены на материковой части страны и различных островах. Известно, что на конец февраля 2020 г. там находились 42 тыс. человек. За январь — февраль с островов удалось вывезти лишь малую толику беженцев (только 6 тыс. человек), используя ресурсы Международной организации по миграции либо путем предоставления убежища и перевода на континент.

В сложившейся обстановке в начале марта официальный представитель греческого правительства Стелиос Пекас сделал заявление, в котором отметил три существенных момента¹².

Во-первых, относительно проблемы переполненности лагерей Пекас заявил, что правительство Греции изучает вопрос о создании двух дополнительных закрытых центров для содержания нелегальных мигрантов и беженцев в Афинах и Салониках поблизости от местных аэродромов. Именно в эти новые центры и будут переводиться незаконные мигранты, прибывшие на греческие острова с 1 марта 2020 г.

Во-вторых, им указывалось, что среднее время, затраченное мигрантом на процедуры оформления необходимых документов (от первоначальной регистрации до принятия решения о предоставлении убежища), теперь будет сокращено почти в 7 раз — со 183 дней в 2019 г. до 27 дней в текущем году.

В-третьих, Пекас также сообщил, что будет устранена вопиющая проблема в политике предоставления греческого гражданства. «До сегодняшнего дня, — подчеркнул он, — любой, кто легально въехал в страну и подал прошение об убежище, мог получить греческое гражданство через семь лет. И при этом любой, кто проник незаконно, мог получить его через три года. Теперь по инициативе министра внутренних дел Такиса Теодорикакиса этот срок будет увеличен до семи лет».

Кроме того, для стабилизации обстановки и с целью перекрыть поток нелегалов, проникающих в Грецию через КПП «Кастаниес», правительство Греции 31 августа 2020 г. подписало контракт на укрепление существующего забора в Эвросе и строительство его продолжения общей протяженностью 27 км. Дополнительно планируется возведение восьми надземных обсерваторий для использования греческой армией. Кроме того, существующее ограждение будет усилено стальными перилами высотой 4,3 м вместо нынешних 3,5 м. На проект планируется потратить 63 млн евро. Точная дата

завершения строительства неизвестна, однако проект должен быть закончен в течение 2021 г.¹³

Для оказания давления на турецкое правительство и обеспечения безопасности на южных границах Евросоюза уже 3 марта главы Европейской комиссии, Европейского совета и Европарламента посетили греко-турецкую и болгаро-турецкую границы. По итогам визита было принято решение предоставить греческой стороне «дополнительные 700 млн евро для стабилизации обстановки, из которых 350 млн евро выделялись немедленно»¹⁴. Параллельно с этим председатель Европейского совета Шарль Мишель настоятельно призвал Турцию «полностью выполнять взятые на себя еще в 2016 г. обязательства»¹⁵.

Что касается статистических данных по учету прибывших в Грецию нелегалов за последние полтора года, то в стране было зафиксировано почти 16 тыс. новых беженцев, из которых 14,8 тыс. приходится на 2020 г. и 1,2 тыс. — на первое полугодие 2021 г.¹⁶

Разрешению кризисной ситуации в миграционной сфере между двумя соседними государствами в какой-то степени помогли три обстоятельства.

Прежде всего, необходимо упомянуть новую коронавирусную инфекцию, крупные очаги которой к концу зимы 2020 г. стали появляться не только в Китае и ближайших к нему странах, но и в Европе.

К примеру, первый случай на греческой территории был зафиксирован еще 26 февраля, на месяц позже, чем в соседней Италии. Греция фактически сразу приняла реактивные меры, запретив массовые мероприятия, закрыв для посещения места массового скопления граждан и образовательные учреждения различного уровня, а также приостановив в середине марта авиасообщение с основными на тот момент в ЕС очагами коронавирусной инфекции — Италией и Испанией. С 23 марта в Греческой Республике уже были введены жесткие меры по передвижению людей.

С учетом сложившейся в соседнем ЕС обстановки неудивительно, что 8 марта береговая охрана Турции запретила беженцам осуществлять переправы в государства ЕС через Эгейское море из-за угрозы их безопасности¹⁷. А 18 марта Анкара закрыла свои границы с Болгарией и Грецией¹⁸.

В связи с пандемией и ухудшением общей ситуации с коронавирусом 20 марта Еврокомиссия была также вынуждена временно

приостановить реализацию программ по расселению мигрантов из лагерей Греции и Италии по остальным странам сообщества с намерением возобновить этот процесс в кратчайшие сроки. К тому же, по словам представителя Еврокомиссии, «ситуация на границах Греции и Турции полностью нормализовалась»¹⁹.

Тем не менее к началу апреля коронавирусная инфекция все-таки проникла в лагерь, где размещаются мигранты. К примеру, только за этот месяц появились сообщения о нескольких десятках заболевших в лагерях беженцев Ризона (Центральная Греция), Краниди (Пелопоннес) и Малакаса (Аттика). Региональным властям пришлось ввести там строгий пропускной режим и 14-дневный карантин²⁰.

Вторым обстоятельством, переключившим внимание греческих политиков и общественности со сложившейся ситуации с потоками сирийских нелегалов, стали события июля 2020 г., когда храм Святой Софии в Стамбуле был из музея вновь превращен в действующую мечеть. Турецкий президент Р.Т. Эрдоган впервые высказал такое предположение еще в марте 2019 г.²¹ Однако только 10 июля 2020 г. национальный суд постановил вернуть Аие Софии статус мечети. В тот же день Р.Т. Эрдоган подписал соответствующий указ²². Первый за 86 лет пятничный намаз в храме прошел при личном участии турецкого президента и высокопоставленных членов его правительства ровно через две недели (24 июля).

Подобные действия Р.Т. Эрдогана вызвали бурную реакцию со стороны различных международных и конфессиональных организаций (ООН, ЕС, Всемирного совета церквей, поместных православных церквей и т. д.). Так, ЮНЕСКО сразу же заявила, что «Комитет всемирного наследия может пересмотреть статус собора»²³. Естественную негативную реакцию выразили официальные Афины, Элладская православная церковь и рядовые греческие граждане, для которых Аяя София является главным символом православной веры. В частности, К. Мицотакис заявил: «Греция категорически осуждает решение Турции превратить собор Святой Софии в мечеть... Это решение оскорбляет универсальный характер [собора], <...> а также всех, кто признает памятник достоянием мировой культуры»²⁴.

И, наконец, третье обстоятельство, отвлекшее греков от миграционной тематики, — это возникновение новых трений между Грецией и Турцией в августе 2020 г. теперь уже в сфере энергетики. Инцидент

возник, когда турецкое исследовательское судно «Орудж Рейс» (*Oruç Reis*) было отправлено к острову Кастелоризо для разведки и бурения нефтяных и газовых месторождений в водах, которые, по мнению Афин, попадают под греческую юрисдикцию. Стороны в попытках оказать давление друг на друга использовали демонстрацию военной силы через проведение военно-морских учений в спорных территориях, а также заключили договоры с третьими странами: Турция подписала соглашение о разграничении морских границ с Правительством национального согласия Ливии, а Греция — договор о демаркации морских зон с Египтом. Однако ни Анкара, ни Афины не признают договоренностей, которых достигла противоположная сторона. В итоге турецкое исследовательское судно возвратилось в национальные воды только 13 сентября.

В сложившейся ситуации Греции активную дипломатическую и военную поддержку оказали флагманы Евросоюза — Франция и Германия. Кроме того, ЕС попытался давить на Турцию, обсудив возможное введение общеевропейских санкций на внеочередном октябрьском саммите в Брюсселе. Между тем принятие новых ограничений в отношении Турции было отложено, их введение предполагалось «в начале декабря и только в том случае, если Анкара не покажет своей готовности приступить к равноправному и конструктивному диалогу» с Афинами и Никосией²⁵.

Возвращаясь к миграционной ситуации и отвечая на вопрос, все-таки соперничают или сотрудничают Греция и Турция в этой области, нужно отметить, что их скорее следует считать невольными соперниками, нежели заинтересованными соратниками, поскольку нелегальные мигранты из Сирии не нужны ни той, ни другой стороне. И каждая из них предпримет все усилия, чтобы переложить заботы о приеме, размещении и инклюзии нелегалов на плечи ближайших соседей.

Существенно осложняет и без того непростую ситуацию и вызывает оправданное беспокойство тот факт, что среди вновь прибывающих мигрантов могут оказаться боевики, воевавшие в различных террористических группировках, будущая противоправная деятельность которых значительно осложнит криминогенную ситуацию не только в Турции, но и в государствах ЕС. Помимо прочего, среди нелегалов обнаруживаются люди, больные коронавирусом, что приводит к резким всплескам заболевания не только в открытых миграционных лагерях, но и среди проживающего рядом с ними местного

населения. Не стоит забывать и о том, что очередная эскалация конфликта в Сирии и нагнетание ситуации с потоками сирийских беженцев не в первый и, к сожалению, не в последний раз послужит для правительства Р. Т. Эрдогана в его затянувшейся игре с НАТО и ЕС дополнительным козырем, способным склонить последних принять протурецкую позицию в спорных вопросах относительно Восточного Средиземноморья или Ближнего Востока.

Тем не менее хочется надеяться, что, вопреки застарелому историческому противостоянию и постоянно возникающим новым столкновениям, Греция и Турция смогут мирно сосуществовать друг с другом, найдя взаимоприемлемые решения в свете возможного улучшения общей обстановки в Средиземноморском регионе.

Примечания

¹ Στατιστικά στοιχεία παράνομης μετανάστευσης για το 2019 // Ελληνική Αστυνομία. URL: http://www.astynomia.gr/index.php?option=ozo_content&lang=&perform=view&id=93710&Itemid=2443&lang= (дата обращения 12.10.2020).

² Συλλήψεις μη νόμιμων μεταναστών στα ελληνοτουρκικά χερσαία σύνορα, ανά μήνα για τα έτη 2011–2012 // Ελληνική Αστυνομία. URL: http://www.astynomia.gr/images/stories//2012/statistics2012/paranomhmetanasteush/ethsia/2012ethsio_ana_mhna.JPG (дата обращения 12.10.2020).

³ См.: Миграционные проблемы в Европе и пути их решения / Под ред. Н. Б. Кондрачевой (отв. ред.), О. Ю. Потемкиной. М.: ИЕ РАН, 2015. (Сер. «Доклады ИЕ РАН». № 315). С. 81–86. URL: <http://www.instituteofeurope.ru/images/uploads/doklad/315.pdf> (дата обращения 01.05.2021); *Власова К. В.* Противодействие нелегальной миграции в Греции // Современная Европа. 2019. № 6. С. 164–166. DOI: 10.15211/sovereurope62019161171

⁴ EU-Turkey Statement. Brussels, 18 March 2016 // European Council. Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2016/03/18/eu-turkey-statement/> (дата обращения 12.10.2020).

⁵ Turkey — Migrant Presence Monitoring. Situation Report. September 2020 / IOM. P. 2. URL: <https://migration.iom.int/reports/turkey---migrant-presence-monitoring-situation-report-september-2020> (дата обращения 12.10.2020).

⁶ The EU-Turkey refugee agreement: A review // DW. URL: <https://www.dw.com/en/the-eu-turkey-refugee-agreement-a-review/a-43028295> (дата обращения 12.10.2020).

⁷ Turkey — Migrant Presence Monitoring... P. 2.

⁸ Ibid. P. 1.

⁹ Επιθέσεις με χημικά κατά των Ελλήνων αστυνομικών — Περισσότεροι από 7000 στις Καστανιές // Νέα της Θράκης. 2020. 29 II. URL: <https://www.thrakinea.gr/archives/148060> (дата обращения 12.10.2020).

¹⁰ Πράξη νομοθετικού περιεχόμενου. Αναστολή της υποβολής αιτήσεων χορήγησης ασύλου (Νόμος 4681/2020). Άρθρο 1.

¹¹ ΚΥΣΕΑ: Τα νέα μέτρα για την διαχείριση του προσφυγικού // Το Βήμα. 2020. 01.03. URL: <https://www.tovima.gr/2020/03/01/politics/synedriasi-kysea-en-anamoni-tis-dilosis-petsa/> (дата обращения 12.10.2020).

¹² Ενημέρωση πολιτικών συντακτών και των ανταποκριτών ξένου τύπου από τον Υφυπουργό παρά τω Πρωθυπουργώ και Κυβερνητικό Εκπρόσωπο Στέλιο Πέτσα. Αθήνα, 4 Μαρτίου 2020 // Ελληνική Δημοκρατία. Κυβέρνηση. URL: <https://government.gov.gr/enimerosi-politikon-sintakton-ke-ton-antapokriton-xenou-tipou-aro-ton-ifipourgo-para-to-prothipourgo-ke-kivernitiko-ekprosopo-stelio-petsa/> (дата обращения 12.10.2020).

¹³ Σουλιώτης Γ. Θωράκιση της ΕΛ.ΑΣ. και κατασκευή νέου φράχτη στον Έβρο // Η Καθημερινή. 2020. 14.09. URL: <https://www.kathimerini.gr/politics/561076984/thorakisi-tis-el-as-kai-kataskevi-neoy-frachti-ston-evro/> (дата обращения 12.10.2020); Construction of Evros Border Fence to Be Completed within Months // Greek City Times. 2020. 30.12. URL: <https://greekcitytimes.com/2020/12/30/evros-border-to-be-completed-soon/> (дата обращения 15.05.2021).

¹⁴ Press Remarks by Vice-President Schinas on Immediate Actions to Support Greece. Brussels, 4 March 2020 // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/STATEMENT_20_395 (дата обращения 12.10.2020).

¹⁵ Δηλώσεις του Πρωθυπουργού Κυριάκου Μητσοτάκη στις Καστανιές Έβρου μετά την επίσκεψή του με τους επικεφαλής των θεσμών της Ευρωπαϊκής Ένωσης στα ελληνοτουρκικά σύνορα. Αθήνα, 3 Μαρτίου 2020 // Ελληνική Δημοκρατία. Πρωθυπουργός. URL: <https://primeminister.gr/2020/03/03/23447> (дата обращения 12.10.2020).

¹⁶ Arrivals to Greece. 3 May 2021 // Flow Monitoring. URL: <https://migration.iom.int/europe?type=arrivals> (дата обращения 15.05.2021).

¹⁷ Turkey to Stop Migrants from Risky Sea Crossings // Hürriyet Daily News. 2020. 08.03. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/turkey-to-stop-migrants-from-risky-sea-crossings-152800> (дата обращения 12.10.2020).

¹⁸ Turkey: Government Shuts Land Borders with Greece and Bulgaria Due to COVID-2019 // Garda World. 2020. 18.03. URL: <https://www.garda.com/crisis24/news-alerts/324246/turkey-government-shuts-land-borders-with-greece-and-bulgaria-due-to-covid-19-march-18-update-8> (дата обращения 12.10.2020).

¹⁹ ЕС приостановил расселение мигрантов по странам сообщества // ТАСС. 2020. 20.03. URL: <https://tass.ru/obschestvo/8036871> (дата обращения 12.10.2020).

²⁰ Κοροναϊός: Συναγερμός και ανησυχία στη Ριτσώνα για τα κρούσματα κοροναϊού // Τα Νέα. 2020. 03.04. URL: <https://www.tanea.gr/2020/04/03/greece/koronaios-synagermos-kai-anisychia-sti-ritsona-gia-ta-krousmata-koronaioy/> (дата обращения 12.10.2020); Κοροναϊός: Σε εξέλιξη η δειγματοληψία στην προσφυγική δομή στο Κρανίδι // Τα Νέα. 2020. 20.04. URL: <https://www.tanea.gr/2020/04/20/greece/koronaios-sekseliksi-i-deigmatolipsia-stin-prosfygiki-domi-sto-kranidi/> (дата обращения 12.10.2020);

Κοροναϊός: Το έσκασαν 5 άτομα που βρίσκονταν σε каранτίνα στη δομή μεταναστών στη Μαλακάσα // Η Εφημερίδα. 2020. 24.04. URL: <https://www.iefimerida.gr/ellada/koronoios-4-atoma-efygan-aro-domi-metanaston-malakasa> (дата обращения 12.10.2020).

²¹ Hagia Sophia Can Be Reverted to a Mosque: Erdoğan // Hürriyet Daily News. 2019. 25.03. URL: <https://www.hurriyetdailynews.com/hagia-sophia-can-be-reverted-to-a-mosque-erdogan-142153> (дата обращения 12.10.2020).

²² Αγία Σοφία: Ανοίγουν τις πύλες να προσευχηθούν οι μουσουλμάνοι στις 24 Ιουλίου // Τα Νέα. 2020. 10.07. URL: <https://www.tanea.gr/2020/07/10/world/>

agia-sofia-anoigoun-tis-pyles-na-proseyxithoun-oi-mousoulmanoï-stis-24-iouliou/ (дата обращения 12.10.2020).

²³ Η UNESCO θα επανεξετάσει το καθεστώς της Αγίας Σοφίας // Η Καθημερινή. 2020. 10.07. URL: <https://www.kathimerini.gr/world/1086999/i-unesco-tha-erapexetasei-to-kathestos-tis-agias-sofias/> (дата обращения 12.10.2020).

²⁴ Κυρ. Μητσοτάκης: Προσβολή η μετατροπή της Αγίας Σοφίας σε τζαμί // Η Καθημερινή. 2020. 10.07. URL: <https://www.kathimerini.gr/politics/1087004/kyr-mitsotakis-prosvoli-i-metatropi-tis-agias-sofias-se-tzami/> (дата обращения 12.10.2020).

²⁵ Brussels European Conclusions. Brussels, 2 October 2020. Articles 20–21 // European Council. Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/45910/021020-euco-final-conclusions.pdf> (дата обращения 12.10.2020).

Глава 12

Турецкий фактор в греко-российских отношениях в 2010-е гг.

Второе десятилетие XXI в. было непростым для Греции, России и Турции. Греция оказалась в тисках глубокого финансово-экономического кризиса; Россия столкнулась с целым рядом внешнеполитических вызовов, в том числе с санкциями ЕС и США; Турция также находилась в запутанных отношениях со странами Запада. Сложная международная обстановка сказывалась и на двустороннем взаимодействии между данными странами. В данной главе рассмотрены греко-российские экономические отношения в 2010-е гг. с учетом различных внешнеполитических и внешнеэкономических обстоятельств, не последнюю роль среди которых играл и турецкий фактор.

Финансово-экономический кризис

2010-е гг. в Греции обозначаются современными исследователями как «эпоха меморандумов». Греция столкнулась с беспрецедентным финансово-экономическим кризисом, выход из которого полностью контролировался тремя меморандумами, подписанными греческим правительством и «тройкой» кредиторов — Еврокомиссией, Европейским центральным банком и Международным валютным фондом. Долговые проблемы страны сопровождались серьезной рецессией, не позволявшей Греции укреплять — или хотя бы поддерживать на прежнем уровне — экономические связи со своими партнерами, в том числе с Россией. Дополнительным поводом для беспокойства было неизменное турецкое присутствие

в регионе и многовекторное — а зачастую и довольно продуктивное — российско-турецкое сотрудничество.

По словам главы МИД России С. В. Лаврова, отношения между Россией и Грецией «всегда строились на прочной основе взаимного доверия и симпатии»¹. Эта дружба традиционно стоит на трех столпах — общности религии, истории и культуры, а также подчеркивается представлением, что Россия всегда оказывала Греции поддержку в трудные моменты². Не случайно в годы кризиса греки неоднократно обращались к идее получения финансовой помощи от России. Однако такой сценарий являлся заведомо нереализуемым в существовавшей международной обстановке: для России помощь Греции обернулась бы очередным конфликтом с Западом, и в этой ситуации ей выгоднее было занять нейтральную позицию³. Греция же не имела возможности проводить самостоятельную экономическую политику без учета мнения «тройки» кредиторов⁴.

Военно-техническое сотрудничество

В целом в начале 2010-х гг. Греция — вынужденно или добровольно — проводила откровенно прозападную политику, и на этом фоне имело место стремительное охлаждение греко-российских отношений. Это проявилось во многих сферах, в том числе и в военно-техническом сотрудничестве между странами.

На протяжении десятилетий военные расходы Греции были традиционно высокими в силу непростых и зачастую даже враждебных отношений с Турцией. Долгое время Греция являлась единственной страной НАТО, которая покупала вооружение у России (с этой точки зрения парадоксально и одновременно показательным, что впоследствии второй такой страной стала как раз Турция). В 2010 г. с целью решения долговых проблем Греция вынужденно начала сокращать государственные расходы, в том числе в военной сфере. Она отказалась от некоторых контрактов на поставки вооружения из других стран, среди которых значилась и Россия⁵. В течение второго десятилетия XXI в. греко-российское военно-техническое сотрудничество продолжило сокращаться и в настоящее время сведено к минимуму⁶.

Сокращение Афинами военных расходов существенно повлияло и на греко-турецкие отношения, поскольку соотношение сил заметно

сместилось в пользу Анкары⁷. Это увеличивало вероятность войны, избежать которой в последние десятилетия удавалось именно благодаря относительному паритету двух стран, а также их членству в НАТО.

Тем более серьезным вызовом для Греции стало российско-турецкое сближение⁸, наметившееся в последние годы, в том числе совместные действия двух стран в ходе урегулирования сирийского конфликта. Ударом для Афин оказалась сделка между Россией и Турцией по передаче в 2019 г. зенитных ракетных систем С-400 «Триумф»⁹. Размещение С-400 в Турции, с точки зрения Москвы, не имеет никакого отношения к Греции и не должно негативно повлиять на греко-турецкие отношения, однако Греция, напротив, воспринимает его как угрозу своей национальной безопасности, поскольку оно позволит Анкаре контролировать воздушное пространство над Эгейским морем¹⁰. Греческая сторона несколько раз за последние годы на официальном уровне высказывала беспокойство относительно укрепления военно-технического сотрудничества между Москвой и Анкарой¹¹, и в целях защиты от возможной турецкой агрессии начала усиливать военно-техническое сотрудничество с США, подписав в октябре 2019 г. соглашение об открытии новых военных баз США на своей территории¹² (разумеется, с точки зрения Афин, эти военные базы направлены именно против Турции, а не против России).

Таким образом, взаимные выгоды греко-российского военно-технического сотрудничества в настоящее время становятся все более неочевидными¹³, в то время как российско-турецкие контакты в этой сфере, напротив, укрепляются¹⁴.

Энергетика

Равным образом в 2010-е гг. произошло смещение акцентов в сфере энергетики. В первое десятилетие XXI в. активно развивались совместные греко-российские проекты, такие как газопровод «Южный поток» и нефтепровод «Бургас — Александруполис»¹⁵. Однако потепление отношений между странами во второй половине 2000-х гг. сменилось их фактической заморозкой на фоне осложнения международной обстановки уже в начале 2010-х гг., и данные энергетические проекты так и остались нереализованными — в значительной

мере по вине Евросоюза, противившегося усилению влияния России на Балканах¹⁶.

После этого Россия начала строительство «Турецкого потока», который стал альтернативой «Южному потоку». В начале 2020 г. газопровод был успешно введен в эксплуатацию. Еще в 2015 г. Греция выражала заинтересованность в участии в проекте¹⁷, предлагая продолжить строительство «Турецкого потока» до Италии. Эта идея актуальна до сих пор: существует проект подводного газопровода «Посейдон», по которому рассматривается возможность поставок газа из «Турецкого потока». Тем не менее в настоящее время перспективы развития греко-российских отношений в данном направлении неясны, в отличие от вполне реального российско-турецкого сотрудничества.

В рамках курса ЕС на диверсификацию поставок энергоресурсов Греция активно участвует в конкурирующих с российскими проектах. Так, в конце 2020 г. было завершено строительство Трансадриатического газопровода (*TAP*), по которому газ из Прикаспия и с Ближнего Востока идет через Грецию, Албанию и далее по дну Адриатического моря до Италии. *TAP* является частью Южного газового коридора, продолжающей Южно-Кавказский (Азербайджан – Грузия – Турция) и Трансанатолийский газопроводы (Турция). Запуск *TAP* позволил Греции значительно уменьшить зависимость от российского газа.

Кроме того, Греция активно борется за право разрабатывать месторождения природного газа, открытые в Восточном Средиземноморье, и участвовать в новых проектах по транспортировке энергоресурсов. К примеру, Греция, Кипр и Израиль, вместе составляющие «энергетический треугольник» Восточного Средиземноморья, совместно разрабатывают проект газопровода *EastMed*, по которому планируется поставлять газ из месторождений Кипра и Израиля через Грецию в Италию¹⁸ и таким образом конкурировать с Россией.

Греция также имеет шанс стать самостоятельным производителем энергии. В настоящее время ведется многообещающая разведка шельфа Крита. Кроме того, крупные месторождения газа были обнаружены у берегов Кипра, что летом 2020 г. в очередной раз поставило Грецию и Турцию на грань войны. Показательно, что Россия в данном греко-турецком споре традиционно занимает нейтральную позицию.

Инвестиционное сотрудничество

В 2010-е гг. существенно изменились потоки международных инвестиций. Греция в ситуации кризиса активно искала внешние источники вливаний в экономику, в том числе за пределами ЕС. Ключевым инвестором для страны стал Китай, который рассматривал Грецию как региональный центр для укрепления своего присутствия в Европе¹⁹. Китай не претендовал на изменение евро-атлантической ориентации Греции: Афины продвигали совместные с Китаем проекты только с оглядкой на Брюссель и Берлин и избегали инициатив, противоречивших интересам ЕС. В 2018 г. Греция начала сотрудничество с Китаем в рамках проекта «Один пояс — один путь», а порт Пирей оказался одной из его базовых точек.

Россия также стремилась утвердиться в Греции через инвестиционное сотрудничество, в том числе через попытки участвовать в приватизации крупных объектов греческой государственной собственности²⁰. Так, «Газпром» и нефтедобывающая группа «Синтез» рассматривали возможность приватизации греческой газовой компании *DEPA* и дочерней газотранспортной компании *DESFA*, что обеспечило бы России монопольное положение на газовом рынке Греции; но в 2013 г. сделка сорвалась²¹. Таким образом, и во втором десятилетии XXI в. Россия, несмотря на проявлявшийся интерес, вновь не получила доступ к ключевым отраслям греческой экономики. Причинами такого положения вещей следует назвать, во-первых, нежелание руководства ЕС допускать российский бизнес в сферу своего влияния, а во-вторых, неготовность самого российского бизнеса инвестировать в проекты с неясными перспективами — а иных перспектив в охваченной кризисом Греции и не следовало ожидать. Напротив, российско-турецкое инвестиционное сотрудничество активно развивается, в качестве примера можно упомянуть подписанное в 2010 г. правительствами двух стран соглашение о строительстве атомной электростанции Аккую²² (реализация проекта начата в 2018 г.).

Общий уровень прямых иностранных инвестиций из России в Грецию и в обратном направлении в 2010-е гг. оставался крайне незначительным²³ даже в сравнении с другими странами Балкан (например, с Болгарией, Сербией или Черногорией), и гораздо более важную роль в данном случае для России играет Турция (табл. 12.1, 12.2).

Таблица 12.1. Прямые инвестиции из России в Грецию, Турцию и другие страны Балкан (участие в капитале) (млн долл. США)²⁴

Страна прямого инвестирования	01.01. 2014	01.01. 2015	01.01. 2016	01.01. 2017	01.01. 2018	01.01. 2019	01.01. 2020
Албания	1	5	5	5	5	6	–
Болгария	2782	3048	3153	3164	3236	3006	2862
Босния и Герцеговина	33	36	26	15	18	–	–
Греция	550	644	616	670	716	653	654
Республика Северная Македония	1	1	1	1	1	1	–
Румыния	20	23	21	21	20	20	–
Сербия	1166	–	–	–	–	1256	1548
Турция	5251	7182	7094	8865	9428	8162	5626
Хорватия	321	317	313	319	448	443	491
Черногория	1162	1263	1265	1277	1288	1296	1305

Таблица 12.2. Прямые инвестиции в Россию из Греции, Турции и других стран Балкан (участие в капитале) (млн долл. США)²⁵

Страна прямого инвестора	01.01. 2014	01.01. 2015	01.01. 2016	01.01. 2017	01.01. 2018	01.01. 2019	01.01. 2020
Албания	11	7	–	0	–	–	–
Болгария	33	19	17	78	71	66	88
Босния и Герцеговина	1	–	–	–	–	–	–
Греция	9	86	80	166	45	41	47
Республика Северная Македония	–	–	–	4	5	4	4
Румыния	1	0	0	4	4	3	4
Сербия	169	26	40	149	162	145	165
Турция	333	358	400	1030	1013	961	1317
Хорватия	2	2	3	41	52	49	87
Черногория	20	9	–	–	16	15	–

Торговые отношения

Торгово-экономические отношения между Россией и Грецией также серьезно изменили свою динамику за последние годы под влиянием внешнеполитических факторов. Их потенциал раскрыт далеко не полностью. Если в благополучное предкризисное десятилетие торгово-экономическое сотрудничество между Россией

и Грецией пусть медленно, но укреплялось²⁶, то с началом мирового финансово-экономического кризиса отмечался его спад: уже по итогам 2009 г. товарооборот снизился на 45 %²⁷. В последующие годы имел место незначительный рост товарооборота²⁸, однако на докризисный уровень он так и не вышел и был связан скорее с общим выравниванием экономической конъюнктуры, нежели с дальнейшим развитием торгово-экономического сотрудничества между Россией и Грецией.

Начиная с середины 2010-х гг. на торгово-экономические отношения двух стран сильно повлияло ухудшение отношений России и Запада. Под давлением Евросоюза и НАТО Греция продолжила тенденцию отдаления от России²⁹, однако Афины сохраняли более лояльное отношение к Москве, чем большинство остальных стран ЕС³⁰. Греция даже заявляла (впрочем, голословно) о желании выступить посредником между Евросоюзом и Россией — стать своеобразным мостом, соединяющим эти две важнейшие точки современного многополярного мира³¹. Причина стремления Афин сохранить как минимум нейтральные отношения с Москвой заключается в том, что Греция сильно пострадала из-за эмбарго на ввоз в РФ сельскохозяйственной продукции из стран Евросоюза, введенного в ответ на санкции Запада³². Двусторонний товарооборот между странами существенно уменьшился (в 2014 г. почти на 40 % по сравнению с предыдущим годом), в том числе за счет сокращения экспорта продуктов питания³³. После 2015 г. появились новые импульсы роста торгово-экономических отношений между Россией и Грецией³⁴, объясняемые приходом в Греции к власти относительно более про-российски настроенных политических сил (партия СИРИЗА), а также адаптацией экономик двух стран к новым реалиям санкций и продуктового эмбарго.

Продуктовое эмбарго было введено 1 января 2016 г. и в отношении Турции³⁵ после трагических событий 24 ноября 2015 г., когда истребитель турецких ВВС сбил российский бомбардировщик Су-24. Однако уже осенью 2016 г., после официальных извинений Р. Т. Эрдогана за сбитый самолет, ограничения начали постепенно сниматься. В отношении Греции (как страны ЕС) продуктовое эмбарго действует вплоть до настоящего времени (весна 2021 г.).

Туризм

Еще одной зоной столкновения экономических интересов стал туризм. Для Греции, понесшей значительные репутационные потери из-за кризиса (не последнюю роль здесь сыграли масштабные акции протеста, не прекращавшиеся в стране на протяжении почти всего периода 2010-х гг.), было крайне важной задачей сохранить имидж привлекательного туристического направления. В туризме заняты около 25 % граждан Греции, этот сектор обеспечивает до 20 % ВВП страны³⁶, и в условиях рецессии и растущей безработицы сохранение докризисных позиций являлось вопросом выживания.

В частности, важную роль сыграли попытки привлечения новых туристов из России³⁷, и отчасти этого удалось добиться. В 2010 г. туристический поток из России в Грецию составил 370 тыс. человек³⁸, в 2012 г. — уже почти вдвое больше, 690 тыс. человек. В 2013 г. Грецию посетили 1,17 млн туристов из России, и страна заняла 3-е место среди наиболее привлекательных для российских граждан туристических направлений после Турции и Египта³⁹ (в 2012 г. — 7-е место). В 2014 г. тенденция сохранилась (1,02 млн туристов), а в 2015 г. началось резкое сокращение туристического потока из России (660 тыс. человек) в связи с экономическим кризисом и девальвацией рубля⁴⁰. Ситуацию отчасти «исправил» 2016 г., когда, несмотря на продолжающийся кризис, количество приезжающих в Грецию российских граждан выросло, во-первых, из-за запрета на чартерные перевозки между Россией и Турцией в связи с уже упомянутым конфликтом из-за сбитого российского бомбардировщика Су-24, а во-вторых, в результате временного прекращения авиасообщения с Египтом после крушения 31 октября 2015 г. над Синаем самолета российской авиакомпании «Когалымавиа»⁴¹. Однако вернуться к показателям благополучных 2013–2014 гг. Греции так и не удалось: к примеру, в 2017 г. число туристов из России составило 856 тыс. человек⁴².

Поток российских туристов в Турцию оставался намного более масштабным: он составлял 3–4,5 млн человек в год на протяжении первой половины 2010-х гг. и лишь в 2016 г. резко сократился — до 866 тыс. человек. Однако в последующие годы (до начала пандемии COVID-19) наметилась тенденция стремительного роста числа приезжающих в Турцию туристов из России: в 2017 г. страну посетили 4,7 млн российских граждан, в 2019 г. — уже более 7 млн⁴³.

Таким образом, турецкое туристическое направление остается для россиян более привлекательным, чем греческое, ввиду большей финансовой доступности, безвизового режима⁴⁴ и ряда других факторов. Ситуацию на глобальном уровне еще более осложнила пандемия. Но если в 2020 г. количество российских туристов в Греции оказалось минимальным, то Турция, несмотря на введенные ограничения, сохранила статус страны, наиболее привлекательной для туристов из России.

* * *

На экономических отношениях между Россией и Грецией во втором десятилетии XXI в. сильно сказались внешнеэкономические и внешнеполитические обстоятельства. Для Греции главным сдерживающим фактором стал последний мировой финансово-экономический кризис, повлекший за собой долговой кризис внутри страны и поставивший ее на грань дефолта; выход из кризиса сопровождался жестким контролем всех сфер греческой экономики «тройкой» кредиторов. Для России в 2010-е гг. характерна динамика ухудшения отношений с Западом по многим направлениям, что повлияло и на греко-российские экономические связи, которые оказались в итоге почти «замороженными».

Так, усилившаяся зависимость Греции от ЕС и НАТО вынудила страну фактически свернуть военно-техническое сотрудничество с Россией. По этим же причинам политического характера не были реализованы перспективные совместные энергетические проекты, разрабатывавшиеся еще в 2000-е гг., и новых импульсов в данной сфере в настоящее время не предвидится. Равным образом евро-атлантическими структурами в Грецию почти не допускается российский крупный бизнес — во избежание распространения российского влияния в ключевых сферах греческой экономики. Ряд ограничений появился и в торговых отношениях между странами: ответом на санкции Запада стало введение Россией эмбарго на ряд продуктов питания из Европы, а это сильно ударило по Греции как по экспортеру сельхозпродукции. Наконец, не оправдался расчет Греции на привлечение дополнительных доходов благодаря туризму: несмотря на определенную положительную динамику, для российских туристов по-прежнему являются более привлекательными другие направления, а начавшаяся в 2020 г. пандемия COVID-19 и вовсе нанесла непоправимый

ущерб всей отрасли на глобальном уровне. Таким образом, премьер-министр Греции К. Мицотакис очень четко расставил акценты в современных греко-российских отношениях с учетом внешней расстановки сил: «Греция имеет устойчивую западную ориентацию в качестве члена НАТО и ЕС, в то же время причины исторического, религиозного и культурного характера позволяют ей иметь функциональные и продуктивные взаимовыгодные отношения с Россией»⁴⁵.

Одновременно Россия начала (не без препятствий) выстраивать более партнерские — в том числе и в экономическом плане — отношения с Турцией, что Грецией ревниво расценивалось, по меткому выражению обозревателя газеты «Катимерини» («Н Καθημερινή») Никоса Констандараса, как «брак по расчету между Москвой и Анкарой»⁴⁶. Так, Россия договорилась с Турцией о продаже С-400 и о строительстве атомной электростанции Аккую, страны успешно запустили в эксплуатацию «Турецкий поток», постепенно наращивают объем взаимных инвестиций, развивают торговые отношения и активно (хоть и не без «провалов», связанных с охлаждением политических отношений, а также с пандемией) взаимодействуют в сфере туризма.

Расширение российско-турецкого сотрудничества во многих областях экономики затрагивает интересы Греции, в том числе касающиеся национальной безопасности. Это, в свою очередь, провоцирует дальнейший разрыв в отношениях между Москвой и Афинами, а также отчасти становится причиной продолжения роста напряженности между Турцией и Грецией, отношения которых и без того далеки от добрососедских. Таким образом, в современных греко-российских отношениях неизбежно присутствует турецкий фактор, и не учитывать его в текущей геополитической обстановке нельзя. Его невозможно оценить однозначно как позитивный или негативный: с одной стороны, проблемы российско-турецких и греко-турецких отношений косвенно позволяли развивать греко-российское сотрудничество, а с другой — сдерживали его.

Примечания

¹ Интервью Министра иностранных дел России С. В. Лаврова греческой газете «Катимерини», 2 декабря 2009 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2009. 02.12. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/gr/-/asset_publisher/D4tBbKa1q61C/content/id/271058 (дата обращения 01.04.2021).

² *Filis C.* Orthodox myths: Greece's pragmatic approach towards Russia // European Council on Foreign Relations (ECFR). 2018. 29th October. URL: https://www.ecfr.eu/article/commentary_orthodox_myths_greeces_pragmatic_approach_towards_russia (дата обращения 01.04.2021).

³ *Dokos Th.* Greek foreign policy under the Damocles sword of the economic crisis // Konrad Adenauer Stiftung. 2015. No. 02; 03.04. P. 4. URL: <https://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/2015/04/Katoptron.pdf> (дата обращения 01.04.2021).

⁴ *Kuznetsov N.G., Savvidy I.I., Rodionova N.D., Tsepilova E.S.* Economic cooperation of Russia and Greece during the sanction restrictions period and the policies to strengthen the integration process // European Research Studies. 2017. Vol. XX. Iss. 1. P. 26. URL: https://www.ersj.eu/repec/ers/papers/17_1_p2.pdf (дата обращения 01.04.2021).

⁵ *Καλιμνα Η.* Συνтрудничество России и НАТО: проблемы и перспективы // *Μировая экономика и международные отношения.* 2010. № 11. С. 70; *Tziampiris A.* Greek foreign policy and Russia: political realignment, civilizational aspects, and realism // *Mediterranean Quarterly.* 2010. Vol. 21. No. 2. P. 78–89. DOI: 10.1215/10474552-2010-006; *Filis C.* Orthodox myths.

⁶ Интервью Посла России в Греции А. М. Маслова информационному агентству ТАСС, 3 декабря 2018 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2018. 04.12. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/gr/-/asset_publisher/D4tBbKa1q61C/content/id/3426753 (дата обращения 01.04.2021).

⁷ *Χαλλονιάς Κ.* Η εξωτερική πολιτική της Ελλάδας κατά την περίοδο της κρίσης // *SSRN.* 2017. Σ. 14. DOI: 10.2139/ssrn.3094350

⁸ *Michalopoulos S.* Greece-Russia ties shaken, Turkey pulls the strings // *EURACTIV.* com. 2018. 20.07. URL: <https://www.euractiv.com/section/enlargement/news/greece-russia-ties-shaken-turkey-pulls-the-strings/> (дата обращения 01.04.2021).

⁹ *Παπακωνσταντίνου Π.* Ρώσος πρέσβης: «Ρωσία και Ελλάδα γύρισαν σελίδα» // *ΗΚαθημερινή.* 2018. 20.12. URL: <http://www.kathimerini.gr/1001052/article/epikairothta/politikh/rwsos-presvhs-rwsia-kai-ellada-gyrisan-selida> (дата обращения 01.04.2021).

¹⁰ *Apostolakis says Turkey's purchase of S-400 system is a concern* // *ekathimerini.* com. 2019. 19.04. URL: <https://www.ekathimerini.com/news/239712/apostolakis-says-turkey-s-purchase-of-s-400-system-is-a-concern/> (дата обращения 01.04.2021).

¹¹ *Προτάσσοντας το εθνικό συμφέρον: Νηφάλια και σταθερά* // *Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών.* 2018. 10 Αυγούστου. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/diloseis-omilies/protassontas-to-ethniko-sumpheron-nephalia-kai-stathera.html> (дата обращения 01.04.2021); *Δηλώσεις Πρωθυπουργού και Υπουργού Εξωτερικών, Αλέξη Τσίπρα, στην κοινή συνέντευξη τύπου με τον Πρόεδρο της Ρωσικής Ομοσπονδίας, Vladimir Putin (Μόσχα, 7.12.2018)* // *Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών.* 2018. 07 Δεκεμβρίου. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/proto-thema/deloseis-prothypourgou-kai-upourgou-exoterikon-alexetsipra-sten-koine-sunenteuxe-typou-me-ton-proedro-tes-rosikes-omospondias-vladimir-putin-moskha-7122018.html> (дата обращения 01.04.2021).

¹² *Гасюк А.* США укрепляют военное присутствие в Греции // *Российская газета.* 2019. 06.10. Фед. вып. № 224 (7982). URL: <https://rg.ru/2019/10/05/ssha-ukrepliait-voennoe-prisutstvie-v-greicii.html> (дата обращения 01.04.2021).

¹³ *Κωνσταντίνος Φ.* Ελληνορωσικές σχέσεις σε νέο περιβάλλον // *Το Βήμα.* 2018. 09.12. URL: https://www.tovima.gr/printed_post/ellinorosikes-sxesiseis-se-neo-perivallon/ (дата обращения 01.04.2021).

¹⁴ *Grigoriadis Th., Vlantis I.* Greek-Russian Relations I: Foreign Policy and Diplomacy // ELIAMEP Working Paper. 2014. No. 54; September. P. 2, 11. URL: https://www.eliamep.gr/wp-content/uploads/2014/09/54_2014_-WORKING-PAPER_-Theoharis-Grigoriadis.pdf (дата обращения 01.04.2021).

¹⁵ *Kalinkov K.* Regional Aspects of Bourgas-Alexandroupolis Petrol Pipeline // Analele Stiintifice ale Universitatii “Alexandru Ioan Cuza” din Iasi – Stiinte Economice, Alexandru Ioan Cuza University, Faculty of Economics and Business Administration. 2010. Vol. 57, November. P. 63–74; *Tziampiris A.* Greek Foreign Policy and Russia...; *Квашнин Ю.Д.* Российско-греческие отношения: что дальше? // Мировое развитие: Материалы Всероссийской научной конференции молодых специалистов «Россия в системах международных связей: экономика, политика, безопасность». Вып. 8. М.: ИМЭМО РАН, 2012. С. 76.

¹⁶ *Συνέντευξη Αν. Υπουργού Εξωτερικών, Γ. Κατρούγκαλου στην ε/φ «IZVESTIA» και την δη/φο Ekaterina Postnikova // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. 2018. 07 Δεκεμβρίου. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/proto-thema/sunenteuxe-an-upourgou-exoterikon-katrougkalou-sten-eph-izvestia-kai-ten-dempho-ekaterina-postnikova.html> (дата обращения 01.04.2021); *Τζογοπουλος Γ.Ν.* Ανάλυση: Η επόμενη μέρα στις ελληνορωσικές σχέσεις // Η Καθημερινή. 2018. 07.12. URL: <http://www.kathimerini.gr/999009/article/k-blogs/security-bulletin/analysh-h-epomenh-mera-stis-ellhnorwsikes-sxeseis> (дата обращения 01.04.2021); *Κοινές Δηλώσεις ΥΠΕΞ, Ν. Κοτζιά, και του Ούγγρου Υπουργού Εξωτερικών και Εμπορίου Péter Szijjártó μετά τη συνάντησή τους (Αθήνα, 30.10.2015) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. 2015. 30 Οκτωβρίου. URL: <https://www.mfa.gr/epikairoτητα/proto-thema/koines-deloseis-upeks-kotzia-kai-tou-ouggrou-upourgou-exoterikon-kai-emporiou-peter-szijjarto-meta-te-sunantese-tous-athena-30102015.html> (дата обращения 01.04.2021).**

¹⁷ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с визитом в Россию Министра иностранных дел Греции Н. Кодзиаса // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2015. 10.02. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/gr/-/asset_publisher/D4tBbKa1q61C/content/id/952392 (дата обращения 01.04.2021); Интервью Посла России в Греции А.М. Маслова...

¹⁸ *Алифирова Е., Бахтина О.* Энергетический хаб на пороге Европы. Страны Восточного Средиземноморья формируют единый газовый рынок, но пока без Сирии и Ливана // Neftegaz.RU. 2019. 17.01. URL: <https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/195485-energeticheskij-khab-na-poroge-evropy-strany-vostochnogo-sredizemnomorya-formiruyut-edinyu-gazovyy-g/> (дата обращения 01.04.2021).

¹⁹ *Dokos Th.* Greek foreign policy... P. 4.

²⁰ Интервью Постоянного представителя России при ЕС В.А. Чижова информ-агентству «Россия сегодня», 1 июля 2015 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2015. 02.07. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/gr/-/asset_publisher/D4tBbKa1q61C/content/id/1531459 (дата обращения 01.04.2021); *Квашнин Ю.Д.* Российско-греческие экономические связи: взаимные интересы, упущенные возможности и перспективы // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 4. С. 49–50.

²¹ *Мордюшенко О.* «Газпром» и «Синтез» отказались от Греции // Коммерсантъ. 2013. № 99. 11.06. С. 9. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2209282> (дата обращения 01.04.2021).

²² *Χαλλουμής Κ.* Η εξωτερική πολιτική της Ελλάδας... Σ. 14–15, 19.

²³ Kuznetsov N. G., Savvidy I. I., Rodionova N. D., Tsepilova E. S. Economic cooperation... P. 29–30.

²⁴ Прямые инвестиции из Российской Федерации за рубежом: исходящие остатки по инструментам и странам-партнерам (по принципу направленности) // Центральный банк Российской Федерации. URL: www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/16-dir_inv.xlsx (дата обращения 01.04.2021).

²⁵ Прямые инвестиции в Российскую Федерацию: входящие остатки по инструментам и странам-партнерам (по принципу направленности) // Центральный банк Российской Федерации. URL: https://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/10-dir_inv.xlsx (дата обращения 01.04.2021).

²⁶ Filis C. Orthodox myths...

²⁷ Ομιλία ΥΦΥΠΕΞ κ. Σ. Κουβέλη στην 7η Σύνοδο της Μικτής Επιτροπής Ελλάδος-Ρωσίας (Μόσχα, 7.6.10) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. 2010. 7 Ιουνίου. URL: https://www.mfa.gr/mfa_backup/mfa_backup_gr/content.php?aa=11265&s0=%CE%A1%CF%89%CF%83%CE%AF%CE%B1&num=1 (дата обращения 01.04.2021).

²⁸ Ομιλία ΥΦΥΠΕΞ Σπ. Κουβέλη με θέμα «Νέες ευκαιρίες στην ελληνική αγορά ακινήτων για τους Ρώσους επενδυτές» (ΕΒΕΑ, Αθήνα 17.03.11) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. 2011. 17 Μαρτίου. URL: <https://www.mfa.gr/epikairotita/diloseis-omilies/omilia-uphureks-sp-koubele-me-thema-nees-eukairies-sten-ellenike-agora-akineton-giatous-rosous-ependutes-ebea-athena-170311.html> (дата обращения 01.04.2021); Россия – Греция: внешнеторговый оборот в 2014 году составил 4,17 млрд долларов // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2015. 08.04. URL: <http://economy.gov.ru/mines/press/news/2015040802> (дата обращения 01.04.2021).

²⁹ Χαλλουμής Κ. Η εξωτερική πολιτική της Ελλάδας... Σ. 6; Dokos Th. Greek foreign policy... P. 4; Гасюк А. Посол РФ в Греции рассказал о динамике в отношениях Москвы и Афин // Российская газета. 2018. 09.02. URL: <https://rg.ru/2018/02/09/posol-rf-v-grecii-rasskazalo-dinamike-v-otnosheniiah-moskvy-i-afin.html> (дата обращения 01.04.2021).

³⁰ Dokos Th. Greek foreign policy... P. 4; Παρέμβαση Αντιπροέδρου Κυβέρνησης και ΥΠΕΞ Ευ. Βενιζέλου σε ολομέλεια Ευρωπαϊκού Κοινοβουλίου για τη Σύνοδο Κορυφής Ε.Ε.-Ρωσίας (Στρασβούργο, 05.02.2014) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. 2014. 05 Φεβρουαρίου. URL: <https://www.mfa.gr/epikairotita/proto-thema/parembase-antiproedrou-kuberneses-kai-ureks-eu-benizelou-se-olomeleia-euro-paikou-koinobouliou-gia-te-sunodo-koruphes-ee-rosias-strasbourg-05022014.html> (дата обращения 01.04.2021).

³¹ Συνέντευξη Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Κοτζιά στο γερμανικό περιοδικό Spiegel (09.02.2015) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. 2015. 09 Φεβρουαρίου. URL: <https://www.mfa.gr/epikairotita/diloseis-omilies/sunenteuxe-upourgou-exoterikon-nikou-kotzia-sto-germaniko-periodiko-spiegel-09022015.html> (дата обращения 01.04.2021); Συνέντευξη Αν. Υπουργού Εξωτερικών, Γ. Κατρούγκαλου στον τ/σ «Russia Today» και την δ/φο S. Shevardnadze (Μόσχα 07.12.2018) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. 2018. 09 Δεκεμβρίου. URL: <https://www.mfa.gr/epikairotita/diloseis-omilies/sunenteuxe-an-upourgou-exoterikon-katrougkalou-ston-ts-russia-today-kai-ten-dpho-shevardnadze-moskha-07122018.html> (дата обращения 01.04.2021).

³² «Γреки готовы к самому глубокому интеграционному процессу»: Председатель совета директоров ООО «Группа Агроком» Иван Саввиди о перспективах сотрудничества России и Греции // Коммерсантъ (Ростов). 2015. № 60. 07.04. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2703041> (дата обращения 01.04.2021); Σωτήρης Π. Ελλάδα — Ρωσία: Τα πραγματικά αγκάθια για αποκατάσταση των σχέσεων // in.gr. 2018. 6 Δεκεμβρίου.

URL: <https://www.in.gr/2018/12/06/politics/diplomatia/ellada-rosia-ta-pragmatika-agkathia-gia-apokatastasi-ton-sxese/> (дата обращения 01.04.2021).

³³ Россия — Греция: внешнеторговый оборот... Необходимо отметить, что столь существенное падение товарооборота между Россией и Грецией в 2014 г. было связано не только с российским эмбарго на продукты питания из Европы, но и со снижением экспорта нефти и нефтепродуктов (с 4,7 млрд долларов США в 2013 году до 2,7 млрд долларов США в 2014 г.) и газа (с 1,2 млрд долларов США в 2013 до 0,7 млрд долларов США в 2014 г.). См.: Там же.

³⁴ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции по итогам переговоров с Министром иностранных дел Греческой Республики Н. Кодзиасом, Москва, 13 июня 2018 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2018. 13.06. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/gr/-/asset_publisher/D4tBbKa1q61C/content/id/3257405 (дата обращения 01.04.2021); Гасюк А. Посол РФ в Греции...

³⁵ Продовольственное эмбарго: итоги 2015 года. Аналитический доклад / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Апрель 2016. С. 8–9. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/8972.pdf> (дата обращения 01.04.2021).

³⁶ Kuznetsov N. G., Savvidy I. I., Rodionova N. D., Tsepilova E. S. Economic cooperation... P. 29.

³⁷ Παλακωνσταντίνου Π. Ρώσος πρέσβης...

³⁸ Ομιλία ΥΦΥΠΕΞ Σπ. Κουβέλη με θέμα «Νέες ευκαιρίες στην ελληνική αγορά ακινήτων για τους Ρώσους επενδυτές» (ΕΒΕΑ, Αθήνα 17.03.11)...

³⁹ Российско-греческие отношения // ТАСС. 2016. 27.05. URL: <https://tass.ru/info/1885791> (дата обращения 01.04.2021).

⁴⁰ Ομιλία Υφυπουργού Εξωτερικών, Γιάννη Αμανατίδη στο 9ο Πολυσυνέδριο «Καινοτομία και Ανάπτυξη» (Θεσσαλονίκη 7.11.15) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. 2015. 07 Νοεμβρίου. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/omilia-uphupourgou-exoterikon-gianne-amanatide-sto-9o-polusunedrio-kainotomia-kai-anaptuxi-thessalonike-71115.html> (дата обращения 01.04.2021).

⁴¹ Vernile A. Greek-Russian relations into perspective: where do they lead? // Mediterranean Affairs. 2016. 20.06. URL: <http://mediterraneanaffairs.com/greek-russian-relations-into-perspective-where-do-they-lead/> (дата обращения 01.04.2021).

⁴² Интервью посла России в Греции А. М. Маслова...

⁴³ Yıllık Bültenler // Т. С. Kültür ve Turizm Bakanlığı. URL: <https://yigm.ktb.gov.tr/TR-249709/yillik-bultenler.html> (дата обращения 01.04.2021).

⁴⁴ Во время председательства в ЕС в 2014 г. Греция даже хотела добиваться полной отмены визового режима с Россией, однако этого не произошло. См.: Σημεία συνέντευξης ΥΦΥΠΕΞ Δ. Κούρκουλα στο πρακτορείο ειδήσεων ΙΤΑΡ-ΤΑΣΣ (Μόσχα 30.05.2013) // Ελληνική Δημοκρατία. Υπουργείο Εξωτερικών. 2013. 31 Μαΐου. URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/diloseis-omilies/semeia-sunenteuxes-uphupeks-kourkoula-sto-praktoreio-eideseon-itar-tass-moskha-30052013.html> (дата обращения 01.04.2021).

⁴⁵ Лидер греческой оппозиции: нужно использовать все возможности для диалога между ЕС и РФ // ТАСС. 2019. 27.02. URL: <https://tass.ru/interviews/6163643> (дата обращения 01.04.2021).

⁴⁶ Konstandaras N. Athens and Moscow's Stunning Falling-Out // The New York Times. 2018. 23.07. URL: <https://www.nytimes.com/2018/07/23/opinion/athens-moscow-greece-russia-tensions.html> (дата обращения 01.04.2021).

Глава 13

Проблемы и перспективы развития сотрудничества на Балканах: роль России

С момента окончания холодной войны страны Балканского полуострова прошли трудный путь от строительства коммунизма к новой капиталистической системе. За последние тридцать лет в регионе произошли большие изменения. Однако, несмотря на активные преобразования, многие чувствительные проблемы в отношениях между балканскими странами до сих пор не решены, и, даже при сходе правительственных курсов, корень большинства противоречий находится именно в политической сфере. Среди этих неурегулированных вопросов можно выделить:

- этнические конфликты;
- слабые международные экономические связи, неэффективность экономической дипломатии;
- отсутствие общерегионального стратегического видения, выходящего за рамки национальных задач;
- разнонаправленность государственных интересов, невозможность создания единой повестки дня для всего региона;
- дефицит доверия между балканскими странами;
- международно-правовой статус Косово и т. д.

Конечно, все эти проблемы мешают дальнейшему развитию региона или замедляют его, создают препятствия для раскрытия потенциала балканских стран в экономической, торговой, энергетической сферах, а также в области «публичной дипломатии», которая является важным инструментом «мягкой силы». Напротив, расширение сотрудничества в этих сферах приводит к сглаживанию вышеупомянутых проблем и повышению благосостояния региона, придает ему

позитивный и многообещающий имидж. Кроме того, прогресс влияет на развитие контактов не только между странами региона, но также и на их связи с другими государствами.

После падения коммунистических режимов, как известно, балканские государства стремились к вступлению в НАТО и Евросоюз. И критерии, установленные для включения в ЕС (заметим, что, несмотря на осуществленные на сегодняшний день изменения в странах — претендентах на членство в ЕС, Брюссель до сих пор придерживается стратегии «обещания»), также повлияли на ориентацию и характер сотрудничества стран Юго-Восточной Европы со своими партнерами, в данном случае — с Россией. Здесь также можно добавить, что балканские государства, географически относящиеся к Европе, политически и экономически тесно связаны с ЕС. Поэтому все происходящие в них изменения имеют прямое отношение к решениям, принимаемым Евросоюзом.

Балканы одновременно вовлечены в круг интересов США, ЕС и России, и участие этих сторон, безусловно, играет важную роль в развитии региона. Его многонациональность, экономическая привлекательность, а также уникальное географическое положение всегда притягивало и будет притягивать внимание ключевых игроков на международной арене. Это значит, что на Балканах всегда будут сталкиваться геополитические, геоэкономические и, конечно, геостратегические интересы ведущих мировых держав, включая Россию¹. Плодотворность международного сотрудничества зависит не только от внутренних процессов, которые происходят в той или иной стране, но также от интересов — политических, экономических, идеологических, — которые стороны имеют в отношении друг друга. Формирование совместных задач и успешное взаимодействие между странами (особенно между ведущими державами) обусловлено рядом их конкретных или стратегических инициатив.

Однако важно понимать, что присутствие глобальных игроков на Балканах подразумевает их право голоса в решении внутренних проблем стран региона. Для России кроме геополитических целей, преследуемых на Балканах, большое значение имеют экономические интересы и исторические связи с православными странами². Елена Гуськова, посвятившая свои исследования современной истории южных славян, считает, что руководство России видит свою роль в регионе в упрочении там российского экономического влияния³. Эта

задача также сформулирована в Концепции внешней политики Российской Федерации: как изложено в пункте 66 гл. IV этого документа, «Россия нацелена на развитие всестороннего прагматичного и равноправного сотрудничества с государствами Юго-Восточной Европы. Балканский регион имеет для России важное стратегическое значение, в том числе как крупнейший транспортный и инфраструктурный узел, через территорию которого осуществляется доставка нефти и газа в страны Европы»⁴.

Исследователи, изучающие Балканы в системе современных международных отношений, такие как Януш Бугайский⁵, Ислам Лаука⁶ и др., считают, что Москва, используя свое влияние на Белград, усиливает доминирование на Балканах во многих сферах, причем в последние годы она делает это все более активно. Интересно также отметить следующее: у России исторически сложились особенно теплые отношения с балканскими странами, хотя их связи традиционно развивались по принципу «старший — младший».

По словам албанского историка Паскаля Мило, Россия на протяжении столетий играет важную роль на Балканах, и особенно она значима в славянских государствах, в первую очередь в Сербии. В этих странах Россия развивает инвестиционное сотрудничество, сохраняет и укрепляет традиционное культурное и политическое влияние. Нельзя не отметить также существование более сложных и тесных отношений с Сербией, не исключающих военное сотрудничество и имеющих форму четко структурированного альянса. Кроме того, Сербия всегда была центром присутствия России на Балканах и продолжает таковым оставаться. Опираясь на Сербию, Россия распространяет свое влияние на весь балканский регион⁷.

Россия стремится стать незаменимой в деле обеспечения региональной безопасности на Балканах, формируя при этом стабильную среду для последовательной реализации собственных интересов⁸. Однако некоторые эксперты категорично утверждают, что российская политика по отношению к Балканам является «грязной». Бывший албанский дипломат и исследователь Шабан Мурати высказывает мысль о том, что российская дипломатия, защищая «сербский мир на Балканах», спешит и не имеет времени или терпения скрывать свои амбиции в регионе⁹. Он пишет, что сегодняшняя Россия, которая агрессивно ведет себя на международной арене и стремится стать мировой сверхдержавой, претендует на то же место в мире, что

и Советский Союз в прошлом¹⁰. В книге «Балканская Россия» (на албанском — «Rusia Ballkanike») Ш. Мурати критикует российскую политику, называя ее «нестабильной» и «несправедливой» в глобальном смысле, и указывает на попытки страны «обмануть» себя, выступая в качестве «сверхдержавы». Также он анализирует в своем труде влияние Москвы на Балканы в XX в. и приходит к выводу, что оно представляло собой результат идеологической дипломатии коммунизма, а в нынешнем столетии это влияние связано с дипломатией энергетической, в первую очередь газовой. Автор считает, что действия России на Балканах сосредоточены на четырех направлениях¹¹:

- взаимодействие с государствами, образовавшимися после распада Югославии;
- ориентация на славянские государства, которые настаивают на восстановлении единого славянского «зонга» (в числе соответствующих инициатив можно назвать совместные военные маневры с Сербией, работу панславянского форума в Словении и т. д.);
- создание оси балканских православных государств как инструмента распространения влияния России в регионе;
- формирование внутреннего давления даже внутри тех балканских стран, которые уже являются членами ЕС и/или НАТО (например, в Албании, Северной Македонии, Хорватии, Греции).

Важно отметить, что в условиях глобальной конкуренции у России, как и у всех ведущих держав, есть собственные интересы в регионе, что не является чем-то новым в историческом контексте.

Кроме того, балканские страны, о чем говорилось выше, после демонтажа коммунистического режима сталкиваются со многими внутренними проблемами, которые влияют и влияют на их международные отношения. Албанский ученый Лисен Башкурти, выступая на «Радио Свобода», говорил, что присутствие на Балканах является важным элементом геополитической стратегии России, а одним из механизмов его поддержания можно назвать своевременное реагирование на текущие характеристики региона Западных Балкан¹². В числе этих характеристик — очевидные показатели плохого управления во многих странах региона, повторяющиеся кризисы, масштабная коррупция, организованная преступность, «отмывание» денег и другие явления, которые время от времени провоцируют

нестабильность и различные проблемы на государственном уровне. Все эти факторы позволяют внешним акторам наращивать свое влияние в регионе.

Россия как одно из главных действующих лиц на Балканах активно выстраивает сотрудничество между странами региона. Российский рынок имеет большой потенциал для всех балканских государств, поскольку он способен создать импульс для шага вперед в различных областях экономики, а том числе в энергетике, в продвижении инфраструктурных проектов и т. д.

Присутствие России на Балканах всегда было очевидным, но ее влияние на регион не проявлялось так сильно, как в случае ЕС, — не только из-за географического фактора, но и в связи с конкретными стратегическими интересами России и других акторов международных отношений. Кроме того, характер сотрудничества Российской Федерации со странами Балкан позволяет утверждать, что значительную роль в формировании внешнеполитической обстановки в регионе играет не только ЕС, но также США и НАТО.

В то же время отношения между Москвой и Брюсселем в настоящее время можно обозначить как «открытое противоборство», поскольку Россия и Европейский союз определяют свои позиции в конкретных проблемных ситуациях (например, по вопросу Косово, кризису на Украине и т. д.), исходя из зачастую диаметрально противоположных взглядов на проблемы глобальной политики, ее содержание, движущие силы, приоритеты, а также на желаемую модель будущего мирового порядка.

Растущее влияние России на Балканах в последнее время побуждает ЕС к большей активности в региональной политике. Это заставило балканские страны региона колебаться в своем выборе, несмотря на то, что внутренняя политика ЕС не всегда последовательна, отчего они испытывают достаточно заметные трудности. Например, хотя Албания открыто и четко заявила о своей евро-атлантической ориентации, она в то же время подвергла критике политику ЕС, назвав ее «несправедливой» в отношении стран Западных Балкан¹³. В качестве другого подтверждения можно привести сближение Сербии с Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) (25 октября 2019 г. стороны подписали Соглашение о торговле)¹⁴. Это действие Белграда обеспокоило Европейский союз, который в качестве ответного шага в очередной раз дал странам региона надежду на то, что

они смогут вскоре вступить в объединение; никаких конкретных действий в этом направлении со стороны ЕС тем не менее до сих пор не последовало.

Таким образом, наличие дестабилизирующих факторов на Балканах позволяет «великим державам» оказывать сильное воздействие на «малые государства» и использовать их в качестве «марионеточных»; в будущем это предоставит возможность тем или иным ведущим игрокам на международной арене выступить в роли важного стратегического союзника для всего региона в целом¹⁵.

Подобное влияние, однако, ограничивает возможности «малых государств» развивать сотрудничество с другими партнерами. Доминирующая «великая держава» вынуждает «малое государство» придерживаться политических позиций и стратегий развития, при которых интересы «великой державы» будут удовлетворены и не подвергнутся рискам. В частности, можно наблюдать такую ситуацию в Албании, которая вступает в отношения с Россией, «наказуемые» ЕС и США, что приводит к ограничению возможностей для сотрудничества с обеими сторонами. Единственным продуктивным способом развития отношений становятся принципы конструктивного партнерства — настолько, насколько это допускают политические курсы сторон¹⁶.

Стратегия Европейского союза на Балканах подразумевает вступление в ЕС и НАТО как можно большего числа стран полуострова. В то же время суть этой политики заключается еще и в том, чтобы балканские государства не стали партнерами Москвы, — что приводит к необходимости препятствовать сотрудничеству между ними.

Уход России из балканского региона будет означать для Москвы утрату своих позиций, а также она лишится возможности действий в Средиземном море. Другими словами, российская политика потеряет одну из ключевых областей на своем «игровом поле», что, конечно же, приведет к сжиманию пространства вокруг ее «штрафной зоны»¹⁷.

Американский историк Дмитрий Саймс в труде «После распада Россия ищет свое место в качестве великой державы» (англ.: «After collapse Russia seeks its place as a Great Power») пишет: «Новая внешняя политика России — в отличие от советской политики — основана не на глобальной идеологии, а на внутренних потребностях.

Соответственно, Россия ставит геоэкономику выше геополитики, а защиту интересов новой российской бизнес-элиты — выше абстрактных теоретических представлений, мало влияющих на жизнь внутри государства»¹⁸. Исходя из этого, России необходимо более четко представлять свои политические действия в регионе и оценивать их последствия, а также выработать новую стратегию по отношению к странам Балканского полуострова.

Таким образом, для Москвы на данном этапе важно предпринимать значимые шаги. Во-первых, ей необходимо многостороннее сотрудничество в рамках всего балканского региона, которое затронет все сферы — от экономической и энергетической до гуманитарной и т. д. Также необходимо учесть, что для расширения экономических связей возможно использовать «мягкую силу». Инвестирование в энергетику, которая является одной из важнейших областей сотрудничества между Россией и странами Балкан на современном этапе, должно быть более активным; регион заинтересован в дальнейшем развитии старых и создании новых проектов.

Имидж страны играет важную роль для лучшего принятия политических решений (*better policy-making*). Поэтому участие в создании и поддержка новых политических сил (партий, организаций, ассоциаций, обществ), продвигающих российские и пророссийские проекты на Балканах, в том числе в Сербии, Словении, Хорватии, Албании и т. д., будет способствовать увеличению уровня информационного присутствия России в регионе.

Однако необходима замена нарративов «Россия — гарант безопасности» и «Россия — поставщик энергии» на «Россия — проводник региональной стабильности», «Россия — партнер в сфере гуманитарного сотрудничества» и «Россия — экспортер электронных технологий и эффективных технологических решений», что сможет кардинально сменить парадигму отношений страны с Балканами¹⁹.

Подводя итоги, можно сказать, что решение проблем в регионе позволило бы создать положительную динамику и новые перспективы сотрудничества не только между балканскими странами, но также и за пределами полуострова. Россия на протяжении столетий играла важную роль на Балканах. Присутствие России продолжает оставаться значимым в историческом и культурном аспектах. Оно имеет большое значение в торгово-экономической и энергетической областях, которые очень важны для развития и стабильности региона.

Значение России для стран Юго-Восточной Европы сохраняется, поскольку она является ведущей мировой державой и принимает активное участие в урегулировании множества вопросов, актуальных на современном этапе.

Примечания

¹ *Petrillo E. R.* Russian foreign policy towards the Balkans: which perspective? // ISPI. 2013. April; No. 169. URL: https://www.ispionline.it/sites/default/files/publicazioni/analysis_169_2013.pdf (дата обращения 03.05.2021).

² *Bechev D.* Russia's strategic interests and tools of influence in the Western Balkans // Atlantic Council. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/russia-strategic-interests-and-tools-of-influence-in-the-western-balkans/> (дата обращения 22.09.2020).

³ *Гуськова Е. Ю.* Балканское направление внешней политики России в конце XX и начале XXI века // Россия и мир: развитие цивилизаций. Трансформация политических ландшафтов за период 1999–2020 годы. М.: Институт мировых цивилизаций, 2019. Ч. 1. С. 41–44. URL: http://imc-i.ru/userfiles/ufiles/IX_1_PRINT.pdf (дата обращения 04.05.2021).

⁴ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 12 февраля 2013 г.) (утратила силу) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186 (дата обращения 22.09.2020).

⁵ Si e përdor Rusia Serbinë // Politiko. 2018. 21 Nëntor. URL: <https://politiko.al/si-e-perdor-rusia-serbine/> (дата обращения 27.09.2020).

⁶ *Agolli I.* Ndikimi i Ruisë në Ballkanin Perëndimor // Zëri i Amerikës. 2016. 21 janar. URL: <https://www.zeriamerikes.com/a/russai-western-balkans-influence/3156326.html> (дата обращения 27.09.2020).

⁷ *Махмутай Н.* Современное состояние и перспективы отношений России и Албании: Дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2020. С. 22.

⁸ *Rangsimaporn P.* Russia as an Aspiring Great Power in East Asia: Perceptions and Policies from Yeltsin to Putin. Basingstoke; New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 2.

⁹ *Mero A.* Ndikimi rus në Shqipëri // Zëri i Amerikës. 2016. 03 dhjetor. URL: <https://www.zeriamerikes.com/a/3621774.html> (дата обращения 25.02.2020).

¹⁰ *Murati Sh.* Rusia Ballkanike / ENEAS. Tiranë, 2014. Fq. 34.

¹¹ *Murati Sh.* Kosova, Serbia dhe Rusia // BalkanWeb. 2016. 26 Dhjetor. URL: <http://www.balkanweb.com/site/kosova-serbia-dhe-rusia/> (дата обращения 25.08.2020).

¹² *Bislimi B.* Ndikimi rus për Ballkanin jashtë BE-së // Radio Evropa e Lirë. 2019. 10 maj. URL: <https://www.evropaelire.org/a/ndikimi-rus-ballkan-be/29933639.html> (дата обращения 25.08.2020).

¹³ *Erebara G., Zivanovic M.* Albania Blames Likely Accession Talks 'No' on Divided EU // BalkanInsight. 2019. October 16. URL: <https://balkaninsight.com/2019/10/16/albania-premier-blame-eu-for-possible-negative-decision-on-negotiations/> (дата обращения 16.04.2020).

¹⁴ ЕАЭС и Сербия подписали Соглашение о свободной торговле // Евразийская экономическая комиссия. 2019. 25.10. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/25-10-2019-6.aspx> (дата обращения 06.04.2020).

¹⁵ *Махмутай Н.* Современное состояние... С. 22.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Россия на Балканах. Новая стратегия России // РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/russia-balkans#2> (дата обращения 25.08.2020).

¹⁸ *Simes D.K.* After the collapse: Russia seeks its place as a great power. New York: Simon & Schuster, 1999. P. 206–207.

¹⁹ Россия на Балканах...

Глава 14

«Возродительный процесс» в памяти современных жителей Болгарии (по материалам экспедиции в с. Славяново)*

«Возродительный процесс»¹ — политика болгарских властей под руководством Тодора Живкова по насильственной ассимиляции турок и помаков (болгар-мусульман) в 1984–1989 гг. «Болгаризация» турок в рамках навязывания обществу модели «один этнос — одна культура» включала в себя вмешательство государства в их религиозную жизнь, ряд запретов, касающихся родного языка, традиционной одежды и обычаев, а кроме того тотальную замену арабо-турецких имен мусульманского населения на болгарские. В настоящее время, спустя несколько десятилетий после этих событий, подобные действия государственных властей во всех отношениях представляются политическим безрассудством, а на Болгарию в результате «легло такое позорное пятно, что впоследствии новому руководству на протяжении многих лет приходилось дистанцироваться, объясняя, что это было делом болгарской компартии и режима Т. Живкова, а не болгарского народа»².

В наши дни «возродительный процесс» стал предметом переосмысления и изучения с различных позиций — как с точки зрения турок, ставших непосредственными жертвами и участниками тех событий³, так и с точки зрения исследователей-историков, рассматривающих эти события «со стороны»⁴. Стереотипы восприятия османского периода болгарской истории (уходящие корнями в период национального Возрождения и Освобождения), также

* Выражаю благодарность Ирине Александровне Седаковой за организацию экспедиции и консультации при написании главы.

подвергающиеся переоценке после 1989 г., сыграли свою роль в появлении своеобразного «комплекса вины» болгарских историков-османистов в связи с их косвенной ролью в установлении анти-турецкой политики правительства Живкова⁵. Так, исследователь исламизационных процессов на османских Балканах А. Желязкова в интервью 1994 г., подчеркнув, что считает «возродительный процесс» «одним из наибольших преступлений тоталитарного режима в Болгарии», сообщила, что как историк-османист ощущала на себе цензуру, сложности с публикацией сведений османских источников, противоречащих традиционному представлению о сугубо насильственном насаждении ислама в болгарских землях⁶. Желязкова призналась, что, так же как и другие историки, осознает, что пусть и не прямо, но могла быть причастной к формированию идейной основы антитурецкой политики.

Во многом эта политика определялась версиями происхождения мусульманского и турецкого населения Болгарии. Существуют две точки зрения на этот счет. По одной из них, современные турки, проживающие на территории Болгарии, являются потомками переселенцев из Анатолии, прибывших на эти земли в рамках османской колонизации вскоре после завоевания, что могло быть использовано как аргумент для их принуждения к отъезду в Турцию. Согласно другой позиции, болгарские турки — потомки насильственно исламизированных и отуреченных османами болгар. Таким образом, принудительная смена турецких (мусульманских) имен на болгарские была направлена на «прояснение» и «возрождение» у них болгарского национального самосознания.

«Возродительный процесс» 1980-х гг. стал пиком ассимиляционной политики болгарских властей, проводимой по отношению к мусульманскому населению и другим меньшинствам. Однако, как отметила Е. Валева, если ассимиляционные меры по отношению к помакам и цыганам отличались протяженностью во времени и начались еще в начале XX в., то насильственная смена имен осуществлялась в ходе масштабной и стремительной кампании, которой предшествовала тщательная подготовка⁷.

Анализируя комплекс причин этой политики, болгарская исследовательница М. Маева отметила, что быстрый рост численности мусульманского населения (в 1975 г. численность турок составляла 770 тыс. человек, или 8,8 % населения страны, а естественный прирост

значительно превышал болгарский⁸), а также потеря надежды на возможные договоренности с Турцией о «полном их переселении» давали основания опасаться «кипрского варианта» в Болгарии и воспринимались болгарскими властями как угроза. Смена имен понималась как способ изменения этнического самосознания и приобщения турецкого населения к болгарской нации⁹. Тем более что относительный успех имело начинание предшествующих десятилетий по болгаризации имен¹⁰ турок и помаков, турок и помаков при заключении смешанных браков.

Ассимиляционная политика вызвала рост недовольства: начались мирные шествия, затем забастовки и даже голодовки. Кульминацией этого процесса стала так называемая «большая экскурсия» — массовое переселение болгарских турок в Турцию¹¹. С конца мая до 21 августа 1989 г., когда Турция вынуждена была закрыть границы, не справляясь с таким количеством переселенцев, туда выехали около 360 тыс. человек. Отток столь значительного числа людей привел к серьезному экономическому кризису, в первую очередь в табачной промышленности, в которой традиционно была занята значительная часть болгарских турок. Не сумев приспособиться к жизни в другой стране, в течение последующих лет значительная часть эмигрантов вернулась в Болгарию.

Результатом «возродительного процесса» стало глубокое обострение болгаро-турецких отношений и международная изоляция Болгарии как страны, грубо нарушившей права и свободы человека¹².

В данной главе представлен анализ восприятия этих событий спустя 30 лет современными болгарскими турками. Предметом изучения стали материалы, полученные в 2019 г. в ходе экспедиционного исследования села Славяново (Поповский район, область Тырговиште, северо-запад Болгарии) в рамках работы над проектом «Лингвистическая и этнокультурная динамика традиционных и нетрадиционных ценностей в славянском мире» под руководством И. А. Седаковой.

По данным на лето 2020 г., в селе проживает 890 человек¹³. Население села смешанное — болгарское и турецкое. Многие из наших респондентов имеют родственников или знакомых, уехавших в 1980-е гг. в Турцию. Некоторые из людей, с которыми нам удалось встретиться, какое-то время жили в Турции, но вернулись в Болгарию после падения социалистического режима.

История Славянова восходит к османскому периоду, впервые оно упоминается в налоговых регистрах в XVI в. под названием Кара агач. Изначально его население было исключительно турецким. После русско-турецкой войны 1877–1878 гг. часть турок вынужденно уехала, в село прибыли болгары-переселенцы из центральных районов страны (Тырново, Горна Оряховица). С этого времени население села стало смешанным, в 1894 г. его название было заменено на «Борисово» в честь наследника болгарского престола, будущего царя Бориса III. Современное название Славяново получило в 1947 г. Тогда же начался и новый этап его истории, к которому относится вторая волна миграции, определившая нынешний этнический состав населения: на протяжении всего социалистического периода сюда активно приезжали турки из южных регионов страны, преимущественно из области Кырджали. Турецкие переселенцы этой волны отличаются от коренных турок, чьи семьи живут здесь со времен османского владычества. Это отмечают как они сами, так и местные жители¹⁴: для переселенцев характерна бóльшая религиозность и консервативность, некоторые из них хуже знают болгарский язык, поскольку росли в турецких селах [М. М.]*. Коренные турки Славянова в большей степени интегрированы в болгарское общество, так как с раннего детства пребывали в билингвальной среде, например ходили в один детский сад и учились в школе вместе с болгарскими. Многие из них получили образование, кто-то работал в местной школе. Приезжие из Кырджали, особенно в первом поколении — в основном неквалифицированные рабочие, занятые в сельском хозяйстве. Важно подчеркнуть, что все местные жители, с которыми нам удалось поговорить, отмечали традиционно добрососедские отношения внутри села между представителями разных народностей.

Исторически сложившийся смешанный состав населения в этом регионе повлиял на интенсивность политики «возродительного процесса». По замечанию одной из наших собеседниц, в Славянове эта политика, в отличие от Кырджали, проводилась мягче и началась позже.

Это ни для кого не было приятным. Но знаете что, в Славянове не было насилия во время «возродительного процесса». Не было

* Здесь и далее: в квадратных скобках приводятся инициалы информантов.

отправленных в Белене¹⁵, не было арестованных, задержанных, может, немного и было. Люди просто были подготовлены, потому что начался «возродительный процесс» в Кырджали.

То за никого не е било приятно. Но вижте какво, в Славяново нямаше насилие по време на «Възродителния процес». Нямаше пратени в Белене, нямаше арестувани, може би задържани замалко е имало. Хората просто бяха подготвени, защото «Възродителният процес» започна от Кырджали*.

[З. С.]

З. С. сослалась при этом на своего брата, который тогда работал в Родопах — регионе, ставшем эпицентром «возродительного процесса», и оказался, по ее словам, «подготовленным».

Особое место в воспоминаниях о событиях 1980-х гг. занимают запреты на ношение шароваров, являющихся традиционной одеждой турецких женщин.

...Мои родители носили, и родители жены моей носили, однако уже мы, помоложе, перестали носить, были же акции несколько раз со стороны властей, которые хотели сменить эту одежду и обрезали им шаровары.

...Моите родители носеха, и на жена ми родителите, обаче, вечение по-младите спяхме да носим, пък имаше акции няколко пъти от страна на властта, които искаха да сменят тази носия и са им късали шалварите.

[О. М.]

В Славянове этот вид одежды сейчас не используется, единственная, кто ходит в шароварах, — одна из самых пожилых жительниц села, женщина 1930 г.р. (рис. 14.1). Она же является единственной турчанкой в Славянове, не владеющей болгарским языком. В турецких селах Болгарии шаровары по-прежнему носят — в основном пожилые женщины.

Обсуждая ограничения на ношение традиционных шароваров, люди 1940–1950-х гг. рождения, которые во время описываемых событий были относительно молоды, отметили, что наиболее болезненно запрет восприняло поколение их родителей. По их воспоминаниям,

* Здесь и далее: сначала цитата респондента дается в переводе автора на русский язык, ниже приводится на языке оригинала — болгарском.

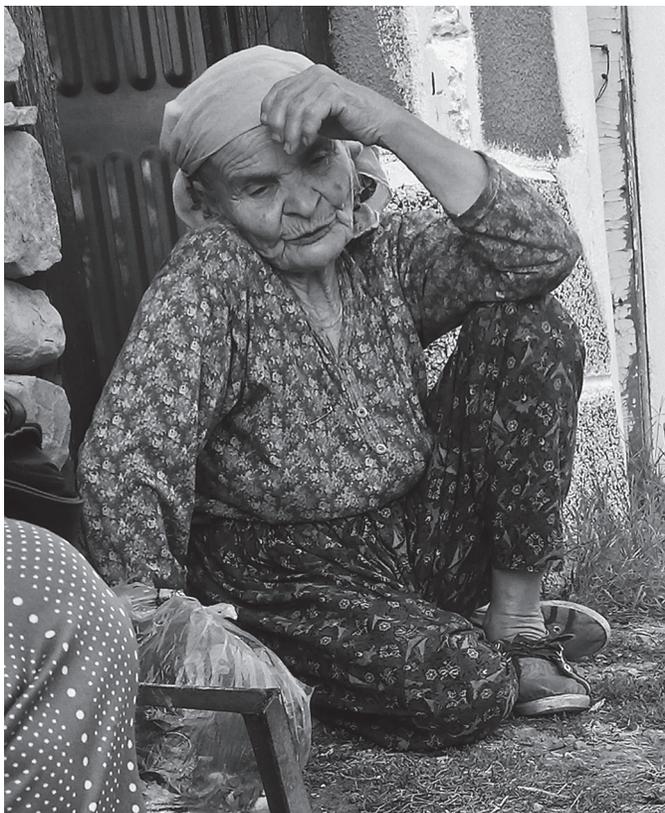

Рис. 14.1. Зекие — одна из старейших жительниц села (род. в 1930 г.)

из села в город турецких женщин специально вывозили на грузовиках в районный центр, чтобы они купили там платья.

Шаровары-то, еще в коммунистическое время, я помню, мать моя ведь работала в хозяйстве, и в грузовик их загоняли и [везли] в Попово покупать платья.

Шалварите, по коммунистическо време още, помня аз, мойта майка, нали работеха в стопанството и с един камион ги закараха в Попово да си купят рокли.

[И. Ю.]

Как отметила та же респондентка, многие надевали платья или юбки поверх шароваров:

Но мама моя шаровары снизу носила, а поверх платье.

Ама мойта майка, шалварите си ги носеше отдолу и отгоре роклята.
[И. Ю.]

Но и это влекло за собой последствия: милиция на улице делала проверки. Могли потребовать приподнять юбку, чтобы проверить, не наде- ты ли под ней шаровары, и если надеты, разрезать их ножницами.

Как увидят у тебя шаровары, поднимают... А если поверх шароваров на- дела бабушка юбку — задирают юбку, режут шаровары. Это был ужас.

Като ти видят шалварите, надигат ти туй... Ами на шалварите отгоре нали си сложила бабичката пола — надига полата, реже шалварите. То беше страхотия.

[И. Ю.]

Рассказывая об ограничениях на ношение шароваров, один из на- ших собеседников-мужчин вспомнил случай, произошедший с его бабушкой, жившей в турецком селе в области Кырджали. Бабушка, по его словам, была суровой и консервативной женщиной, поэтому, когда по пути за водой встретила милиционеров, пригрозила им ко- ромыслом, и те отступили.

Как пришла милиция резать им шаровары, и, как вам сказать, уже слышно было, что милиция идет шаровары резать, моя бабушка взя- ла... Как подняла коромысло, и крикнула — подходите, кто подойдет резать мне шаровары, я его поправлю. Очень была смелая.

Като е дошла милицията, да им късат шалварите и, как да Ви кажа, вече се е чуло, че идва милиция да им къса шалварите, мойта баба вземала... Като дигнала кобилищата, рекнала — да дойде, кой ще дой- де да ми къса шалварите, аз ще го оправя. Много смела е била.

[О. М.]

Помимо ношения традиционной одежды, ограничения касались также использования родного языка. Были закрыты последние ту- рецкие печатные издания и радиостанция, вещавшая на турецком языке, продолжалась замена турецких топонимов¹⁶. В общественных местах и на улице запрещалось говорить на турецком:

Тогда уже не было турецкого. Только услышат, [что] на турецком говоришь, — давай 50 левов.

Тогава вече нямаше турски. Само да те чуят турски да говориш — айде 50 лв.

[И. Ю.]

Не давали нам на турецком здороваться. И штрафовали нас, много народу даже сидели в тюрьмах или отправились на тот свет.

Не ни даваха на турски език да се поздравяваме. И ни глобяваха, даже много хора лежаха по затворите, заминаха от тоя свят.

[О. М.]

Наиболее болезненно и по сей день турецкими жителями села воспринимается принудительная смена турецких и мусульманских имен на болгарские. Имя — одна из ключевых идентификационных ценностей, определяющих принадлежность человека к той или иной национальной и религиозной общности, оно находится в прямой зависимости от языковой принадлежности человека. Давление государства на столь частный и внутрисемейный процесс, как имянаречение (так, с 1982 г. дети, рожденные в смешанных болгаро-турецких браках, должны были регистрироваться только под болгарскими именами¹⁷), и спустя много лет оценивается турками как грубейшее нарушение их прав¹⁸.

При безоговорочном осуждении принудительного переименования и в целом политики болгарских властей 1980-х гг., восприятие собственных болгарских и турецких имен у наших собеседников различно. Так, О. М. отказался назвать свое болгарское имя, поскольку для него эти воспоминания болезненны:

О. М.: ...Пришло время, когда нас переименовывали, оболгаривали. Это был [19]84-й год, осень.

Е. С.¹⁹: Вам дали новое имя?

О. М.: Да, болгарское имя.

Е. С.: И какое было имя?

О. М.: Не хочу его говорить, потому что мне обидно. Это был большой шок для нас, не только для меня, а вообще для всех нас.

О. М.: ...Дойде времето, когато да ни преименуват, да ни побългаряват. Това беше 84-та година, есента.

Е. С.: Ново име ли са Ви дали?

О. М.: Да, българско име.

Е. С.: Какво беше името?

О. М.: Не искам да го казвам, защото ми е обидно. Това беше голям шок за нас, не само за мен и въобще за всички нас.

Ровесница и однокласница О. М., З. С., напротив, признавая пагубность этого процесса, все же охотно рассказывает о том, как произошло переименование и как она выбирала славянское имя:

Просто знаеш, что тебе меняют имя. Идеш, избираеш себе имя и говоришь.

Просто, знаеш, че ти сменят имената. Отиваш, избираш си име и казваш.

[З. С.]

Свое новое имя, *Зоя*, З. С. выбрала сама, но за это решение также пришлось бороться: сначала ей выдали паспорт на имя *Здравка*, которое ее не устраивало, а имя *Зоя* чиновниками не приветствовалось, поскольку, по мнению властей, оно русское, а не болгарское²⁰:

В основном назначали, давали именник <...> Сначала меня записали Здравкой. <...> И я прямо сказала, я сейчас объясню. Ничего, что объясняла. Не будет такого имени. Даже сделали мне паспорт с тем именем. Отодвинула паспорт и сказала: «Нет, я выбрала». Потому что не давали русские имена. Зоя не было болгарским именем.

Повече са налагали, давали са именник <...> Първо бяха ме писали Здравка. <...> И аз директно казах, аз ще се разправам сега. Не че се разправах. Няма да е туй име. Дори ми бяха издали паспорта с това име. Бутнах паспорта и викам, няма, аз съм си избрала. Защото не даваха и руски имена. Зоя не било българско име.

[З. С.]

З. С. работала и публикувала статъи в районних газетах и выпустила несколько сборников стихов под своим славянским именем. Сейчас в общении с соседями, в том числе турками, она продолжает использовать именно его, общаясь как на турецком, так и на болгарском языках. Подобный выбор русского имени фиксируется в других болгарско-турецких селах. По экспедиционным материалам И. А. Седаковой, в с. Сеслав (община Кубрат, Разградский район) мужчины часто записывали себя Сергееми. Известны и случаи выбора женского имени Анна, в русском правописании, с двумя буквами Н (по-болгарски это имя пишется с одной Н). Турчанка, взявшая это имя,

рассказала, что председатель сельсовета, выдававший ей новые документы, язвительно заметил: «Ты бы еще три Н написала»²¹.

Это лишь два наиболее ярких, отчасти противоположных, примера восприятия смены имен. Некоторые другие наши собеседники, позиционируя себя как турок и будучи практикующими мусульманами, представились славянским именем, отказавшись назвать турецкое и оставив это решение без комментариев [И. Ю.].

Отметим и еще один важный момент, связанный с переименованием, но уже в контексте миграции. Въезжая в Турцию из Болгарии, в соответствии с турецким законодательством переселенцы должны были выбрать новую фамилию. М. Маева выделяет два основных принципа, по которым люди выбирали фамилию: некоторые брали фамилии родственников, уехавших в Турцию ранее (в 1968 г. между Болгарией и Турцией было подписано соглашение о переселении, в рамках которого в 1968–1978 гг. в Турцию переехали 130 тыс. человек²²), или фамилии (прозвища) своих предков османских времен²³.

Однако наш респондент — девушка, семья которой уехала из области Кырджали в 1989 г. и теперь проживает в Турции, отметила иной мотив в выборе новых фамилий. По ее словам, одним из условных маркеров переселенцев из Болгарии того времени являются фамилии, подчеркивающие их турецкое происхождение и трудности, которые им пришлось преодолеть. Так, ее семья при въезде в Турцию взяла фамилию *Озкан* (*Özkan*) — «истинная кровь».

В данном случае можно провести параллель с результатами реформы по введению фамилий в Турецкой Республике в 1934–1935 гг. До этого турки имели только одно имя, изредка второе, даваемое по отцу (это касалось в основном представителей элиты и интеллигенции), также в качестве второго имени могли использоваться название профессии или прозвище. Для упорядочивания введения официальных фамилий правительство кемалистов подготовило рекомендательные списки фамилий, составленных на основе турецких корней, из которых граждане могли выбрать понравившуюся. Тогда на волне патриотизма наиболее популярными фамилиями стали *Озтюрк* («Истинный турок»), *Коджатюрк* («Большой турок»), *Шентюрк* («Веселый турок») и подобные²⁴ — именно те, которые в качестве примера типичных для переселенцев из Болгарии 1989 г. привела наша собеседница [В. О.].

Другой наш респондент, также уехавший в 1989 г. в Турцию, но вернувшийся с семьей спустя несколько месяцев в Славяново, подтвердил это утверждение В.О. и сообщил, что тогда выбрал фамилию *Мутлу* — «Счастливый» [О.М.].

Действительно, многие из уехавших летом 1989 г. вскоре вернулись. На вопрос почему О.М. ответил, что ему было сложно привыкнуть к жизни в другой стране, кроме того, в Болгарии пал социалистический режим, поэтому он считал возвращение безопасным. Однако некоторые из его родственников с тех пор живут в Турции.

Многие семьи оказались разделены: часть родственников осталась в Болгарии, часть — в Турции. Спешка, в которой турки вынуждены были покинуть родные места, является еще одним болезненным воспоминанием свидетелей и участников тех событий. Один из наших собеседников употребил по отношению к «возродительной» политике слово «геноцид» [Ю.М.]. Помимо возмущения называнием болгарских имен, он особо отметил невозможность как следует собраться и подготовиться к отъезду, воспрепятствование со стороны официальных властей продаже имущества — многим приходилось что-то продавать за бесценок, в результате значительная часть их имущества, в том числе дома, часто оставались покинутыми.

У многих наших респондентов из Славянова есть родственники в Турции, иногда они навещают их, те также приезжают в Болгарию. Кроме того, в Турцию некоторые ездят на заработки, этот вариант является более удобным по сравнению с европейскими странами благодаря знанию языка, а также возможной поддержке и помощи в поиске работы со стороны живущих там родственников [Ш.М.].

По оценкам наших собеседников, жизнь их соотечественников, переселившихся в 1989 г., сложилась удачно. В первую очередь это касается младшего поколения, они более интегрированы в общество, получили образование в Турции, владеют современным турецким литературным языком. Старшее поколение сохраняет характерное для болгарских турок специфическое произношение в турецком языке [В.О.]. Это связано с тем, что после освобождения Болгарии от османской власти проживавшие там турки оказались оторваны от турецкого национального государства, их язык с конца XIX в. развивался отдельно от литературного турецкого языка, сохранив ряд особенностей старотурецких диалектов, и принял большое число болгарских заимствований²⁵.

По замечанию наших собеседников, многие из уехавших в Турцию сохранили болгарские паспорта, в том числе с болгарскими именами:

...Сейчас в Турции знаешь сколько бабушек с болгарскими именами? Но они двойные граждане, когда приезжает, достает здесь паспорт, личную карту и красный паспорт болгарский (загранпаспорт. — А.Л.) — с болгарскими именами... Я езжу на автобусах и вижу, что в турецких паспортах они с турецкими именами.

...Сега в Турция знайш ли колко баби има с български имена? Обаче, двойният гражданин, като дойде да си вади тук паспорт, лична карта и червен паспорт български — с български имена... Аз пътувам с автобусите и ги виждам, иначе в турските си паспорти са с турски имена.

[И. Ю.]

По мнению Р.Г., это позволяет им получать две пенсии — в Болгарии и Турции:

Да, но они получают две пенсии. Тут получают пенсию и тут получают. Я тебе скажу — двойное гражданство, значит от обеих стран получают пенсии. Ничего, что имя у нее было не Анна, а Айше.

Да, ама си вземат две пенсии. Тук взимат пенсии и тук взимат пенсии. И аз туй ти казвам — двойно гражданство, таман и от двете страни пенсия си вземат. Нищо, че името ѝ не било Анна, а Айше.

[Р. Г.]

В. О. высказала мнение, что многие предпочитают использовать именно болгарские паспорта, уезжая на заработки в Европу, поскольку, во-первых, Болгария, в отличие от Турции, входит в Европейский союз, во-вторых, с болгарскими фамилиями у них больше шансов устроиться на работу. М. Маева, предметом исследования которой было положение болгарских турок, живущих в Турции, подчеркнула, что использование ими двух вариантов имени в зависимости от ситуации достаточно распространено и, на ее взгляд, свидетельствует об их размытой идентичности²⁶.

Для наших собеседников, как турок, так и болгар (безусловно, не одобряющих «возродительный процесс»), свойственно восприятие отъезда турок как начала угасания села. Поскольку вскоре после этих событий последовал крах социалистического режима и уход со

своего поста Тодора Живкова, начался новый период в истории страны, антитурецкая политика и «большая экскурсия» воспринимаются как часть этого исторического перелома.

По воспоминаниям жителей, Славяново в середине — второй половине XX в. было процветающим селом, население которого превышало 3 тыс. человек, даже стоял вопрос о присвоении ему статуса города. Здесь была своя больница с родильным отделением, аптека, здания которых сейчас стоят заброшенными на центральной площади. «Климатическое училище» — большая школа-интернат, куда приезжали учиться больные дети из других регионов страны с менее благоприятным климатом, — закрылось в начале 2000-х гг., те, кто там преподавал, потеряли работу. Кроме того, в селе большое количество оставленных домов — как уже разрушившихся, так и просто запертых и заброшенных, куда, по словам местных жителей, не приезжают наследники, в том числе живущие за пределами Болгарии.

Подобная ситуация характерна для всей Болгарии — молодежь уезжает в города, большое число людей живет и работает за границей. Однако особенность Славянова заключается в том, что помимо крупных городов и европейских стран, куда в последние десятилетия уезжают многие болгары, еще одним полюсом притяжения здесь является Турция: у многих пожилых людей дети и внуки постоянно живут там, бывая в Болгарии лишь время от времени. Речи об их возможном возвращении в Болгарию, как правило, не идет, т. е. многие из наших собеседников являются представителями последнего поколения турок, живущих в Славянове.

Таким образом, «возродительный процесс» способствовал разрушению традиционного уклада жизни болгарско-турецкого села. Принудительная «болгаризация» воспринимается как травматический опыт, который сохраняется в памяти турецкой общности болгар и воспроизводится в форме нарративов при коммуникации на разные темы.

Информанты:

В. О. — Вильдане Озкан (Шабанова). Живет в г. Бурса, Турция. Ребенком уехала с семьей из с. Ябылковец, области Кырджали, в Славянове гостит у родственников летом.

З. С. — Зоя Симова, 1945 г.р., турчанка, мусульманка. Коренная жительница Славянова.

И. Ю. — Илка Юлианова, 1949 г. р., турчанка, мусульманка. Родители переселились в Славяново, когда она была младенцем, считает себя местной.

М. М. — Милка Маркова, 1950 г. р., болгарка, христианка, праправнучка первых болгарских переселенцев в Славяново 1870–1880-х гг.

О. М. — Омер Мехмед, 1945 г. р., турок, мусульманин. Переехал в Славяново, будучи школьником.

Р. Г. — Росица Господинова, 1951 г. р., болгарка, христианка.

Ш. М. — Шефика Махмудова (Юсуфова), 1968 г. р., турчанка, мусульманка. Уроженка с. Птичар, Кырджалийская область. В Славянове с 1986 г.

Ю. М. — Юсейн Мехмедов, 1960 г. р. (по паспорту 1957 г.р.) (турок, мусульманин). Родом из турецкого села в области Русе.

Примечания

¹ О происхождении этого термина и специфике его употребления см.: *Валева Е.Л.* Государственная политика Болгарии в отношении турецкой этнической общности (1980-е гг.) // Славянский альманах 2012. М.: Индрик, 2013. С. 293.

² Там же. С. 292.

³ Подробнее см.: *Лунькова Н.А.* «Когда у меня отняли имя»: об одном болгарско-турецком научном проекте // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2019. Т. 14. №3–4. С. 214–222.

⁴ *Маева М.* Българските турци-преселници в Република Турция (Култура и идентичност). София: Междунар. център за изследване на малцинствата и културните взаимодействия, 2006; *Myuhtar-May F.* Identity, Nationalism, and Cultural Heritage under Siege: Five Narratives of Pomak Heritage — from Forced Renaming to Weddings. Leiden; Boston: Brill, 2014; *Груев М., Калъонски А.* «Възродителният процес»: мюсюлманските общности и комунистическият режим. София: Ин-т за изследване на близкото минало, 2008; «Възродителният процес»: памет и заличаване. Тематичен сборник на списание «Либерален преглед». Берлин: ЕКСТАЗ, 2019.

⁵ Подробнее см.: *Леонтьева А.А.* Некоторые вопросы исламизации в болгарских землях под Османской властью в современной болгарской историографии // Славяне и Россия: исторический контекст и проблемы историографии. М.: Институт славяноведения РАН, 2015. С. 30–45.

⁶ *Желязкова А.* «Все още ни грози тоталитарното съзнание, болшевишкото мислене, което е в нас самите» // Историците — за истината, за насилията, за себе си. София: Св. Климент Охридски, 1994. С. 121–122.

⁷ *Валева Е.Л.* Государственная политика Болгарии... С. 295.

⁸ Там же. С. 294.

⁹ *Маева М.* Българските турци-преселници... С. 27.

¹⁰ См., к примеру: Българите мохамедани и сбъятия от 70-те години на XX век (интервюта). Втора част / Съст. Х. Матанов. София: Св. Климент Охридски, 2016;

Груев М., Кльонски А. Кампания по смяна на имената (1970–1974) // «Възродителният процес»: памет и заличаване... С. 8–34.

¹¹ *Карахасан-Чинар И.* «Голямата екскурзия» — експлуатиране на турското малцинство от България през 1989 г. // «Възродителният процес»: памет и заличаване... С. 85–91.

¹² *Валева Е.Л.* Государственная политика Болгарии... С. 302.

¹³ Таблица на населението по постоянен и настоящ адрес област БЛАГОЕВ-ГРАД. 05.06.2020 // Главна дирекция «Гражданска регистрация и административно обслужване». URL: https://www.grao.bg/tna/t41nm-15-06-2020_2.txt (дата обращения 19.04.2021).

¹⁴ Подробен о взаимоотношениях между турками и болгарами в Славянове см.: *Леонтьева А.А., Струганова Е.Н.* Особенности духовной культуры и историческая память жителей болгаро-турецкого села Славяново // Славянский альманах. 2020. № 1–2. С. 400–418.

¹⁵ Белене — лагерь в Болгарии, находящийся на острове Белен на Дунае. Он функционировал с некоторыми перерывами в 1949–1989 гг. и преимущественно был ориентирован на политических заключенных. В период «возродительного процесса» туда направлялись помаки и болгарские турки.

¹⁶ *Карахасан-Чинар И.* «Голямата екскурзия»... С. 86.

¹⁷ *Валева Е.Л.* Государственная политика Болгарии... С. 295.

¹⁸ *Маева М.* Българските турци-преселници... С. 167.

¹⁹ Е. С. — Екатерина Струганова, участница экспедиции.

²⁰ Важно отметить, что среди болгарских женщин этого поколения (1940-х гг. р.) имя Зоя достаточно популярно, независимо от происхождения.

²¹ По устному сообщению И. А. Седаковой.

²² *Валева Е.Л.* Государственная политика Болгарии... С. 294.

²³ *Маева М.* Българските турци-преселници... С. 169.

²⁴ *Еремеев Д.Е.* История Турецкой Республики с 1918 года до наших дней. М.: Квадрига, 2017. С. 136–137.

²⁵ *Маева М.* Българските турци-преселници... С. 173.

²⁶ Там же. С. 195.

Глава 15

Математические инструменты измерения уровня полиязычия населения на примере Российской Федерации, Турецкой Республики, Греческой Республики и Республики Кипр*

В ходе реализации правительственного мегагранта в Центре психолого-экономических исследований Поволжского института управления имени П. А. Столыпина была разработана формула для подсчета индекса языковой интеграции (далее — ИЯИ)¹. Данные, вычисляемые по приведенной ниже формуле, отражают показатели языковой интеграции — всего населения страны, ее отдельного региона, города или любой другой группы, представляющей исследовательский интерес. Для подсчета ИЯИ необходимы данные по монолингвам (далее — МЛ), билингвам (далее — БЛ), трилингвам (далее — ТЛ) и полилингвам (далее — ПЛ), которые берутся в процентном отношении к общей численности исследуемой группы. Каждой выделяемой группе присваивается коэффициент: МЛ — 1, БЛ — 2, ТЛ — 3 и ПЛ — 4. Чем больше население знает языков, тем выше коэффициент, а соответственно и итоговое значение ИЯИ. В результате вычислений по предложенной формуле получается значение в пределах от 1 до 0. Чем ближе этот результат к 1, тем выше показатель ИЯИ исследуемой группы. Формула имеет следующий вид:

$$\text{ИЯИ} = -\frac{1}{3} + \{(\text{ПЛ} \times 4) + (\text{ТЛ} \times 3) + (\text{БЛ} \times 2) + (\text{МЛ} \times 1)\} : 300.$$

* Материал главы подготовлен в рамках проекта 14.W03.31.0027 «Когнитивно-поведенческие и кросс-культурные основания экономической политики» (Грант Правительства Российской Федерации для государственной поддержки научных исследований, проводимых в российских образовательных организациях высшего образования, научных учреждениях, подведомственных Федеральному агентству научных организаций, и государственных научных центрах Российской Федерации).

В совокупности с показателем коэффициента полиязычия (далее — КП), представляющим собой сумму долей БЛ, ТЛ и ПЛ в процентах $KП(\%) = БЛ(\%) + ТЛ(\%) + ПЛ(\%)$, а также долей владения теми или иными языками в исследуемой группе можно увидеть, какова ее языковая вариативность.

Указанные формулы были апробированы сначала на материалах Всесоюзных переписей населения 1970², 1979³ и 1989 гг.⁴ На их основе мы можем проследить динамику изменения ИЯИ в СССР и каждой союзной республике в указанные годы. В 1970 г. в опросник для респондентов Всесоюзных переписей внесли вопрос о владении вторым языком, что позволило получить представление о КП населения Советского Союза. К сожалению, итоги советских переписей не содержат сведений о владении третьим, четвертым и большим количеством языков. Инструкция 1989 г. предписывала переписчикам, если респондент называл несколько языков при ответе на вопрос о втором языке, указывать только тот, которым респондент владел лучше всего⁵. Таким образом, ответы о владении третьим или большим количеством языков просто не учитывались. Полагаем, что указанное было характерно не только для 1989 г., но и для Всесоюзных переписей 1970 и 1979 гг.

На рис. 15.1 представлена динамика изменения ИЯИ СССР и всех входивших в него союзных республик. Самой полиязычной союзной республикой в рассматриваемый период была Белорусская ССР, несмотря на незначительное падение ИЯИ в период с 1979 по 1989 г., а самой неполиязычной — РСФСР, которая демонстрировала пусть медленный, но все-таки рост значения ИЯИ.

В постсоветский период мы можем наблюдать на основе данных Всероссийских переписей населения 2002⁶ и 2010 гг.⁷, а также микропереписи 2015 г.⁸ дальнейший рост показателей КП и ИЯИ в Российской Федерации (см. табл. 15.1 и рис. 15.2). В 2002–2010 гг. фиксируется временное падение названных показателей языковой матрицы населения России, однако это не повлияло на общую тенденцию медленного роста числа лиц, владеющих более чем одним языком. По итогам микропереписи населения 2015 г. доступны данные не только по долям двуязычных граждан (БЛ) в населении России, но и по группам ТЛ и ПЛ.

На приведенные выше показатели ИЯИ и КП, по всей видимости, повлиял уровень владения русским языком, который являлся

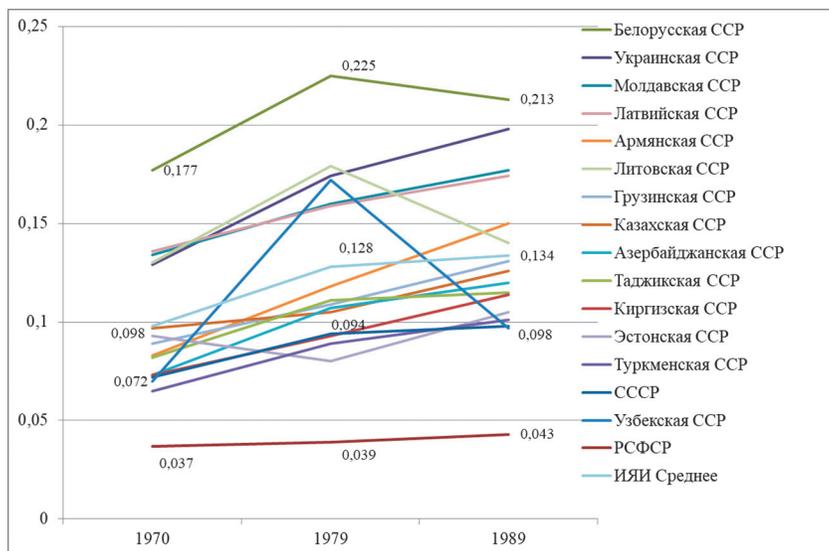

Рис. 15.1. Динамика ИЯИ СССР и входивших в него союзных республик (1970–1989)

Таблица 15.1. Динамика КП и ИЯИ населения РСФСР/РФ (1970–2015)

Год	Россия	Численность населения	КП, %	МЛ, %	БЛ, %	ТЛ	ПЛ	ИЯИ
1970	РСФСР	130 079 210	10,97	89,03	10,97	–	–	0,0369
1979	РСФСР	137 409 921	11,69	88,31	11,69	–	–	0,0393
1989	РСФСР	147 021 869	12,90	87,10	12,90	–	–	0,0433
2002	РФ	145 166 731	21,96	78,04	21,96	–	–	0,0797
2010	РФ	142 856 536	17,16	82,84	17,16	–	–	0,0575
2015	РФ	2 154 254	18,43	81,24	16,97	1,29%	0,17%	0,0658

и продолжает являться самым популярным и распространенным в России. Доля владения русским языком (либо как родным, либо как вторым) в 1970 г. составляла 96,2%⁹, в 1979 г. увеличилась до 97,4%¹⁰, а в 1989 г. подросла еще до 97,8%¹¹, т. е. в советское время наблюдался ее устойчивый рост. В 2002 г. доля населения, владеющего русским языком, составила 98,21%¹², в 2010 г. снизилась до 96,25%¹³, а в 2015 г. достигла максимальных 99%¹⁴.

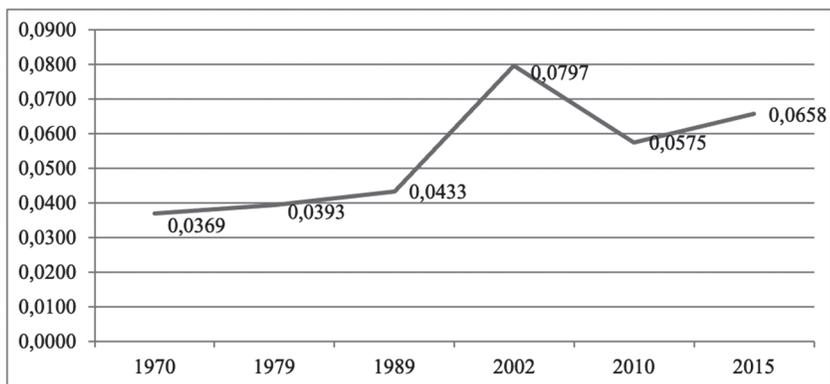

Рис. 15.2. Динамика ИЯИ населения РСФСР/РФ (1970–2015)

Дальнейшая апробация формул подсчета ИЯИ и КП была проведена на материалах статистической службы Европейского союза (далее — Евростат) о владении трудоспособного населения ЕС в целом и отдельных европейских государств в возрасте 25–64 лет иностранными языками в 2007, 2011 и 2016 гг.¹⁵ Эти данные отражают:

- 1) процент населения, не владеющего ни одним иностранным языком (их мы включили в МЛ);
- 2) процент населения, владеющего одним иностранным языком (БЛ);
- 3) процент населения, владеющего двумя иностранными языками (ТЛ);
- 4) процент населения, владеющего тремя и более иностранными языками (ПЛ).

Подсчет показателей языковой матрицы ЕС в целом, таких стран — членов союза, как Кипр (данные только по греческой части острова) и Греция, а также Турции представлен в табл. 15.2. Трудоспособное население ЕС в среднем владеет более чем одним языком, при этом чуть более трети граждан — монолингвы. Доля билингвов составляет почти столько же, а также имеется значительная доля тех, кто владеет тремя языками. Ситуация в Греции сопоставима со средней по ЕС, однако в Греции основную массу трудоспособного населения в исследуемый период составляли двуязычные граждане, поэтому итоговые показатели оказались несколько ниже. Наблюдалось уменьшение доли монолингвов, рост числа билингвов и трилингвов.

Трудоспособное население Кипра в этом отношении выделяется, так как в его структуре преобладают двуязычные и трехязычные граждане, что повлияло и на значительно более высокие общие показатели страны. Трудоспособное население Турции в 2007 и 2011 гг. характеризуется преобладанием доли моноязычных граждан, в сравнении с рассматриваемой группой стран показатели Турции по КП и ИЯИ намного ниже и сопоставимы скорее с данными по России. К тому же материалы, касающиеся Турции, оказались неполными ввиду того, что в исследовании Евростата 2016 г. страна участие не принимала.

Таблица 15.2. Динамика КП и ИЯИ трудоспособного населения ЕС, Греции, Кипра и Турции в возрасте 25–64 лет (по данным Евростата)

Год	Европейский союз (28 стран)	КП, %	МЛ, %	БЛ, %	ТЛ, %	ПЛ, %	ИЯИ
2007	Всего	63,10	37,00	38,40	17,70	7,00	0,3167
2011		65,80	34,30	35,40	21,30	9,10	0,3517
2016		64,60	35,40	35,20	21,00	8,40	0,3417
2007	Греция	56,70	43,40	44,80	9,90	2,00	0,236
2011		58,20	41,90	43,00	12,20	3,00	0,2553
2016		66,50	33,50	48,50	15,30	2,70	0,291
2007	Кипр	85,30	14,60	59,30	17,90	8,10	0,398
2011		83,90	16,10	56,70	19,20	8,00	0,3973
2016		89,50	10,50	62,20	20,30	7,00	0,413
2007	Турция	24,50	75,50	21,60	2,60	0,30	0,0927
2011		18,20	81,80	15,90	2,30	0,00	0,0687

Изменение показателей ИЯИ трудоспособного населения Европейского союза, Греции, Кипра и Турции представлено на рис. 15.3. В Турции (значительно) и на Кипре (неощутимо) в 2007–2011 гг. наблюдается снижение ИЯИ, в то время как в ЕС в целом и в Греции в эти же годы мы видим его рост. Также ростом характеризуется интервал 2011–2016 гг. для Кипра и Греции, а для ЕС – незначительным снижением. Греция – единственная страна, показывающая в исследуемый период стойкую тенденцию роста полиязычности своего трудоспособного населения.

В табл. 15.3 представлены результаты подсчета ИЯИ и КП по данным, полученным Евробарометром в ходе социологических исследований «Европейцы и языки» 2000 г.¹⁶, «Европейцы и их языки» 2005¹⁷

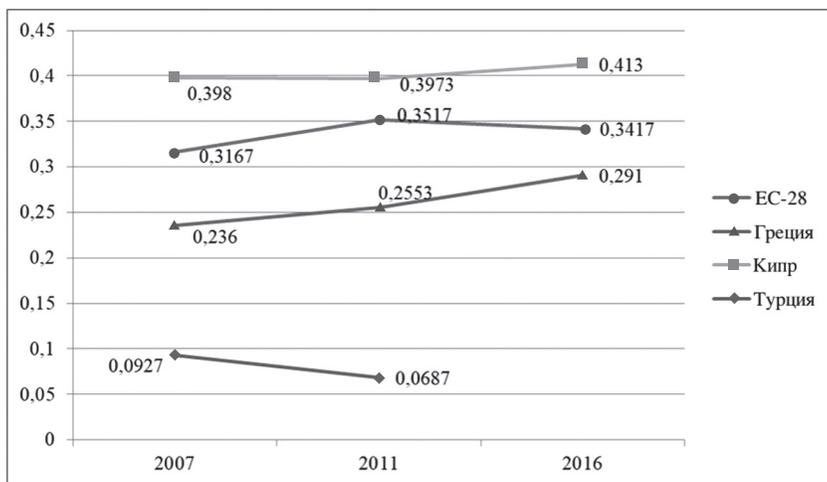

Рис. 15.3. Динамика ИЯИ трудоспособного населения ЕС, Греции, Кипра и Турции в возрасте 25–64 лет (по данным Евростата)

Таблица 15.3. Динамика КП и ИЯИ населения ЕС, Греции, Кипра и Турции в возрасте от 15 лет (по данным Евробарометра)

Год	Европейский союз	Численность населения	Выборка Евробарометра	КП, %	МЛ, %	БЛ, %	ТЛ, %	ПЛ, %	ИЯИ
2000	ЕС-15	–	16 078	53	47	25,70	16,20	6,70	0,2460
2005	ЕС-25	442 463 487	24 682	56	44	28	17	11	0,3167
2012	ЕС-27	408 879 069	26 751	54	46	29	15	10	0,2967
2005	Греция	8 674 230	1000	57	43	38	15	4	0,2667
2012		8 693 566	999	57	43	42	11	4	0,2533
2005	Кипр	552 213	502	78	22	56	16	6	0,3533
2012		660 400	506	76	24	56	13	7	0,3433
2005	Турция	47 583 830	1005	33	67	28	4	1	0,1300

и 2012 гг.¹⁸ В целом можно заметить, что эти результаты сопоставимы с итогами обработки сведений Евростата с учетом поправки на выборку Евробарометра: в нее вошли лица в возрасте от 15 лет.

На рис. 15.4 видна динамика ИЯИ населения Европейского союза в 2000–2012 гг. по данным Евробарометра. Здесь следует обратить внимание, что на итоговый результат оказало влияние количество

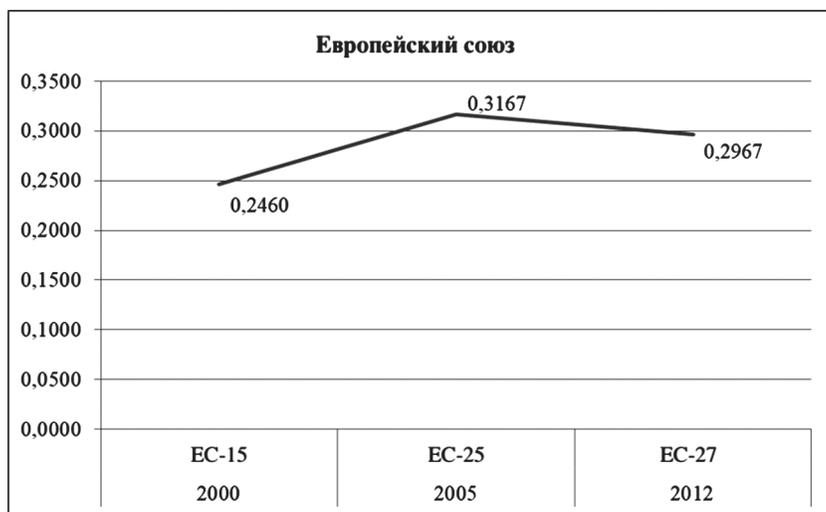

Рис. 15.4. Динамика ИИИ населения ЕС в возрасте от 15 лет (2000–2012) (по данным Евробарометра)

стран — членов ЕС, в которых в 2000, 2005 и 2012 гг. Евробарометр осуществлял свои исследования: в 2000 г. их было 15, в 2005 г. — 25, а в 2012 г. — 27. К тому же, при сравнении частично пересекающихся периодов 2005–2012 (по данным Евробарометра) и 2007–2011 гг. (по данным Евростата) следует учитывать и разницу в возрастном составе двух выборок.

Рис. 15.5, составленный по данным Евробарометра (2005–2012 гг.), в целом повторяет динамику ИИИ населения ЕС, Греции, Кипра и Турции, воспроизведенную на рис. 15.3 по данным Евростата (2007–2011 гг.). К сожалению, полных данных по странам — членам интеграционного объединения за 2000 г. Евробарометр не приводит. По Кипру их нет вообще, так как греческая часть острова стала членом ЕС только в 2004 г. Данные по Турции представлены только за 2005 г. в связи с тем, что страна в исследовании Евробарометра 2012 г. участия не принимала. Согласно Евробарометру, период 2005–2012 гг. характеризуется снижением уровня полиязычия как в ЕС в целом, так и в Греции и на Кипре (тогда как данные Евростата (рис. 15.3) по ЕС и Греции за 2007–2011 гг. показывали небольшое повышение ИИИ). Причины подобного расхождения результатов

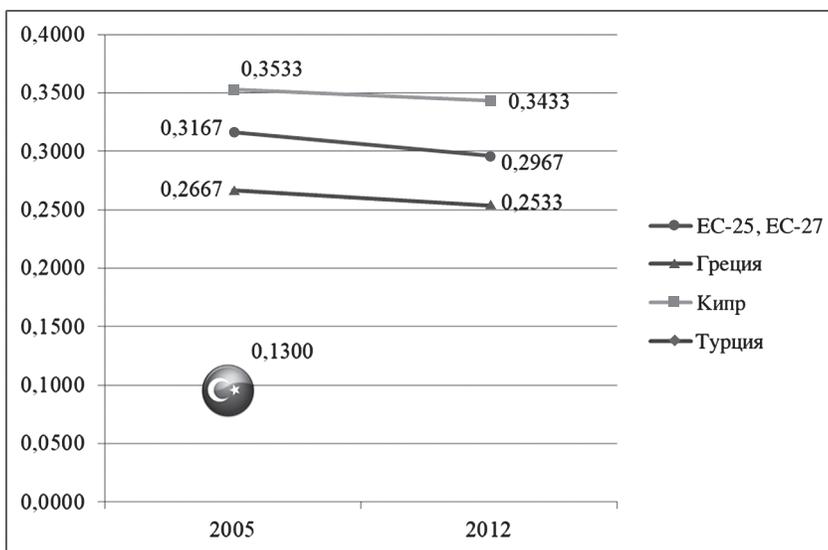

Рис. 15.5. Динамика ИЯИ населения ЕС, Греции, Кипра и Турции в возрасте от 15 лет (2005–2012) (по данным Евробарометра)

объясняются, как уже говорилось выше, различиями в принципах формировании выборки и разным количеством стран – членов ЕС, в которых проходили исследования Евростата и Евробарометра.

Данные Евробарометра отличаются также наличием сведений о том, какими конкретно языками владеют граждане ЕС. Как показывает табл. 15.4, английский язык является самым популярным языком среди населения ЕС. За 2005–2012 гг. доля населения, владеющего им либо как родным, либо как иностранным языком, превысила 50%. Одновременно растет доля граждан, говорящих на немецком, французском, итальянском, испанском и даже русском языках.

Таблица 15.4. Доли владения самыми популярными языками населения ЕС в возрасте от 15 лет (по данным Евробарометра)

Владение языками	Английский, %	Немецкий, %	Французский, %	Испанский, %	Итальянский, %	Русский, %
EU25 2005	43	25	19	11	14	5
EU27 2012	52	28	24	15	16	6

Согласно табл. 15.5, в Греции, на Кипре и в Турции после национальных греческого (для Греции и Кипра) и турецкого (для Турции) языков, которыми владеет 99–100 % респондентов, самым популярным является английский. В Турции в 2005 г. английским языком владело 16% населения, в Греции в 2005–2012 гг. количество граждан, говорящих по-английски, достигло 50%, а на Кипре – более 70%. Доли населения, владеющего остальными языками, в данных странах не превышают 4% и незначительно колеблются с течением времени, как, например, немецкий на Кипре (с 2 до 1%) или французский в Греции (с 1 до 3%). В целом совокупная доля граждан, говорящих на других (кроме национального и английского) языках, в Греции в 2005–2012 гг. выросла с 11 до 16%, а на Кипре снизилась с 13 до 12%.

Материалы Евростата о владении населением ЕС в целом и отдельных европейских государств иностранными языками включают данные не только обо всем трудоспособном населении, но и по отдельным категориям, в том числе гендерным.

На рис. 15.6 видна общая тенденция снижения уровня полиязычия трудоспособного населения Турции в возрасте 25–64 лет в 2007–2011 гг. Однако мужчины говорят на большем количестве языков, чем женщины, их показатели ИЯИ выше. Следовательно, если говорить о конкуренции между мужчинами и женщинами на рынке труда,

Таблица 15.5. Доли владения языками населения Греции, Кипра и Турции в возрасте от 15 лет (по данным Евробарометра)

Владение языками	Греция, %		Владение языками	Кипр, %		Владение языками	Турция, %
	2005	2012		2005	2012		2005
Греческий	100	99	Греческий	99	99	Турецкий	100
Английский	45	50	Английский	74	71	Арабский	3
Французский	1	3	Французский	3	3	Немецкий	3
Немецкий	4	3	Немецкий	2	1	Английский	16
Русский	2	2	Русский	2	3	Другие	11
Турецкий	1	0	Румынский	1	0		
Болгарский	0	2	Турецкий	1	2		
Румынский	0	2	Арабский	1	1		
Итальянский	1	2	Испанский	0	1		
Другие	2	2	Итальянский	2	1		
			Другие	2	1		

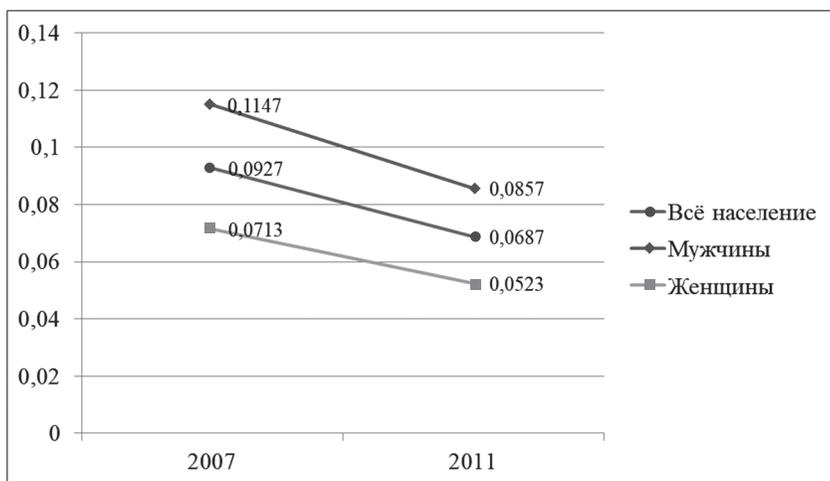

Рис. 15.6. Динамика ИЯИ трудоспособного населения Турции в возрасте 25–64 лет с разделением по гендерному признаку (по данным Евростата)

в Турции в секторах экономики, требующих знания иных языков, кроме национального, женщины уступают мужчинам.

Как показано на рис. 15.7, противоположная динамика наблюдается в 2007–2016 гг. в Греции. И мужчины, и женщины демонстрируют общую тенденцию роста уровня полиязычия, что подтверждается показателями ИЯИ. В отличие от Турции, в Греции трудоспособные женщины более конкурентоспособны по сравнению с мужчинами в экономических сферах, требующих знания иностранных языков.

Рис. 15.8 демонстрирует, что на Кипре, как и в Греции, трудоспособные женщины более полиязычны, чем мужчины. Любопытно, что динамика ИЯИ на Кипре не одинакова для мужчин и женщин. Показатель ИЯИ мужчин практически оставался стабильным в период 2007–2011 гг. и возрастал в 2011–2016 гг., в то время как применительно к женщинам на протяжении всего рассматриваемого периода виден рост показателя ИЯИ.

Подводя итог, отметим, что в Российской Федерации, Турции, Греции и на Кипре с разной степенью интенсивности происходит изменение уровня полиязычия. Нам сложно сделать какие-либо долгосрочные выводы касательно Турецкой Республики в связи с малым количеством данных. В остальных странах наблюдается рост

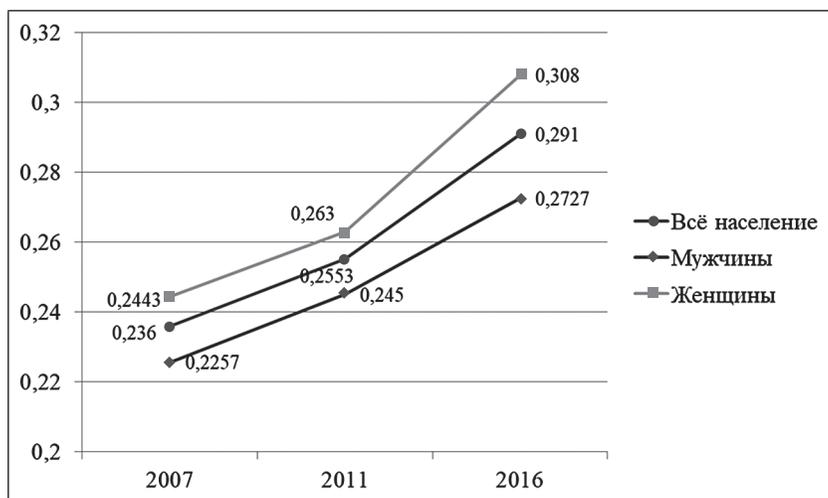

Рис. 15.7. Динамика ИЯИ трудоспособного населения Греции в возрасте 25–64 лет с разделением по гендерному признаку (по данным Евростата)

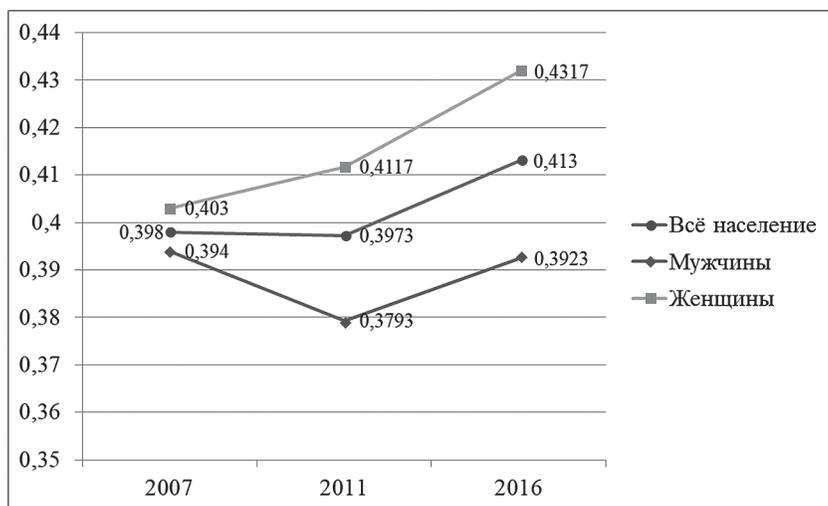

Рис. 15.8. Динамика ИЯИ трудоспособного населения Республики Кипр в возрасте 25–64 лет с разделением по гендерному признаку (по данным Евростата)

количества граждан, владеющих более чем одним языком. В Греции и на Кипре этот процесс идет быстрее, чем в Российской Федерации. На Кипре, в отличие от России, Греции и ЕС в целом, изменения показателей ИЯИ относятся к двуязычным и трехязычным группам населения. В Греции количество монолингвов по-прежнему значительно, а в России и Турции они на данный момент составляют подавляющее большинство граждан.

Интеграционные и глобализационные процессы объективно влияют на динамику полиязычия населения рассматриваемых стран, способствуя росту показателей КП и ИЯИ. Это дает основания предполагать, что эти процессы могут характеризоваться не доминированием конкретного языка, а ростом числа людей, знающих более чем один язык. Увеличение количества полилингвов как следствие или как спутник интеграции и глобализации позволит добиться коммуникативной языковой вариативности в мире, предоставит возможность выбора языка общения, а не предопределит употребление какого-то одного из них.

Примечания

¹ Айрапетян А. С. Математическая оценка динамики полиязычности в современном мире // Психолого-экономические исследования. 2019. № 3. С. 20–28; Неверов А. Н., Айрапетян А. С. Языковые рынки и инструменты их анализа // Психолого-экономические исследования. 2019. № 2. С. 11–22.

² Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. М.: Статистика, 1973. Т. IV. Национальный состав населения СССР. С. 20–320.

³ Таблицы 13–35 // Численность и состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. Статистический сборник / ЦСУ СССР. М.: Финансы и статистика, 1985. С. 71–137.

⁴ Всесоюзная перепись населения 1989 г. Распределение населения СССР по национальности и языку, населения союзных республик по наиболее многочисленным национальностям и языку // Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89.php (дата обращения 21.09.2019).

⁵ Инструкция о порядке проведения Всесоюзной переписи населения 1989 года и заполнения списков проживающих в помещении и переписных листов // Всесоюзная перепись населения 1989 года / Госкомстат СССР. М.: Финансы и статистика, 1987. С. 46–71.

⁶ Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. М.: Статистика России, 2005. С. 336, 341–342.

⁷ Владение языками населением Российской Федерации [Всероссийская перепись населения 2010] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub04-05.pdf (дата обращения 21.09.2019).

⁸ 10.4. Владение языками // Микроперепись населения 2015. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения 21.08.2020).

⁹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года... Т. IV. С. 333.

¹⁰ Таблицы 13–35 // Численность и состав населения СССР... С. 74.

¹¹ Всесоюзная перепись населения 1989 г.

¹² Основные итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. С. 336.

¹³ Владение языками населением Российской Федерации [Всероссийская перепись населения 2010] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-05.pdf (дата обращения 21.09.2019).

¹⁴ Доклад об основных итогах федерального статистического наблюдения «Социально-демографическое обследование (микроперепись населения) 2015 года». М.: Федеральная служба государственной статистики, 2016. С. 21.

¹⁵ Number of foreign languages known (self-reported) by sex (Last update: 07.03.2019) // Eurostat. URL: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=edat_aes_l21 (дата обращения 21.09.2019).

¹⁶ Europeans and languages. Eurobarometer 54 specialreport / INRA (EUROPE) – European Coordination Office S. A. 2001. February.

¹⁷ Europeans and their Languages. Special Eurobarometer 243 / Wave 64.3 – TNS Opinion & Social / European Commission. 2006. February.

¹⁸ Europeans and their Languages. Special Eurobarometer 386 / Wave EB77.1 – TNS Opinion & Social / European Commission. 2012. June.

Резюме глав

Раздел I. Российско-турецко-греческие отношения в исторической ретроспективе

Глава 1. Балканы между Византийской, Османской и Российской империями в исторической памяти и современных внешнеполитических практиках отдельных стран региона (Ар. А. Улуян)

Имперское наследие Византийской, Османской и Российской империй в национальной исторической памяти в балканских обществах и его актуализация в контексте формулирования или переформулирования как в социально-политических, так и в академических дискурсах, а также в форме «руководства к действию» со стороны правящих кругов балканских стран во внешнеполитической сфере является одним из факторов их внутривнутриполитической жизни и международной *Realpolitik* в начале XXI в. Упрощенная однозначность и «линейность» в восприятии этого наследия становятся причинами для ссылки на него как на аргумент, который может объяснить историческую судьбу балканских народов во время создания Объединенной Европы, где ее так называемая старая, т. е. западная, часть традиционно считалась классической на протяжении большей части XIX и всего XX вв., тогда как Балканы считались ее окраиной и пространством постоянной турбулентности, угрожающей ей.

Ключевые слова

Балканы, Византия, Османская империя, Российская империя, историческое наследие, внешнеполитические практики

Глава 2. Первые российские консулы в Османской империи во время мира и войны (1776–1787) (О. Е. Петрунина)

В главе на основе служебной переписки анализируется деятельность российских консулов в Османской империи, назначенных на свои посты после русско-турецкой войны 1768–1774 гг., когда были заложены основы сети

российских консульских учреждений в этой стране. В донесениях и письмах консулы сообщали об обстоятельствах прибытия к месту службы; встрече их местными властями и населением; трудностях, с которыми им пришлось столкнуться; особенностях политической культуры страны пребывания. Несмотря на то что российские консулы имели вполне официальный статус, они иногда встречали враждебное отношение к себе со стороны местных властей и элит, в том числе христианской. Особой опасности российские консулы подверглись с началом новой русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Несмотря на временные трудности и конфликты, деятельность первых российских консульств стала важным шагом в развитии русско-турецких отношений, продемонстрировав возможность их развития не только путем конфронтации.

Ключевые слова

Османская империя, внешняя политика России в XVIII в., российско-турецкие отношения, дипломатические конфликты, консульская служба

Глава 3. В горниле русско-турецкой войны 1877–1878 гг.: русские, болгары, турки (М. М. Фролова)

Изучение опубликованных воспоминаний русских офицеров, участников русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и официальных документов этого периода убеждает в том, что взаимоотношения русских и болгар не были однозначно позитивными, как утверждалось в марксистской историографии. В настоящей главе представлены некоторые наблюдения и сюжеты из сложной палитры взаимоотношений русских, болгар и турок.

Ключевые слова

Русско-турецкая война 1877–1878 гг., взаимоотношения русских, болгар и турок, Шипка, И. В. Гурко, П. Д. Зотов, П. П. Карцов, В. Д. Кренке

Глава 4. Хиландарский монастырь на Афоне и российская дипломатия: к истории русско-сербских отношений (1850–1870-е гг.) (И. Ю. Смирнова)

На новых материалах фондов Архива внешней политики Российской империи и других отечественных архивов, имеющих отношение к истории сербского духовного присутствия на Святой Горе, прослеживается развитие российско-сербских межцерковных связей в 1850–1870-е гг., когда Афон оказался вовлечен в сферу геополитических интересов европейских держав, использовавших этноконфессиональный фактор в качестве инструмента политического влияния в ближневосточном и балканском регионах.

Одна из основных задач российской дипломатии, в целях укрепления российского влияния на Православном Востоке, заключалась в оказании материальной помощи афонским обителям, в числе которых важное место принадлежало сербскому монастырю Хиландар. Изучение переписки российских светских и церковных дипломатов (посланника при Порте Н. П. Игнатьева, консула в Салониках А. Е. Лаговского, писателя и путешественника А. Н. Муравьева), представителей высшей духовной власти Сербии и России (митрополита Сербского Михаила, митрополита Московского Филарета, обер-прокуроров Св. Синода) позволяет проследить процесс принятия решений в российских ведомствах (министерстве иностранных дел и Святейшем Синоде) касательно финансовой поддержки монастыря Хиландар, на состоянии которого негативно отразились проблемы, связанные с новым политическим устройством Задунайских княжеств и антицерковной политикой Александру Кузы в отношении монастырских подворий Восточных патриархатов.

Ключевые сюжеты переписки касаются вопросов оказания материальной помощи Хиландару и дипломатической поддержки МИД в разрешении десятилетнего спора между Хиландаром и Зографом о земельных участках этих двух славянских обителей на Афоне, рассматривавшегося в турецком суде и привлекшего пристальное внимание европейских дипломатических ведомств. Особые усилия российских дипломатов были направлены на примирение сербов и болгар, а также на преодоление греко-российского кризиса на Афоне, достигшего в середине 1870-х гг. своего апогея. Развитие этнонациональных (русско-сербских, греко-российских и греко-болгарских отношений) рассматривается в контексте Восточного вопроса в третьей четверти XIX в.

Ключевые слова

Афон, греко-славянские отношения, православие, монашество, министерство иностранных дел, посольство в Константинополе, Н. П. Игнатьев, А. Н. Муравьев

Глава 5. Архимандрит Леонид (Кавелин) и Свято-Пантелеимонов монастырь: к истории русско-афонских связей во второй половине XIX в. (иер. Иоанн Кудласевич)

Глава посвящена изучению русско-афонских связей во второй половине XIX в. Автор рассматривает отдельные аспекты церковно-дипломатической деятельности архимандрита Леонида (Кавелина) в период его служения в посольской церкви в Константинополе (1865–1869 гг.). На основе

опубликованных, но не использованных исследователями материалов Русского Свято-Пантелеимонова монастыря и не введенных в научный оборот архивных материалов из личного фонда архимандрита Леонида Кавелина (Отдел рукописей РГБ. Ф. 148) прослеживается взаимодействие настоятеля посольской церкви с главой российской дипломатии на Востоке Н. П. Игнатьевым по вопросам защиты интересов русского монашества на Афоне.

Ключевые слова

Русско-афонские связи, российская геополитика на Православном Востоке, Русский Свято-Пантелеимонов монастырь, российское посольство в Константинополе, посол Н. П. Игнатьев, архимандрит Леонид (Кавелин)

Глава 6. Политические отношения СССР, Греции и Турции по кипрскому вопросу в 1950–1970-е гг. (Т. В. Никитина)

Кипрский вопрос в 1950–1970-е гг. был острой международной проблемой, по которой СССР, Греция и Турция имели резко противоположные позиции. Население Кипра, являвшегося с 1925 г. важным опорным пунктом и военной базой Великобритании в Восточном Средиземноморье, боролось против колониального режима, за право на самоопределение. Москва поддерживала справедливые требования киприотов создать «независимое государство». Афины выступали за воссоединение Кипра с Грецией. Анкара, категорически возражая против того и другого, предлагала в крайнем случае раздел Кипра между Турцией и Грецией. Английское правительство рассматривало кипрский вопрос как внутреннее дело Великобритании. США неоднократно домогались у Великобритании предоставления им военных баз на острове. Важно проследить, какими были резолюции ООН по кипрскому вопросу и как менялись позиции стран после образования Республики Кипр. Исследование основано на изучении материалов Архива внешней политики Российской Федерации.

Ключевые слова

Кипрский вопрос, Республика Кипр, Великобритания, Восточное Средиземноморье, ООН

Раздел II. Россия, Турция, Греция на современном этапе: возможности сотрудничества и партнерства

Глава 7. Сравнительный анализ политики Турции, Российской Федерации и Греции в отношении косовского вопроса (1999–2008 гг.) (К. Озлем)

События в Косово, произошедшие после смерти Йосипа Броза Тито, были одним из важнейших факторов распада Югославии. Албанцы в Косово

после изменения его статуса начали мирное сопротивление под руководством Ибрагима Ругова. Однако сосредоточение внимания международного сообщества на боснийской войне в первой половине 1990-х гг. привело к падению значимости косовского вопроса. Как известно, Косово не было упомянуто в Дейтонском мирном соглашении. Это стало причиной того, что албанцы изменили свои методы борьбы и начали военные действия под руководством Освободительной армии Косово (ОАК). Столкновения между югославской армией, состоящей из сербских солдат, и ОАК в 1998–1999 гг. завершились вмешательством НАТО 24 марта 1999 г. В то время как миссия Организации Объединенных Наций в Косово (МООНК) взяла на себя руководство регионом, албанцы в Косово после 1999 г. начали создавать собственные институты. Провал международных переговоров о статусе Косово привел к новым последствиям в этом вопросе. 17 февраля 2008 г. Косово в одностороннем порядке объявило о своей независимости при поддержке США.

Турция как член НАТО присоединилась к интервенции в 1999 г. и поддержала процесс обретения Косово независимости в 2000-е гг., в то время как Российская Федерация выступала против провозглашения независимости в одностороннем порядке, поскольку переговоры между сторонами о статусе Косово не завершились договоренностью. Греция, несмотря на членство в НАТО, неохотно поддержала интервенцию в 1999 г., и греческое общественное мнение было против этого решения. Как известно, Греция являлась традиционным союзником Сербии на Балканах. Таким образом, для Греции сложилась противоречивая ситуация, и решение Греции не признать Косово подтверждает это. В главе основное внимание уделяется политике Турции, России и Греции в отношении косовского вопроса в период с 1999 по 2008 г., а также делается попытка изучить основные мотивы политики этих игроков в отношении независимости Косово.

Ключевые слова

Косовский вопрос, независимость, Турция, Российская Федерация, Греция

Глава 8. Балканская политика Турции и ее подходы к взаимодействию с Россией и Грецией (И.А. Свистунова)

Балканский регион входит в число приоритетных направлений внешней политики Анкары. В годы правления в Турции Партии справедливости и развития (ПСР) турецкая политика на Балканах получила новый импульс по широкому спектру проблем. Балканская стратегия Анкары опирается на три взаимодополняющих концепции: евроинтеграция и принадлежность к западному миру, развитие со странами региона двусторонних связей

на основе прагматичных интересов, культурно-историческая обусловленность присутствия Турции на Балканах.

Подходы Турции к двум своим историческим соседям-антагонистам — России и Греции — в контексте современной балканской политики Анкары выстраиваются на основе сложного сочетания рациональных политических и экономических расчетов и культурно-исторических мотивов. Российско-турецкие отношения, несмотря на разногласия по ряду направлений, в целом переживают период беспрецедентного сближения. В греко-турецких отношениях существует немало трудноразрешимых проблем, однако две страны стремятся найти возможности для диалога. В связи с этим представляется важным и полезным изучение и анализ оценок и подходов турецкой стороны к балканской политике России и Греции.

Ключевые слова

Балканы, внешняя политика Турции, российско-турецкие отношения, греко-турецкие отношения

Глава 9. Вечный друг и вечный недруг: образы России и Турции в сознании современных греков (А. С. Лубоцкая)

В истории развития современной Греции преобладает редкое и достаточно интересное явление. С одной стороны, греческое государство полностью и безоговорочно принадлежит Европе, с другой — сохраняет собственную сугубо балканскую идентичность. Одним из примеров тому является особое, исторически сформированное отношение к России и Турции. Образы этих государств в восприятии греков не могут изменить ни периоды потепления во взаимоотношениях Афин и Анкары, ни отход от российской тематики во взглядах правящей элиты страны. Данные социологов свидетельствуют: как и сотни лет назад, Россия остается для греков родственной державой, помощницей и защитницей, а вот Турция — опасным и подозрительным соседом, с которым необходимо поддерживать мир и вести диалог, но не надеяться на его честность и обязательность.

Ключевые слова

Международные отношения, Балканы, греко-турецкие отношения, греко-российские отношения, общественное мнение, Греция

Глава 10. Греко-турецкие разногласия по вопросу делимитации Эгейского моря (И. М. Мамедов)

Среди многочисленных греко-турецких разногласий не последнее место занимает вопрос делимитации континентального шельфа Эгейского моря.

Греция считает, что каждый из ее островов в Эгейском море имеет свои территориальные воды и континентальный шельф, и претендует на право их расширения. Турция полагает, что Эгейское море является особым полузакрытым морем, делимитация которого должна основываться на принципе равенства, и греческие острова не должны рассматриваться как отдельные территории, имеющие территориальные воды. Стороны ведут переговоры, которые, правда, на данный момент не привели к урегулированию проблемы. Эти расхождения имеют экономическое и военное измерения, а также геополитический контекст.

Ключевые слова

Балканы, делимитация, конвенция ООН по морскому праву, континентальный шельф, исключительная экономическая зона, территориальные воды, Эгейское море

Глава 11. Греция и Турция: сотрудничество или соперничество в миграционной сфере? (К. В. Власова)

В течение последних лет одной из актуальных проблем, стоящих перед Европейским союзом, стала проблема нелегальной миграции, истоки которой следует искать в событиях на Ближнем Востоке 2011 г. Пик миграционного кризиса в Евросоюзе пришелся на 2015 г. Однако к началу 2020 г. эксперты заговорили о стабилизации миграционной ситуации в ЕС и преодолении миграционного кризиса, хотя многие вопросы, связанные с получением прибывшими статуса беженца или лица, ищущего убежища, размещением в специальных лагерях и т. д., до сих пор остались на стадии урегулирования.

Между тем в феврале — марте 2020 г. случилась очередная эскалация конфликта в сирийском Идлибе, где одним из активнейших участников была Турция. Желая оказать давление на Евросоюз, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган принял решение открыть границы для сирийских беженцев с целью их беспрепятственного проникновения сначала на территорию Греции и далее — в ЕС. У Евросоюза возникли реальные опасения относительно очередного витка миграционного кризиса, который может оказаться гораздо страшнее предыдущего. Существенно осложняет нынешнюю ситуацию тот факт, что среди новых нелегалов могут оказаться как бывшие боевики, так и больные коронавирусной инфекцией, что затруднит и без того непростое криминогенное и эпидемиологическое положение в Европе. Греция, оказавшаяся в очередной раз перед угрозой наплыва многочисленных нелегалов и будучи не в состоянии справиться с ситуацией в одиночку, запросила помощи со стороны Европейского союза, который дополнительно оказал

ей материальную и финансовую поддержку. Национальным правительством также самостоятельно были приняты определенные меры по урегулированию сложившейся ситуации.

В главе сделан анализ греко-турецких взаимоотношений в миграционной сфере за последние несколько лет, и особенное внимание уделено сформировавшемуся в 2020 г. положению на границе с Турцией.

Ключевые слова

Греция, Турция, Европейский союз, нелегальная миграция, миграционная политика, сотрудничество

Глава 12. Турецкий фактор в греко-российских отношениях в 2010-е гг. (А. К. Александрова)

Второе десятилетие XXI в. было непростым для Греции, России и Турции. Греция оказалась в тисках глубокого финансово-экономического кризиса; Россия столкнулась с целым рядом внешнеполитических вызовов, в том числе с санкциями ЕС и США; Турция также находилась в непростых отношениях со странами Запада. Сложная международная обстановка сказывалась и на двустороннем взаимодействии между данными странами. В главе рассмотрены греко-российские экономические отношения в 2010-е гг. с учетом турецкого фактора, влияние которого во многих сферах — от военно-технического сотрудничества до туризма — невозможно не учитывать. Этот фактор нельзя оценить однозначно как позитивный или негативный: с одной стороны, проблемы российско-турецких и греко-турецких отношений косвенно позволяли развивать греко-российское сотрудничество, а с другой — сдерживали его.

Ключевые слова

Греко-российские отношения, Турция, финансово-экономический кризис

Глава 13. Проблемы и перспективы развития сотрудничества на Балканах: роль России (Н. Махмутай)

В главе рассматриваются отношения, сложившиеся между Россией и странами Балканского полуострова в начале XXI в. Данный регион входит в круг интересов США, Европейского союза, России и других игроков на международной арене, и в последние годы балканские страны оказались в центре их внимания. Это связано не только с процессом включения государств полуострова в ЕС или с экспансией НАТО, но также и с присутствием России на Балканах. В главе анализируются различные аспекты российского влияния в регионе; оно не определяется как «новое», поскольку

Москва не является сторонницей расширения ЕС или НАТО. Однако взаимоотношения России со странами Балкан во многом зависят от современных внешнеполитических реалий. В этом контексте важно рассмотреть текущее состояние сотрудничества между Россией и балканскими странами, включая его проблемы и перспективы, а также оценить роль России в этом регионе.

Ключевые слова

Россия, Балканы, НАТО, ЕС

Глава 14. «Возродительный процесс» в памяти современных жителей Болгарии (по материалам экспедиции в с. Славяново) (А. А. Леонтьева)

«Возродительный процесс» — политика болгарских властей под руководством Годора Живкова по насильственной ассимиляции турок и помаков (болгар-мусульман) в 1984–1989 гг. «Болгаризация» включала в себя вмешательство государства в их религиозную жизнь, ряд запретов, касающихся родного языка, традиционной одежды и обычаев, а кроме того тотальную замену арабо-турецких имен мусульманского населения на болгарские.

Предметом изучения стали материалы, полученные в 2019 г. в рамках экспедиционного исследования села Славяново (Поповский район, область Тырговиште, северо-запад Болгарии). Анализ восприятия современными болгарскими турками событий, связанных с «возродительным процессом», спустя 30 лет показал, что он способствовал разрушению традиционного уклада жизни болгарско-турецкого села. Принудительная «болгаризация» вспоминается как травматический опыт, который сохраняется в памяти турецкой общности Болгарии и воспроизводится в форме нарративов при коммуникации на разные темы.

Ключевые слова

Болгария, Турция, «возродительный процесс», смена имен, турецкий язык, национальное меньшинство, миграции

Глава 15. Математические инструменты измерения уровня полиязычия населения на примере Российской Федерации, Турецкой Республики, Греческой Республики и Республики Кипр (А. С. Айрапетян)

Языковая политика в многонациональных обществах и государствах должна учитывать складывающуюся языковую ситуацию в конкретном регионе. Для ее изучения и определения направления языковой политики необходимы научные подходы. В целях измерения уровня полиязычия населения могут применяться математические методы.

В качестве одного из инструментов описания языковой ситуации и определения уровня полиязычия населения предлагается введение в научный оборот понятия индекса языковой интеграции (ИЯИ). Расчет указанного индекса с параллельным определением коэффициента полиязычия (доли населения, владеющего более чем одним языком) и выделением доли населения, владеющего распространенными языками, позволяет на материалах переписей населения, социологических исследований и иных источников, как минимум, фиксировать тенденции в языковой жизни государств.

Одним из факторов, влияющих на уровень полиязычия населения, является степень участия государств в кооперационных, интеграционных и глобализационных процессах. Названные экономические процессы не обязательно должны вести к полному доминированию какого-то одного языка. Не исключено, что данному сценарию существует альтернатива, выражающаяся в увеличении количества людей, владеющих более чем одним языком. Если указанное предположение верно, процессы интеграции и глобализации могут приобрести иное качество — языковую вариативность.

На материалах Всесоюзных и Всероссийской переписей населения (1970, 1979, 1989, 2002 и 2010 гг.), микропереписи 2015 г., по данным Евростата (2007, 2011 и 2016 гг.), а также по итогам социологических исследований Евробарометра (2000, 2005 и 2012 гг.) в главе оценено влияние интеграционных и глобализационных процессов на уровень полиязычия населения России, Турции, Греции и Кипра.

Ключевые слова

Индекс языковой интеграции, коэффициент полиязычия, Российская Федерация, Европейский союз, Республика Кипр, Турецкая Республика, Греция

Chapter abstracts

Section I. Russian-Turkish-Greek relations in historical retrospect

Chapter 1. Balkans between the Byzantine, Ottoman, and Russian Empires in the historical memory and current foreign policy practices of several countries in the region (*Artyom A. Ulunyan*)

The imperial legacy of the Byzantine, Ottoman, and Russian Empires in the national historical memory in Balkan societies and its actualization in the context of formulation, or reformulation both in socio-political and academic discourses, and as an “action guideline” to the ruling circles of the Balkan countries in the foreign policy sphere, is one of the factors of domestic political life and international *Realpolitik* in the early 21st century. Simplified unambiguity and “linearity” in the perception of this heritage sets the stage for reference to it in the form of an argument that can explain the historical fate of the Balkan nations at the time of making of a “united Europe”, where its so-called “old”, i. e. Western, part was traditionally viewed as classical Europe throughout the 19th and entire 20th centuries, whilst the Balkans were considered as the outskirts and an area of constant turbulence threatening Europe proper.

Keywords

Balkans, Byzantium, Ottoman Empire, Russian Empire, historical heritage, foreign policy practices

Chapter 2. First Russian consuls in the Ottoman Empire during peace and war (1776–1787) (*Olga E. Petrunina*)

Based on official correspondence, this chapter analyses the activities of Russian consuls in the Ottoman Empire who were appointed to their posts after the Russian-Turkish war of 1768–1774, when the foundation of the network of Russian consular offices in the country was laid. In their reports and letters, the consuls reported on the peculiarities of arriving at their place of service; how they

were accepted by local authorities and the population; the difficulties they had to face; and peculiarities of the political culture of the host country. Despite the fact that the Russian consuls had an official status, they sometimes met with hostility from local authorities and elites, including Christians. The Russian consuls were in particular danger with the start of the Russian-Turkish war of 1787–1791. Despite temporary difficulties and conflicts, the activities of the first Russian consulates became an important step in the development of Russian-Turkish relations, demonstrating the possibility of their development through means other than confrontation.

Keywords

Ottoman Empire, Russian foreign policy in the 18th century, Russian-Turkish relations, diplomatic conflicts, consular service

Chapter 3. Russians, Bulgarians, and Turks in the crucible of the Russian-Turkish war of 1877–1878 (*Marina M. Frolova*)

Study of published memoirs of Russian officers, participants in the Russian-Turkish war of 1877–1878, and official documents makes it clear that the relationship between Russians and Bulgarians during the war was not unambiguously positive, as was described in Marxist historiography. This work presents some observations and scenes from the complex palette of relationships between Russians, Bulgarians, and Turks.

Keywords

The Russian-Turkish war of 1877–1878, relations between Russians, Bulgarians and Turks, Shipka, I. V. Gurko, P. D. Zotov, P. P. Kartsov, V. D. Krenke

Chapter 4. Khilandar Monastery on Mount Athos and Russian Diplomacy: on the History of Russian-Serbian Relations (1850–1870s) (*Irina Y. Smirnova*)

New materials from the Foreign Policy Archive of Imperial Russia and other Russian archives relating to the history of the Serbian spiritual presence on the Holy Mountain show the development of Russian-Serbian interchurch relations from 1850 to the 1870s. At this time, Athos became involved in the sphere of geopolitical interests of European powers that used the ethno-confessional factor as an instrument of political influence in the Middle East and the Balkans.

One of the key tasks of Russian diplomacy, in order to strengthen Russian influence in the Orthodox East, was to provide material assistance to the Athonite monasteries, among which an important place belonged to the Serbian monastery of Khilandar. Study of the correspondence of Russian secular and ecclesiastical diplomats (Envoy to the Port N. Ignatiev and Consuls in Thessaloniki A. Lagovsky and A. Muravyov) and representatives of the highest spiritual authorities of Serbia and Russia (Metropolitan Mikhail of Serbia, Metropolitan Philaret of Moscow, and ober-Prosecutors of the Holy Synod) allows us to trace the decision-making process in Russian departments (the Ministry of Foreign Affairs and the Holy Synod)

regarding the financial support of the Khilandar monastery, which was negatively affected by the problems associated with the new political structure of the Transdubnbian principalities and the anti-church policy of Alexander Kuza towards the monastic farmsteads of the Eastern Patriarchates.

The key points of the correspondence relate to the issues of providing material assistance to Khilandar and diplomatic support from the MFA in resolving a ten-year dispute between Khilandar and Zograf monasteries over the land plots of two Slavic monasteries on Mount Athos, which was considered in a Turkish court and attracted the close attention of European diplomats. Special efforts by Russian diplomats were aimed at reconciling the Serbs and Bulgarians and overcoming the Greco-Russian crisis on Athos, which reached its apogee in the mid-1870s. The development of ethno-national (Russian-Serbian, Greek-Russian, and Bulgarian-Greek) relations is considered in the context of the Eastern Question in the third quarter of the 19th century.

Keywords

Athos, Greco-Slavic relations, Orthodoxy, monasticism, Ministry of Foreign Affairs, Embassy in Constantinople, N. Ignatiev, A. Muravyov

Chapter 5. Archimandrite Leonid (Kavelin) and St. Panteleimon Monastery: on the history of the relations between Russia and Mount Athos in the second half of the 19th century (*Ioann Kudlasevich*)

This chapter examines the relations between Russia and Mount Athos in the second half of the 19th century. The author examines certain aspects of the Church and diplomatic activities of Archimandrite Leonid (Kavelin) during his service in the Embassy church in Constantinople (1865–1869). Drawing on previously unused materials published by researchers of Saint Panteleimon Monastery on Mount Athos and archive material from the personal fund of Archimandrite Leonid (Kavelin) (Department of Manuscripts of the RSL, Coll. 148) that have also not yet entered scientific circulation, the author traces the interaction between the chief priest of the Embassy church with N. P. Ignat'ev, who was the head of the Russian diplomatic mission in the East, on the protection of the interests of Russian monasticism on Mount Athos.

Keywords

Russian-Athos relations, Russian geopolitics in the Orthodox East, Russian Saint Panteleimon Monastery, Russian Embassy in Constantinople, ambassador N. P. Ignat'ev, Archimandrite Leonid (Kavelin)

Chapter 6. Political relations between the USSR, Greece, and Turkey on the Cyprus issue from 1950 to the 1970s (*Tatiana V. Nikitina*)

The Cyprus question was an important issue for the international community from 1950 to the 1970s, and one on which the USSR, Greece, and Turkey held opposing views. The population of Cyprus, which, since 1925, had been an important

British outpost in the Mediterranean, was struggling against the colonial regime for independence. The USSR supported demands for the creation of an independent state. The Greek government would rather have united Cyprus with Greece. Turkey was strongly opposed to both ideas and would at most agree to split the island with Greece. The British government regarded the Cyprus issue as an internal matter, while the USA had pressed on many occasions to be allowed to establish military bases on the island. It is important to examine the UN resolutions on the matter and the changing positions of the countries involved after the formation of the Republic of Cyprus. This study is based on materials from the Foreign Policy archive of the Russian Federation.

Keywords

Cyprus question, Republic of Cyprus, Great Britain, Eastern Mediterranean, United Nations

Section II. Russia, Turkey, Greece at the present stage: opportunities for cooperation and partnership

Chapter 7. A comparative analysis of the policies of Turkey, the Russian Federation, and Greece towards the Kosovo issue (1999–2008) (*Kader Özlem*)

The developments in Kosovo that occurred after the death of Josip Broz Tito were one of the key factors in the disintegration of Yugoslavia. Albanians in Kosovo, after the change of its status, started a peaceful resistance under the leadership of Ibrahim Rugova. However, the focus of the international community on the Bosnian War in the first half of the 1990s caused the Kosovo issue to decline in importance. As a result, Kosovo was not mentioned in the Dayton Accords, which caused Albanians to change their methods, and they subsequently militarized under the Kosovo Liberation Army (KLA/UÇK). Clashes between the Yugoslavian Army, Serbian soldiers, and KLA in 1998 and 1999 concluded with NATO's intervention on March 24, 1999. While the United Nations Mission in Kosovo (UNMIK) took the lead in the region, Albanians in Kosovo started to establish their own institutions after 1999. The failure of international negotiations over Kosovo's status led Kosovo to declare her independence unilaterally with the support of the United States on 17th February, 2008.

Turkey, as a member of NATO, joined the intervention in 1999 and supported the Kosovan independence process in the 2000s, while the Russian Federation (RF) opposed the unilateral independence declaration because the negotiations on Kosovo's status did not conclude with a deal between both sides. In spite of Greece's being a member of NATO, Athens only reluctantly supported the intervention in 1999 and Greek public opinion was firmly against that decision. Greece has been a traditional ally of Serbia in the Balkans, leading to a difficult situation for Greece. The result of this can be seen in the decision of Greece to not recognise Kosovo. This work compares the policies of Turkey, RF, and Greece on the Kosovo

issue between the years of 1999 and 2008 and attempts to explore the primary motivations of these actors' policies regarding Kosovo's independence.

Keywords

Kosovo issue, independence, Turkey, Russian Federation, Greece

Chapter 8. Turkey's policy in the Balkans and Turkish approaches to interaction with Russia and Greece (*Irina A. Svistunova*)

The Balkans region is one of the priorities of Turkish foreign policy. Under the Justice and Development Party (AKP), Turkish policy towards the Balkans has gained new impetus in a wide range of directions. The Balkans strategy of Ankara is based on three complementary concepts: European integration and affiliation with the West, development of relations with regional states on the basis of pragmatic interests, and the cultural and historical presence of Turkey in the Balkans.

Ankara's approaches to its historical neighbour-adversaries Russia and Greece are based on a complicated combination of pragmatic political and economic concerns as well as cultural and historical patterns. Despite all the divergences on a number of issues, Russian-Turkish relations are going through the period of an unprecedented rapprochement. There are a lot of difficult problems in Greco-Turkish relations, but the two countries nevertheless try to find opportunities for dialogue. This all underlines the importance and the use of studying and analysing Turkish approaches to the Balkan policies of Russia and Greece.

Keywords

Balkans, Turkey's foreign policy, Russian-Turkish relations, Greek-Turkish relations

Chapter 9. Friend forever – unfriend forever: Russia and Turkey as seen by modern Greeks (*Anna S. Lubotskaya*)

Greece today is unique among EU countries. Entirely European, it preserves simultaneously some characteristic Balkan features, including its traditions, Orthodox Christianity, and a special, historically determined approach to Russia and Turkey. Stereotypical images of these countries in Greece are based on the long relationship history between the three nations, and little can be done to change them, even today: neither attempts to conduct warm neighbourly dialogue between Greece and Turkey nor the neutral position of the Greek government towards Russia have had any effect. This is confirmed by the results of numerous opinion polls. Nowadays, the majority of Greeks still believe that Russia is a friend and helpmate, while Turkey is a dangerous neighbour that Greece can be at peace with, but never fully trust.

Keywords

International relations, international policy, Balkans, Greek-Turkish relations, Russian-Greek relations, opinion poll, Greece

Chapter 10. Greek-Turkish disagreement over the delimitation of the Aegean Sea (Ilgar M. Mamedov)

Greek-Turkish disagreement over the Aegean Sea is caused by different approaches to the delimitation of the Aegean Sea shelf. Greece believes that each of the Greek Islands in the Aegean Sea has its own territorial waters and continental shelf, which Greece can expand into. Turkey believes that the Aegean Sea is a special semi-closed sea, the delimitation of which should be based on the principle of equality, and that the Greek Islands are not separate territories with territorial waters. The parties are negotiating, which, however, has not led to a settlement of the problem. These differences have economic and military dimensions, as well as a geopolitical context.

Keywords

Balkans, delimitation, the UN Convention on the Law of the Sea, continental shelf, exclusive economic zone, territorial waters, Aegean Sea

Chapter 11. Greece and Turkey: cooperation or rivalry in the migration sphere? (Ksenia V. Vlasova)

In recent years, one of the most significant problems facing the European Union has been the problem of illegal migration, the origins of which can be found in the events of 2011 in the Middle East. The peak of the EU migration crisis was in 2015. However, by the beginning of 2020, experts were talking about stabilizing the migration situation in the European Union and overcoming the migration crisis, although many issues related to obtaining refugee or asylum-seeker status, placement in special camps, etc., are still to be settled.

Meanwhile, in February and March 2020, events escalated in Syrian Idlib, where Turkey was one of the most active participants. Wishing to put pressure on the European Union, Turkish President Recep Tayyip Erdogan decided to open the state borders to Syrian refugees for their unhindered entry first into Greece and then into the EU. The European Union has real concerns about a repeat of the migration crisis, which could be much more serious than the first. Significantly complicating the current situation is the fact that new illegal immigrants may include both former terrorist operatives and individuals infected with coronavirus, which will exacerbate the uneasy criminal and epidemiological situations in Europe. Greece once again found itself having to deal with numerous illegal immigrants and, unable to handle the situation alone, requested EU assistance. Brussels provided additional material and financial support to the Greeks. The national Hellenic government has also taken certain independent measures to resolve the situation.

This chapter analyses recent Greek-Turkish relations in the migration sphere and pays special attention to the current situation on the border with Turkey in 2020.

Keywords

Greece, Turkey, European Union, illegal migration, migration policy, cooperation

Chapter 12. The Turkish factor in Greek-Russian relations in the 2010s
(*Anna K. Aleksandrova*)

The second decade of the 21st century was a difficult time for both Russia, Greece, and Turkey. Greece was plagued by a deep financial and economic crisis, Russia faced a series of external political challenges, including sanctions imposed by the US and EU, and Turkey's relations with the West also grew tense. This chapter examines the economic dimension of Greek-Russian relations in the 2010s, focusing specifically on the influence of the "Turkish factor", which, in many aspects — from international military cooperation to tourism — is impossible to ignore. The influence of Turkey can hardly be described unequivocally as either positive or negative: Russo-Turkish and Greek-Turkish issues have indirectly fostered Greek-Russian cooperation in some areas, while hindering its development in others.

Keywords

Greek-Russian relations, Turkey, financial and economic crisis

Chapter 13. Problems and prospects of development of cooperation in the Balkans: Russia's role (*Noela Mahmutaj*)

This chapter examines the relations between Russia and the countries of the Balkan Peninsula at the beginning of the 21st century. The Balkan region is in the circles of interest of USA, EU and Russia, and in recent years the political activities of the parties have shown themselves more actively in relation to the Balkan countries. This is due not only to the accession of new countries into the EU or to the expansion of the North Atlantic Treaty Organization (NATO), but also because of the growing influence of Russia in the Balkans. Thus, we pay attention to the analysis of the Russian influence in the Balkan region and argue that it is not defined as a "new" issue, since Russia is not a fan of EU or NATO enlargement. However, the relationships between these parties depends on international factors influenced by contemporary political realities. In this context, we analyse the current state of cooperation, including problems and prospects, and define Russia's role in this region.

Keywords

Russia, Balkans, NATO, EU

Chapter 14. "Revival Process" in the modern Bulgarian Turk's memory
(*according to the results of an expedition to Slavjanovo village*) (*Anna A. Leontyeva*)

The "Revival Process" is the official name of the forced assimilation of Bulgarian Muslim minorities (Turks and Pomaks) between 1984 and 1989. "Bulgarianisation" of Turks was carried out by changing their Turkish and Arabic names to Bulgarian names. This policy also included a number of restrictions on wearing traditional clothes and on speaking Turkish.

Field research in the village of Slavjanovo (community of Popovo, Targovishte region, Bulgaria) was conducted in August 2019. The task of the study was to collect ethnographic and historical material for further analyses of the modern memories of the 1984–1989 period. Analysis of the data helps us infer that the “Revival Process” and “Bulgarisation” are perceived as traumatic experiences, which persist in the memory of modern Bulgarian Turks, and is expressed in the form of narratives when communicating on different topics.

Keywords

Bulgaria, Turkey, “Revival Process”, Turkish Language, minorities, migrations

Chapter 15. Mathematical tools for measuring the level of multilingualism of the population in the Russian Federation, the Turkish Republic, the Hellenic Republic, and the Republic of Cyprus (Armen S. Airapetian)

Language policy in multinational societies and states should take into account the emerging language situation in a particular country and region. To study such situations and determine the direction of language policy, scientific approaches are needed. In societies characterized by the spread of polylingualism, mathematical methods can be applied to measure the level of multilingualism of the population.

As one of the tools for describing the language situation and determining the level of polylingualism of the population, it is proposed that the concept of the language integration index (LI) be introduced into scientific circulation. The calculation of this index along with the parallel determination of the polylingualism coefficient (the share of the population speaking more than one language) and the allocation of the share of the population’s proficiency in major languages allows the measurement and recording of trends in the linguistic life of states using data from population censuses, sociological studies, and other sources.

One of the factors affecting the level of polylingualism of a population is the degree of participation of states in cooperation, integration, and globalization processes. In the linguistic dimension, the named economic processes do not necessarily lead to the complete dominance of any one language. It is possible that there is an alternative to this scenario, which is expressed in an increase in the number of people who speak more than one language. The correctness of this assumption can give the processes of integration and globalization in the linguistic respect a completely different quality – linguistic variability.

Based on the Soviet and Russian Population Censuses (1970, 1979, 1989, 2002, and 2010), Microcensus 2015, Eurostat data (2007, 2011, and 2016), and the results of Eurobarometer sociological research (2000, 2005, and 2012), we assess the impact of integration and globalization processes on the level of polylingualism of the populations of Russia, Turkey, Greece, and Cyprus.

Keywords

Language integration index, polylingualism coefficient, Russia, European Union, Republic of Cyprus, Turkey, Greece

Сведения об авторах

Айрапетян Армен Самвелович — кандидат юридических наук, научный сотрудник, Лаборатория экономического поведения, Центр психолого-экономических исследований, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал РАНХиГС при Президенте РФ

E-mail: Airapetian-AS@ipei.ru

ORCID: 0000-0002-3165-7019

Александрова Анна Константиновна — кандидат исторических наук, научный сотрудник, ученый секретарь, Отдел современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, 119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8772-6688

Власова Ксения Викторовна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, доцент, Институт Европы РАН, 125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3В; Вятский государственный университет, 610000, ул. Московская, д. 36, Киров, Российская Федерация

E-mail: vlasovaksen@gmail.com

ORCID: 0000-0002-4119-4492

Иоанн Кудласевич, иерей — магистр богословия, аспирант, Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, 115035, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 5, Москва, Российская Федерация

E-mail: 0-001@tut.by

ORCID: 0000-0002-5103-1777

Леонтьева Анна Андреевна — младший научный сотрудник, Отдел истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН, 119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: leontanna@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7543-6085

Лубоцкая Анна Сергеевна — кандидат исторических наук, сотрудник РАНХиГС, 119571, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1, Москва, Российская Федерация

E-mail: lia-ann@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4114-9886

Мамедов Ильгар Махалович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Отдел современной истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, Институт славяноведения РАН, 119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: ilgarmm@yandex.com

ORCID: 0000-0003-4032-4571

Махмутай Ноэла — кандидат политических наук, преподаватель, Тиранский университет, Албания

E-mail: mahmutajnoela@gmail.com

Никитина Татьяна Васильевна — кандидат исторических наук, доцент, кафедра новой и новейшей истории, исторический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект, д. 27/4, Москва, Российская Федерация

E-mail: agdaik@mail.ru

Никифоров Константин Владимирович — доктор исторических наук, профессор, директор Института славяноведения РАН, 119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация; член бюро Национального комитета российских историков, вице-президент Международной ассоциации и председатель Национальной ассоциации по изучению стран Юго-Восточной Европы, Москва, Российская Федерация

E-mail: inslav@inslav.ru

Озлем Кадер — доцент, доктор, кафедра дипломатической истории, отделение международных отношений, факультет экономических и административных наук Университет Бурса Улудаг, Uludağ Üniversitesi Uluslararası İlişkiler 16059 Görükle / BURSA-TÜRKİYE

E-mail: kaderozem@uludag.edu.tr
ORCID: 0000-0003-4780-2118

Петрунина Ольга Евгениевна — доктор исторических наук, профессор, кафедра новой и новейшей истории, исторический факультет, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, 119991, Ломоносовский проспект 27/4, Москва, Российская Федерация; ведущий научный сотрудник, Отдел истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН, 119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: petrunina@narod.ru
ORCID: 0000-0002-6956-6745

Свистунова Ирина Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, 117997, ул. Профсоюзная, д. 23, Москва, Российская Федерация

E-mail: svistunova.irina@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5191-9090

Смирнова Ирина Юрьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН, 117292, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Москва, Российская Федерация

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4450-6885

Улунян Артем Акопович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, 119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: accounthist2000@yahoo.com
ORCID: 0000-0002-1861-4823

Фролова Марина Михайловна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь, Отдел истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время, Институт славяноведения РАН, 119334, Ленинский проспект, д. 32-А, Москва, Российская Федерация

E-mail: marinafrolova59@mail.ru
ORCID: 0000-0002-4068-5193

About the authors

Armen S. Airapetian – Ph.D. (Law), Researcher, Laboratory of Economic Behavior, Center of Psycho-Economic Researches, SVRIA – branch of RANEPA
E-mail: Airapetian-AS@ipei.ru
ORCID: 0000-0002-3165-7019

Anna K. Aleksandrova – Ph.D. (History), Researcher, Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 119334, 32-A, Leninsky Prospect, Moscow, Russian Federation
E-mail: anna.k.aleksandrova@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8772-6688

Ksenia V. Vlasova – Ph.D. (History), Senior Researcher, Associate Professor, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (IE RAS), 125009, 11–3B, Mokhovaya str., Moscow, Russian Federation; Vyatka State University, 610000, 36, Moskovskaya str., Kirov, Russian Federation
E-mail: vlasovaksen@gmail.com
ORCID: 0000-0002-4119-4492

Ioann Kudlasevich – Priest, Master of Theology, Postgraduate, Sst. Cyril and Methodius Institute of Post-Graduate Studies, 115035, 4/2, building 5, Pyatnitskaya str., Moscow, Russian Federation
E-mail: 0-001@tut.by
ORCID: 0000-0002-5103-1777

Anna A. Leontyeva – Junior researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 119334, 32-A, Leninsky Prospect, Moscow, Russian Federation
E-mail: leontanna@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7543-6085

Anna S. Lubotskaya – Ph.D. (History), RANEPa officer, 119571, 82, blog 1, Prospect Vernadskogo, Moscow, Russian Federation

E-mail: lia-ann@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4114-9886

Ilgar M. Mamedov – Ph.D. (History), Senior Researcher, Department of Contemporary History of Central and South-Eastern Europe, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 119334, 32-A, Leninsky Prospect, Moscow, Russian Federation

E-mail: ilgarmm@yandex.com

ORCID: 0000-0003-4032-4571

Noela Mahmutaj – Ph.D. (Politics), Lecturer, University of Tirana, Albania

E-mail: mahmutajnoela@gmail.com

Tatiana V. Nikitina – Ph.D. (History), Associate Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 119991, 27/4, Lomonosovskiy Prospect, Moscow, Russian Federation

E-mail: agdaik@mail.ru

Konstantin V. Nikiforov – D.Sc. (History), Professor, Director, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 119334, 32-A, Leninsky Prospect, Moscow, Russian Federation

E-mail: inslav@inslav.ru

Kader Özlem – Associate Professor, Dr., Chair of Diplomatic History, International Relations Department, Faculty of Economics and Administrative Sciences, Bursa Uludağ University, Uludağ Üniversitesi Uluslararası İlişkiler 16059 Görükle / BURSA-TÜRKİYE

E-mail: kaderozlem@uludag.edu.tr

ORCID: 0000-0003-4780-2118

Olga E. Petrunina – D.Sc. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, 119991, 27/4, Lomonosovskiy Prospect, Moscow, Russian Federation; Leading researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 119334, 32-A, Leninsky Prospect, Moscow, Russian Federation

E-mail: petrunina@narod.ru

ORCID: 0000-0002-6956-6745

Irina A. Svistunova – Ph.D. (History), Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 117997, 23, Profsoyuznaya str., Moscow, Russian Federation

E-mail: svistunova.irina@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5191-9090

Irina Y. Smirnova – D.Sc. (History), Leading researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 117292, 19, Dmitry Ulyanov str., Moscow, Russian Federation

E-mail: irinasmirnowa@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4450-6885

Artyom A. Ulunyan – D.Sc. (History), Chief Research Associate, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 119334, 32-A, Leninsky Prospect, Moscow, Russian Federation

E-mail: accounthist2000@yahoo.com

ORCID: 0000-0002-1861-4823

Marina M. Frolova – Ph.D. (History), Senior researcher, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 119334, 32-A, Leninsky Prospect, Moscow, Russian Federation

E-mail: marinafrolova59@mail.ru

ORCID: 0000-0002-4068-5193

Russia — Turkey — Greece: Dialogue opportunities in the Balkans

Summary

This monograph is the product of an international conference entitled “Russia — Turkey — Greece: Opportunities for Dialogue in the Balkans”, which was held on September 15, 2020. The conference was conducted by the Department of Modern History of Central and South-Eastern Europe of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences.

The authors of the monograph studied a wide range of issues related to the roles of Russia, Turkey, and Greece in the Balkans. Researchers have examined both the history and future perspectives; namely, how their mutual interactions have affected their overall relations and how they may contribute to the dialogue and cooperation amongst the three nations. The topics examined include: wars and diplomatic relations in general, religious ties and their impact, historical memory and modern images, regional issues and migration, the ties among the three countries and their influence on mutual relations.

The first part of the monograph entitled “Russian-Turkish-Greek relations in historical retrospect” deals with such topics as the historical memory of the Balkans between the Byzantine, Ottoman, and Russian Empires and the current foreign policy practices of several countries in the region; the first Russian consuls in the Ottoman Empire during peace and war of 1776–1787; the fate of Russians, Bulgarians, and Turks in the crucible of the Russian-Turkish war of 1877–1878; and Khilandar Monastery on Mount Athos, Russian diplomacy in the context of Russian-Serbian relations in 1850–1870s, and the history of the relations between Russia and Mount Athos in the second half of the 19th century using the

examples of Archimandrite Leonid (Kavelin) and St. Panteleimon Monastery. The authors offer a historical context of imperial relations which serves as a “bridge” to understanding later events.

In the second part, “Russia, Turkey, Greece at the present stage: opportunities for cooperation and partnership”, experts consider a number of regional problems, namely: political relations between the USSR, Turkey, and Greece on the Cyprus issue between 1950 and 1970; a comparative analysis of the policies of Turkey, the Russian Federation, and Greece towards the Kosovo issue from 1999 to 2008; Turkey’s policy in the Balkans and Turkish approaches to interaction with Russia and Greece; and Greek-Turkish disagreement over the Aegean Sea.

Other chapters examine bilateral relations and their effects on the third party: Greece and Turkey, cooperation or rivalry in the migration sphere; the Turkish factor in Greek-Russian relations in the 2010s; problems and prospects of development of cooperation in the Balkans: Russia’s role.

Two chapters explore the historical memories of the Balkan people: Friend forever – unfriend forever: Russia and Turkey as seen by modern Greeks, and “Revival Process” in the modern Bulgarian Turk’s memory according to the results of an expedition to Slavjanovo village. Finally, a chapter on mathematical tools for measuring the level of multilingualism of the population in the Russian Federation, the Turkish Republic, Greece, and the Republic of Cyprus concludes the monograph.

In the last decades there has been a steady rapprochement in Russian-Turkish relations and a deepening of cooperation both at the bilateral and regional levels. In Greece, traditional cultural and historical ties with Russia have been preserved, and public opinion continues to demonstrate a high degree of trust in modern Russia and its leadership. In this context, the monograph is an important contribution to the study of the Balkans, has promoted the exchange of views and cooperation among scholars, and may further strengthen mutual understanding among the peoples of Russia, Turkey, and Greece.

These works may be of interest to researchers of the history of the Balkans, Greece and Turkey, university students, and practitioners and experts interested in the region.

Научное издание

РОССИЯ – ТУРЦИЯ – ГРЕЦИЯ
Возможности диалога на Балканах

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 6 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 29.06.2021)

Корректор *А.М. Никитина*
Оригинал-макет *Л.Е. Голод*
Обложка *П.К. Донской, И.А. Тимофеев*

Подписано в печать 06.12.2021. Формат 60×90^{1/16}
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 15,5
Тираж 300 экз. Заказ № 2586

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86